

ISSN 2313-8912

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

RESEARCH RESULT. THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

6 (4) 2020

16+

Сайт журнала:
r linguistics.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

RESEARCH RESULT. THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69052 от 13 марта 2017 г.
The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)
Mass media registration certificate El. № FS 77-69052 of March 13, 2017

Том 6, № 4. 2020
СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2313-8912

Volume 6 (4). 2020
ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED
JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2313-8912

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: **Дехнич О.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия
ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: **Глебова Я.А.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия
РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: **Ляшенко И.В.**, кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Алефиренко Н.Ф., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Аматов А.М., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Багана Ж., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Вальтер Г., доктор филологических наук, профессор, университет им. Эрнста Морица Арндта г. Грайфсвальда, Философский факультет, Институт славистики, Германия

Вишнякова О.Д., доктор филологических наук, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Воркачёв С.Г., доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный технологический университет», г. Краснодар, Россия

Златев Дж., доктор философии, профессор, Лундский университет, г. Лунд, Швеция

Карасик В.И., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», г. Волгоград, Россия

Клепикова Т.А., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский федеральный государственный бюджетный университет экономики и финансов, г. Санкт-Петербург, Россия

Магировская О.В., доктор филологических наук, профессор, Институт филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Россия

Огнева Е. А., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Панасенко Н.И., доктор филологических наук, профессор, Университет Св. Кирилла и Мефодия в Трнаве, г. Трнава, Словакия

Порхомовский В.Я., доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Риё Ж., доктор филологических наук, профессор, университет Ниццы-Сопхи Антиполис, г. Ницца, Франция

Соколова Я., кандидат филологических наук, профессор, Университет Константина Философа, г. Нитра, Словакия

Хлебда В., доктор филологических наук, профессор, Опольский университет, г. Ополе, Польша

Чекулай И.В., доктор филологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), г. Белгород, Россия

Шарифиан Ф., доктор филологических наук, профессор, Университет Монаша, г. Мельбурн, Австралия

EDITORIAL TEAM:

EDITOR-IN-CHIEF: **Olga V. Dekhnich**, Ph.D. in Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

EXECUTIVE SECRETARY: **Yana A. Glebova**, Ph.D. in Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

ENGLISH TEXT EDITOR: **Igor V. Lyashenko**, Ph.D. in Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Associate Professor, Belgorod, Russia

EDITORIAL BOARD:

Nikolai F. Alefirenko, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Alexandr M. Amатов, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Jerome Baghana, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Igor V. Chekulai, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia, Belgorod, Russia

Wojciech Chlebda, Doctor of Philology, Professor, University of Opole, Opole, Poland

Vladimir I. Karasik, Doctor of Philology, Professor, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Volgograd State National Research University", Volgograd, Russia

Tatiana A. Klepikova, Doctor of Philology, professor, Saint-Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia

Oksana V. Magirovskaya, Doctor of Philology, Professor, School of Philology and Language communication of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Elena A. Oгнева, Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Belgorod State National Research University", Professor, Belgorod, Russia

Nataliya I. Panasenko, Doctor of Philology, Professor, University of St. Cyril and Methodius in Trnava, Trnava, Slovak Republic

Victor Ya. Porkhomovskiy, Doctor of Philology, professor, Linguistics Institute Moscow, Moscow, Russia

Josiane Rieu, Doctor of Philology, Professor, Nice Sophia Antipolis University, Nice, France

Farzad Sharifian, Doctor of Philology, Professor, Monash University, Melbourne, Australia

Jana Sokolova, Ph.D. in Philology, Professor, Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovak Republic

Olga D. Vishnyakova, Doctor of Philology, Professor, Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Sergey G. Vorkachev, Doctor of Philology, Professor, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Harry Walter, Doctor of Philology, Professor, University of Greifswald, Greifswald, Germany

Jordan Zlatev, Doctor of Philosophy, Professor of General Linguistics, Lund University, Lund, Sweden

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85.
Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»

Publisher: Belgorod State National Research University
Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4/year

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ
 РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА**

**LINGUISTICS
 SECTION I. THEORY OF LANGUAGE**

Корнеева А.В. Вид глагола: к вопросу о существовании данной категории в испанском языке	3	Korneeva Alexandra V. Does the category of verbal aspect exist in the Spanish language?	3
Панасенко Л. А., Ягодницена Е. А. Перцептивный признак «форма» как средство формирования интерпретирующих значений лексических единиц категории «растения» (на материале немецкого и русского языков)	13	Panasenko Lyudmila A., Yagodnitsena Elena A. Perceptive feature "form" as a means of forming interpreting meanings of lexical units of the "plants" category (based on German and Russian)	13
Pllana S., Pllana G. Conceptual motivation and term-formation in mechanical terminology	24	Pllana Sadete, Pllana Gani Conceptual motivation and term-formation in mechanical terminology	24
Шунейко А. А., Чибисова О. В. Семантика слова "странничество" и организующие его смыслы	30	Shuneyko Alexander A., Chibisova Olga V. The semantics of the word "strannichestvo" and its meanings	30

**РАЗДЕЛ II.
 СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

**SECTION II.
 COMPARATIVE LINGUISTICS**

Дондик Л. Ю. Сопоставительное исследование прагматических особенностей функционирования параллелизмов в американском и британском дискурсе интернет-рекламы	44	Dondik Lyudmila Yu. A comparative study of pragmatic characteristics of parallelisms functioning in British and American Internet advertising discourse	44
Поликарпов А.М., Французова А.Д. Об устном судебном переводе в Швеции	53	Polikarpov Aleksander M., Frantsuzova Alina D. On court interpreting in Sweden	53
Федуленкова Т. Н. Одномерные модели фразеологии современного международного делового языка	70	Fedulenkova Tatiana N. One-dimensional phraseology models of modern international business language	70

**РАЗДЕЛ III.
 ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ**

**SECTION III.
 LITERATURE OF PEOPLES AND NATIONS
 OF THE WORLD**

Велилаева Л. Р. Роберт Бернс в творчестве шотландских поэтов-эмигрантов США XIX в.	84	Velilaeva Lilia R. Robert Burns in the creative works of Scottish poets-emigrants of the USA of the XIX century	84
--	-----------	---	-----------

РАЗДЕЛ IV. ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

SECTION IV. APPLIED LINGUISTICS

Иксарова М. В. Опыт локализации официальных веб-сайтов китайских компаний на примере бренда LENOVO (联想)	92	Iksarova Mariia V. Experience in localizing official websites of Chinese companies on the example of the brand LENOVO (联想)	92
---	-----------	--	-----------

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS
РАЗДЕЛ I. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА
SECTION I. THEORY OF LANGUAGE**

УДК 81.366.587

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-1

A.V. Korneeva

Does the category of verbal aspect exist in the Spanish language?

Belgorod State National Research University
14 Studencheskaya St., Belgorod, 308007, Russia
E-mail: alexakorn@gmail.com
ORCID iD: 0000-0003-4553-1553

Received 25 November 2020; accepted 11 December 2020; published 30 December 2020

Abstract. The pertinence of the topic stems from the fact that there is no single point of view on the category of verbal aspect in the Spanish language among grammarians. The very existence of this category is often denied by scientists. The problems are caused by the confusion of grammatical concepts of tense and aspect of verbs, as well as by different interpretations of conveying aspectual meanings in Spanish. The purpose of this article is to conduct a comprehensive analysis of the grammatical category of verbal aspect in Spanish, which can be useful both for translators and for teachers working with Spanish-speaking students. In this study, we consider concepts of well-known scientists, as well as the collective works by authors of the Royal Academy of the Spanish Language, regarding the category of verbal aspect.

In Spanish studies, the category of verbal aspect is debatable. The very existence of this category in Spanish is often questioned. The ramified system of tenses in Spanish, owing its origin to Latin, gives reason to assert that the category of tense is of paramount importance among the verbal categories of the Spanish language. However, a strong relationship between the category of tense and the verbal aspectual meanings in Spanish can be noted. The aspectual and temporal forms of the Spanish language are divided according to their morphological structure, temporal correlation, and aspectual characteristics. The categories of aspect and tense in grammarians' studies have gone through three stages: the stage of "traditional grammar" in its classical period, the stage of traditional grammar immediately before the spread of structuralism, and the modern stage. At the last stage, there is a clear decrease in the value of temporality as a structuring element of the verbal system, and the category of aspect is becoming increasingly important; there are contemporary theories that considerably reduce the role of the category of tense. Three ways of conveying aspectual meanings in Spanish are described in the article: the lexical aspect (*aspecto léxico*), or the mode of action (*modo de acción*); the syntactic (*aspecto sintáctico*), or periphrastic aspect (*aspecto perifrástico*); the morphological aspect (*aspecto morfológico*). The following research methods are used in the article: theoretical analysis, synthesis, comparison, analysis of scientific

and methodological literature on the grammatical category of verbal aspect in Spanish. As a result of our work, we conclude that the Spanish verbal system has ample opportunities to convey a wide variety of aspectual meanings, but at the same time it is considered in close connection with the category of tense and in some cases is not singled out by scientists into a separate grammatical category.

Key words: Verbal aspect in Spanish; Aspecto verbal; Aspect category in Spanish; Category of verb aspect; Aspect and tense in the Spanish language; Spanish verb

How to cite: Korneeva, A.V. (2020). Does the category of verbal aspect exist in the Spanish language? *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.6 (4), 3-12, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-1

Корнеева А.В.

Вид глагола: к вопросу о существовании данной категории в испанском языке

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Студенческая, 14, Белгород, 308007, Россия
E-mail: alexakorn@gmail.com
ORCID iD: 0000-0003-4553-1553

*Статья поступила 25 ноября 2020 г.; принята 11 декабря 2020 г.;
опубликована 30 декабря 2020 г.*

Аннотация. Актуальность темы обусловлена тем фактом, что среди грамматистов нет единой точки зрения на вопрос о категории вида в испанском языке, зачастую само наличие данной категории отрицается учеными. Проблемы вызывают смешения грамматических понятий времени и вида глагола, а также различные интерпретации передачи видовых значений в испанском языке. Цель данной статьи – провести всесторонний анализ грамматической категории вида глагола в испанском языке, что может быть полезно как для переводчиков, так и для преподавателей, работающих в испаноязычной аудитории. В данном исследовании рассматриваются концепции известных ученых, а также коллективные труды авторов Королевской академии испанского языка, касающиеся категории вида глагола. В испанистике категория вида (аспекта) глагола является дискуссионной. Само существование данной категории в испанском языке зачастую подвергается сомнению. Разветвленная система времен в испанском языке, обязанная своим происхождением латыни, дает повод утверждать, что категория времени занимает первостепенное значение среди глагольных категорий испанского языка. Однако можно отметить сильную взаимосвязь категории времени и видовых оттенков глагола в испанском языке. Видо-временные формы испанского языка разделяются по морфологической структуре, по временной соотнесенности, по аспектуальным характеристикам. Категории аспекта и времени в исследованиях грамматистов прошли через три этапа: этап «традиционной грамматики» в ее классический период, стадию традиционной грамматики непосредственно перед распространением структурализма, современный этап. На последнем этапе отмечается явное снижение значения темпоральности как структурирующего элемента вербальной системы, притом категория аспекта приобретает все большее значение; появляются теории,

которые сильно уменьшают роль категории времени. В статье описаны основные тенденции в области анализа аспектуально-темпорального домена, характеристики глагольного вида в испанском языке, а также следующие группы аспектуальных значений: 1) лексический аспект (*aspecto léxico*) или способ действия (*modo de acción*); 2) синтаксический (*aspecto sintáctico*) или перифрастический аспект (*aspecto perifrástico*); 3) морфологический аспект (*aspecto morfológico* или *desinencial*). Используются следующие методы исследования: теоретический анализ, синтез, сравнение, анализ научно-методической литературы по грамматической категории аспекта в испанском языке. В результате исследования мы приходим к выводу: испанская глагольная система имеет широкие возможности для передачи большого разнообразия аспектуальных значений, но при этом она рассматривается в тесной связи с категорией времени и в ряде случаев не выделяется учеными в отдельную грамматическую категорию.

Ключевые слова: Вид глагола в испанском языке; Категория аспекта в испанском языке; Категория вида глагола; Видо-временная система испанского языка; Испанский глагол

Информация для цитирования: Корнеева А.В. Вид глагола: к вопросу о существовании данной категории в испанском языке // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, N4. С. 3-12. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-1

Introduction

The grammatical category of verbal aspect in Spanish is very controversial and generates a discord among grammarians. This fact was indicated both by Russian (Vasilyeva-Shvede O.K., Vinogradov V.S., Gorbova E.V., Miloslavsky I.G., Stepanov V.G., Tseplinskaya Yu.E., etc.) and international researchers (Aparicio E., Boske I., Vendler Z., Comrie B., Rojo G., Fernandez L.G. and others). Thus, in some studies on Spanish verb the very existence of this category in the Spanish language is in question. “There is no consensus on the question whether the category of verbal aspect in Romano-Germanic languages exists or not; it was discussed more widely in relation to Germanic languages than in relation to Romanic languages” (Vasilieva-Shvede, 1971: 195).

The Spanish linguists who made a great contribution to the publication of grammar by the Spanish Royal Academy (Real Academia Española, RAE), Ignacio Bosque Muñoz and Violeta Demonte Barreto did not dedicate any of their 78 chapters to the verbal aspect (Moreno de Alba, 2003: 74). In Spanish,

“recognition of the verbal aspect category as such is considered unjustified, and the various aspectual meanings that appear in the forms of verb tenses are interpreted as a secondary effect of tense meanings” (Alimova, 2010: 60). At the same time, “the absence of the formally expressed grammatical category of verbal aspect in the Spanish language is compensated by various means. Verbal meanings are inherent primarily in Spanish verb tenses” (Vinogradov, Miloslavsky, 1986: 94).

Indeed, the ramified system of verb tenses in Spanish, owing its origin to Latin, gives reason to assert that the category of verb tense is of paramount importance among the verb categories of the Spanish language. Alexandre Veiga notes that grammatical interpretations and descriptions on certain temporal and aspectual contents assigned to the Spanish verb are not always appropriate and “some aspectual characterizations [...] disregard the reality of specific uses of certain forms and are concomitant with temporal characterizations” (Veiga, 2015: 119). It is not possible to deny the specific meanings of the verb as such. We can notice a strong

relationship between the category of tense and the verbal aspectual meanings in Spanish. Thus, examining the grammatical category of Pretérito Imperfecto, Elena Gaspar García analyzes the unique meanings of this tense from the point of view of the verbal and lexical aspects (Gaspar García, 2015: 76-86). M.V. Alimova notes that “the category of verbal aspect in Spanish is conveyed through a system of forms and meanings of tenses, which include the concepts of the limited / unlimited time of action, its duration and momentariness, multiplicity and timeliness, limitation and non-limitation, i.e. through the elements of aspectuality” (Alimova, 2010: 57). Further we will analyze the ways of transferring aspectual meanings in the Spanish language.

Main part

The purpose of this article is to conduct a comprehensive analysis of the grammatical category of aspect and to identify ways of conveying aspectual meanings in Spanish.

Materials and Methods

The category of verbal aspect in Spanish has been described and discussed in the works of Aparicio E., Bosque I., Comrie B., Demonte V., Fernandez L.G., Gili Gaya S., González V., Rojo G., Vendler Z., Westerholm D. and others. Also, a number of Russian scientists devoted their works to the grammatical category in Spanish: Alimova M.V., Gorbova E.V., Miloslavsky I.G., Stepanov V.G., Tseplinskaya Yu.E., Vasilyeva-Shvede O.K., Vinogradov V.S., and others. In the course of this work, we will analyze some important scientists' concepts concerning the category of Spanish verbal aspect.

In the article, we used the following **research methods**: theoretical analysis, synthesis, comparison, analysis of scientific and methodological literature concerning the category of aspect in Spanish.

Talking about the system of verbal aspect and tenses in the Spanish language, grammarians use such terms as “temporality and aspect” (“*temporalidad y aspecto*” –

Guillermo Rojo) and “the aspectual-temporal system” (E.V. Gorbova).

According to Gramática Nueva (2009: 1675–1680) the aspect and tense forms of the Spanish language are divided according to the following principle:

1) according to the morphological structure: simple (*simples*) and analytical (*compuestos*) forms are distinguished; analytical forms are formed by combining the auxiliary verb *haber* with a participle formed from a semantic verb;

2) according to the temporal correlation: there are absolute (*absolutos*) and relative / taxis (*relativos*) aspect and tense forms;

3) according to the aspectual characteristics: perfect (*perfectos*) and imperfect (*imperfectos*) tense forms are distinguished.

As reported by Guillermo Rojo (Rojo, 1988: 195-201), the grammatical categories of aspect (*aspecto*) and tense (*temporalidad*) have always been considered in interconnection, both in studies of Latin and Romanic languages in general, and of Spanish in particular. Speaking specifically about the Spanish language, these categories in grammar research have gone through three stages.

The first of these stages is that of “traditional grammar” in its classical period (describing this stage, Guillermo Rojo refers to the editions by the Royal Academy of the Spanish language on grammar before 1917). At this stage, grammarians structure the verbal system into two main categories: mood and tense, since voice, person and number operate in areas different from these categories and do not form the basis of the structural system. The category of verbal aspect was not yet featured at that time. Of course, grammarians talk about “pretéritos imperfectos, perfectos y pluscuamperfectos” (the imperfect tenses, perfect tenses and pluperfect tenses), as well as “futuros imperfectos y perfectos” (imperfect and perfect future tenses), and generally, these terms denote the complete or incomplete nature of a situation, which is expressed by

the verb form. However, this does not imply aspect as a grammatical category. Thus, in accordance with Guillermo Rojo, “it can be assumed that at this stage there are only two categories that play an important role in the configuration of the verbal system: mood and tense” (Rojo, 1988: 196).

The second stage occurs at the stage of traditional grammar just before the spread of structuralism. This stage is reflected in publications by the Royal Academy of the Spanish Language (RAE) after 1917, including *The Essay (el Esbozo)*, by Gili Gaya, and others. In general, the authors of that time already consider three categories that play an important role in structuring the verb system: mood, tense and aspect. Guillermo Rojo believed that the main reason for introducing the third category was the existence of differences between completed and not yet completed action. That is, the question arose how to distinguish the notions that had previously been designated by a broader concept (category of tense), and how to allocate a separate category (Rojo, 1988: 197).

However, by separating the aspect as an independent category of the Spanish verb, grammarians did not solve all the problematic issues. For example, Gili Gaia noted that the Academy “confuses the concept of perfectiveness (*perfección*) of an action with the time of its completion” (Gili, 1961: 291). Guillermo Rojo believed that even greater difficulties were caused by the fact that the Academy considered *llegué*, the form of the simple past tense of the verb *llegar* (to arrive), to be a perfect form, which completely violated the symmetry of the system, since this form is simple, not perfect, and it cannot be opposed to the corresponding complex form. On this basis, the Academy calls this consideration “indefinite”, because the verb “sometimes expresses the beginning of an action, and sometimes its completion, depending on the meaning of the verb” (Rojo, 1988: 197).

According to Guillermo Rojo, the traditional view of the structure and

functionality of the Spanish verb is inflexible and hierarchical, because it suggests a sequence of categories. The Spanish verb system has a specific structure: voice, moods, tenses, aspects, persons and numbers. Thus, each mood should include forms of a present, past and future tense, each tense group – perfect and imperfect forms, etc. (Rojo, 1988, pp. 195, 198).

Speaking about the third stage of the verbal system, Guillermo Rojo states that the spread of structural approaches in Romanic linguistics in general, and in Spanish in particular coincided with a clear decline in the importance of temporality as a structuring element of the verbal system. Moreover, the category of aspect “occupied the territory that, to a significant extent, had been taken away from temporality”. Guillermo Rojo emphasizes that the categories of aspect and tense are undoubtedly two different categories, but they are closely related to each other, so that any expansion of the field of application of one of them will most likely result in a decrease in the influence of the other (Rojo: 1988: 199). The grammarian noted that in the traditional concept the factors of temporality which influenced the verb were exceedingly associated with the extralinguistic concepts of the present, past and future. This connection gave rise to insurmountable contradictions. For example, the form “*de pretérito*” (“past tense”) should describe situations that precede the time of speech, but can refer to present or future situations, and a verb in the future tense can refer to the present, for example: *Tendrá (ahora) veinte años*. The verb “*tener*” in the future tense here means “must be”: He must be (now) twenty years old (example by Rojo, 1988: 200).

Thus, “the traditionally used labels “past”, “present” and “future” are inadequate, on the one hand, and insufficient, on the other hand. They are inadequate because they associate a grammatical concept with extragrammatical categories. They are insufficient, because they cannot reflect the temporal

relations expressed by Spanish verbal forms” (Rojo, 1988: 202).

According to Guillermo Rojo, the stated above and other contradictions in the traditional system in the last thirty years have led to the introduction of various theories that greatly reduced the role of the category of tense. They can be arranged into two large groups:

a) On the one hand, this is the way followed first by Benveniste and later by Weinrich. A common factor for both of them is the creation of two groups of verbal forms (history and discourse in the first case, commentary forms and narrative forms in the second case). This distribution is the great organizing principle of the system for both authors.

b) According to the other branch, a verb has so-called “levels, or plans of reality”. It was formulated already by Damourette and Pichón and reworked by Burger in 1961, and later adopted by Pottier and Lamíquiz. Independently, but in much the same way, Coseriu regards “plans of reality” as one of the most characteristic factors of the Romanic verbal system (Rojo, 1988: 200).

Guillermo Rojo, however, notes that with regard to the category of aspect, recent developments basically have not brought important innovations. Despite the fact that Coseriu and his followers made a lot of efforts to establish differences in aspectual meanings, the category of aspect is still not a clearly defined concept on which there is a consensus. On the contrary, the countless definitions of aspect that have been given in recent years and the almost endless classes and subclasses that have been proposed suggest that we are dealing with a category in need of strong revision, at least in Romance languages.

“The innumerable definitions of aspect, the huge number of different and contradictory classes and subclasses accumulated by linguists, or the paradoxical definition of some verb forms as perfective, and others as imperfective, indicate that we are dealing with a misunderstood category.

Indeed, [...] Latinists and Romanists disagreed on this issue, considering it in a wide range of possibilities, coming to the conclusion about the great structuring principle of the verb, or denying its functionality, and at the same time they passed all conceivable intermediate stages” (Rojo, 1988: 204).

Characterizing the categories of tense and aspect of the Spanish verb, E.V. Gorbova notes that “unfortunately, it is not possible to talk about any tradition in describing the structure of the aspectual and temporal system in the Spanish language, as well as about the tradition of using aspectological terminology in studies based on this language” (Gorbova, 2012: 153). The author examines the aspectual and temporal system of the Spanish language, relying on the concept of binary grammatical opposition. At which point it is noted that binarity is interpreted either as an opposition of perfective and imperfective (this approach is typical for describing aspectuality in the Russian language, meaning perfective and imperfective aspect), or perfectiveness and imperfectiveness (which implies that there are two zones in aspectuality which contain a variety of partially different aspectual meanings) (Gorbova, 2012: 149–150).

E.V. Gorbova identifies the following main trends in the analysis of the aspectual and temporal domain (Gorbova, 2012: 156–157):

1. The tradition of distinguishing an aspectual opposition of the temporal verb forms in Spanish (Gramática 1931; Rojo 1988, 1990; Rojo, Veiga 1999; Weinrich 1974). The authors believe that the aspectual meanings of the tense forms of the Spanish verb are derived from the temporal values.

2. The position of “lexical aspectuality” (Bello 1951; De Miguel 1999; Nueva Gramática 2009). There are two significant groups of verbs: terminative verbs and non-terminative verbs.

3. The point of view that recognizes only one opposition: Imperfect – Aorist (Westerholm 2010).

4. The tendency to consider peripheral constructions, in particular, *estar + gerundio*, as the central component of the aspectuality of the Spanish language (Dietrich 1973; Bosque, Demonte 1999; Nueva Gramática 2009; Vasilieva-Shvede 1957; Vasilieva-Shvede, Stepanov 1963, 1990).

E. V. Gorbova emphasizes that these concepts are almost not presented in their pure form and that they are not mutually exclusive. The author also points out some concepts of other authors (V.I. Siletsky, A.A. Pravdzivy, B. Comrie, etc.) thereby confirming her own words: “the presence of aspectuality (as a set of very different means of expressing “the internal time” of a situation) in Spanish verb is not questioned, but opinions on the question of the structure of these means, on determination of their status can be very different” (Gorbova, 2012: 154).

E. V. Gorbova proposes a multilevel model for describing the aspectuality in Spanish by distinguishing three binary grammatical aspect oppositions: Imperfect – Aorist, Perfect – Nonperfect, Progressive – Non-progressive (Gorbova, 2012: 163).

The New Grammar Manual (Manual de la Nueva Gramática de la Lengua Española: 2010) states that the question of amount of the category of verbal aspect in Spanish is controversial. According to this manual, the verbal aspect (el aspecto verbal) has the following characteristics: it informs about the internal structure of events, allows us to know whether they begin, end or repeat; whether they are perceived as an action from beginning to end, or it is an action that occurs only in a specific moment in time, i.e. which is incomplete. The verbal aspect, therefore, affects the internal time (tiempo interno) of the situation, but not its relationship with the moment of speech.

Taking this quality in consideration, the aspect is also characterized as a grammatical means that allows you to focus on some components of situations, and at the same time hide or skip others. In support of what was said in the manual, two sentences are

given to compare: *Arturo lee el periódico* and *Arturo está leyendo el periódico* (Manual de la Nueva Gramática de la Lengua Española: 2010: 430). These phrases are translated accordingly as: “Arthur reads the newspaper” and “Arthur is reading the newspaper”. The first sentence shows repetition of the action being performed, while the second one indicates the fact that the action is taking place at this particular moment. It is emphasized that the difference in these two statements is not in the tense (since the verb “leer” is used in both cases in the present tense), but in the aspect.

According to New Grammar Manual (Manual de la Nueva Gramática de la Lengua Española, 2010, p. 430), the verbal aspect in Spanish is traditionally divided into three groups:

1) The lexical aspect (aspecto léxico) or the mode of action (modo de acción), which is also called the quality of action (cualidad de la acción, accionalidad);

2) syntactic (aspecto sintáctico) or periphrastic aspect (perifrástico);

3) morphological aspect (aspecto morfológico or desinencial).

It should be noted that in scientific publications there are also other definitions related to these groups. Thus, the lexical aspect is called the German term *Aktionsart*; the morphological aspect is sometimes called verbal or inflectional (flexivo) (González, Alberto, 2017: 130).

We shall consider these groups in more detail.

The lexical aspect is conveyed by meaning of the predicate. Thus, a verb can describe both a long-term situation (situación durativa) and a punctual situation in time (situación puntual): the sentence *Luis vivió en Caracas* (Luis lived/was living in Caracas) is opposed by the authors to the sentence *Luis llegó a Caracas* (Luis arrived at Caracas), where the verb “llegar” expresses a punctual action, and the verb “vivir” is an action extended in time.

The syntactic or periphrastic aspect corresponds to verbal paraphrases, first of all

to phasal ones (de fase, fasales), as well as aspectual and temporal (tempoaspectuales), sequential (escalares) and gerundial (las de gerundio) (Manual de la Nueva Gramática de la Lengua Española, 2010: 430).

The term “a verbal paraphrase” means “a verbal construction”. In Spanish, there is a large number of verbal paraphrases. Most of them have aspectual meaning. In paraphrases with aspectual meanings the semantics of the auxiliary verb is important. Such paraphrases are often formed with verbs denoting movement, change of place in space. Periphrases are usually grouped according to the principle of semantic meaning. Thus, inchoate paraphrases (perífrasis incoativas) mean the beginning of action (for example, comenzar a / ponerse a / echarse a / romper a + infinitive, etc.); terminative periphrases (perífrasis terminativas) mean the moment the action ends (for example, acabar de / terminar de / llegar a + infinitive, etc.), etc.

The morphological aspect is expressed with the help of verbal endings. It implies the grammatical tradition of dividing tenses into perfect (perfectos) and imperfect (imperfectos), although now more often it is said about the perfective (perfectivos) and imperfective (imperfectivos) tenses.

The perfective aspect (some authors call it the aorist) focuses on situations in general, from beginning to end, and presents them as completed or finished. For example: *Vimos la película* (We watched the movie.) The exception is inchoate (incoativo), or ingressive (ingresivo), which only indicates the beginning of a situation, for example: *Vimos la película a las nueve* (We started watching the movie at nine o'clock).

The perfective aspect is expressed by the following forms (using the example of the verb “sing”): canté (Pretérito Indefinido – the simple past tense describing a completed action), había cantado (Pretérito Pluscuamperfecto – the pluperfect tense which describes an action that occurred before another action in the past), habré cantado (Futuro Perfecto – the future perfect tense, showing an action that must be

completed before another action in the future).

The imperfect forms “canto” (Presente de Indicativo – the present simple) and “cantaba” (Pretérito Imperfecto – the imperfect tense) show an action in its process without any reference to its beginning or end, for example: *Arturo leía una novela* (Arthur read/was reading a novel) as opposed to *Arturo leyó una novela* (Arthur has read a novel.) The forms “cantaré” (Futuro Imperfecto – the future simple tense) and “cantaría” (Condicional Simple – the simple conditional mood tense) can be perfective tenses in some contexts, for example, *Próximo número de nuestra revista saldrá el 17 de julio* (The next issue of our magazine will have come out on July 17), and imperfective – in other contexts, for example, *Todos viviremos mejor* (We will all live better). Also, in the Manual de Nueva Gramática it is said that the imperfective aspect has three varieties: progressive (progresiva), iterative (iterativa) or cyclical (cíclica), constant (continua) (Manual de la Nueva Gramática de la Lengua Española, 2010: 430–431).

Vásquez González tends towards radical changes and insists on distinguishing between grammatical categories of tense and aspect: he proposes to cease using the terms “perfect” and “imperfect” (which are also used to characterize the tenses) and to introduce the terms “continuous” and “discontinuous” in relation to Spanish aspect (Vásquez González, 2017: 127-161).

Results and Discussion

It is obvious that the grammatical system of the Spanish language is capable of conveying imperfective and perfective meanings in various ways. It should also be noted that along with the imperfective and the perfective aspects, some authors point out the perfect aspect, but other authors believe that it is a kind of the perfective one. The perfect aspect refers to a situation that is the result of a previous process. Thus, the phrase “El director ya se ha marchado /... ya se marchó” (Director has already left) implies that “the

director is no longer here”, which means that the fact that the director is absent is the result of the fact that he has already left. The so-called perspective aspect (aspecto prospectivo) is characteristic of the paraphrase *ir a + infinitive*.

Emphasizing the fact that grammarians often interpret the aspectual and temporal system of the Spanish language in different ways, it should also be noted that “in Spanish studies there is a long “tradition” of mixing on the semantic level within the concept of “aspect” what is usually called the verbal aspect, that is, aspecto verbal (grammatical verbal category), and modes of action, *modos de acción*, which can be expressed lexically (sometimes even in the lexeme of the verb itself), lexico-grammatically (for example, derivationally), grammatically (primarily by numerous periphrases with aspectual meanings) and syntactically (for example, by the argument structure). [...] The situation is further complicated by the fact that the verb form expressed by the same morphemes as tense is often confused with the latter” (Tseplinskaya, 2016: 26).

Conclusions

From the above, we conclude that although the Spanish verb system has ample opportunities to convey a wide variety of aspectual meanings, there are many contradictions and interpretations in its description and classification. The grammatical category of verbal aspect is considered in close connection with the category of tense, and in a number of cases is not singled out by Hispanists as a separate grammatical category.

References

Alimova, M.V. (2010), Aspectual characteristics of the Spanish verb in the theory of functional grammar, *Bulletin of RUDN University of Russia, Series: Educational issues: languages and specialty*, 4, 56–60. (In Russian)

Bonilla, C. L. (2013), Tense or Aspect? A Review of Initial Past Tense Marking and Task Conditions for Beginning Classroom Learners of Spanish, *Hispania*, United States, 96 (4), 624-639.

Bosque, I. and Demonte, V. (1999), *Gramática descriptiva de la lengua Española* [Descriptive grammar of the Spanish language, Real Academia Española], Madrid, Spain. (In Spanish)

Bravo, A. (2017), Problems for a definition of the prospective aspect, *Moenia Revista lucense de lingüística & literatura*, Spain, 23, 419-445. (In Spanish)

Comrie, B. (1976), *Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Gaspar García, E. (2015), *Sobre los usos del pretérito imperfecto de indicativo en castellano* [On the uses of the past imperfect indicative in Spanish], Un análisis aspectual: Logos, Universidad de La Serena, La Serena, Chile, 76-86. (In Spanish)

Gili Gaya, S. (1961), *Curso superior de sintaxis Española* [Spanish syntax superior course], Biblograf, Barcelona, Spain. (In Spanish)

González, V. and Alberto, J. (2017), The look and its traditional qualities perfect and imperfect: analysis and inconsistency, *Cuadernos de Lingüística*, la Universidad Pedagógica y Tecnológica de Colombia, Colombia, 29, 127–161. (In Spanish)

Gorbova, E.V. (2012), On the structure of the aspectual-temporal system of the Spanish language: Acta Linguistica Petropolitana, *Writings of the Institute for Linguistic Research*, Saint-Petersburg, Russia, 8 (2), 149–180. (In Russian)

Gorbova, E.V. (2017), Grammatical category of aspect and context (based on Spanish and Russian languages), Abstract of D. Sc. Thesis, SPBU, Saint-Petersburg, Russia. (In Russian)

Manual de la Nueva Gramática de la Lengua Española [Manual of the New Grammar of the Spanish Language] (2010), Espasa Libros, Madrid, Spain. (In Spanish)

Martínez-Atienza, M. (2017), Frequent confusion regarding the grammatical and lexical aspects, *Revista De Investigación Lingüística*, Departamento de Lengua Española y Lingüística General, Facultad de Letras, Universidad de Murcia, Spain, 20, 179-193. (In Spanish)

Martínez-Atienza, M. (2017), The combination of ending + infinitive with other aspectual and modal periphrasis in Spanish and Italian, *Moenia: Revista lucense de lingüística & literatura*, Spain, 23, 447-460. (In Spanish)

Moreno de Alba, J. G. (2003), ¿Puede ser imperfecto el pretérito perfecto?: Estudios sobre los tiempos verbales, UNAM, México, 101-119. (In Spanish)

Nueva gramática de la lengua Española [New grammar of the Spanish language] (2009), Espasa Libros, Madrid, Spain. (In Spanish)

Rojo, G. (1988), Temporalidad y aspecto en el verbo español [Temporality and aspect in the Spanish verb], LEA, Madrid, Spain, 10 (2), 195–216. (In Spanish)

Tseplinskaya, Yu.E. (2016), *Vvedenie v ispanskuju aspektologiju* [Introduction to Spanish aspectology], MPGU, Moscow, Russia. (In Russian)

Vasilieva-Shvede, O.K. and Stepanov, V.G. (1971), *Teoreticheskaja grammatika ispanskogo jazyka. Morfologija i sintaksis chastej rechi* [Theoretical grammar of the Spanish language. Morphology and syntax of parts of speech], Vysshaya Shkola, Moscow, Russia. (In Russian)

Vásquez González, J.A. (2015), On the theory of linguistic temporality of Guillermo Rojo, *Estudios de Lingüística Aplicada*, Universidad Nacional Autónoma de México, 33 (62), México, 175-219. (In Spanish)

Vásquez González, J.A. (2017), The look and its traditional qualities perfect and imperfect: analysis and inconsistency: *Cuadernos de Lingüística*, la Universidad Pedagógica y Tecnológica de Colombia, Tunja, Colombia, 29, 127-161. (In Spanish)

Veiga, A. (2015), Academic grammar and appearance problems in the description of the Spanish verb, *Borealis – An International Journal*

of Hispanic Linguistics, Septentrio Academic Publishing, Norway, 4(2), 119-150.

Vinogradov, V.S. and Miloslavsky, I.G. (1986), *Sopostavitel'naja morfologija russkogo i ispanskogo jazykov* [Comparative morphology of Russian and Spanish languages], Russkiy Yazyk, Moscow, Russia. (In Russian)

Westerholm, D. (2010), Functions of the past in the verbal systems of Spanish and Russian, Abstract of D. Sc. Thesis, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Корнеева Александра Валерьевна, старший преподаватель кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова, аспирант кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Alexandra Valerievna Korneeva, Senior Lecturer of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, V.G. Shukhov Belgorod State Technological University, Post-graduate Student of the Department of Russian Language, Professional Speech and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University.

УДК 81-26

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-2

Панасенко Л. А.¹
Ягодниченко Е. А.²

Перцептивный признак «форма» как средство формирования интерпретирующих значений лексических единиц категории «растения» (на материале немецкого и русского языков)

¹⁾ Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
ул. Интернациональная, д. 33, г. Тамбов, 392036, Россия
E-mail: laptop74@mail.ru
ORCID iD: 0000-0003-3488-3780

²⁾ Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
ул. Интернациональная, д. 33, г. Тамбов, 392036, Россия
E-mail: e.a.samsonkina@gmail.com
ORCID iD: 0000-0002-4739-6730

*Статья поступила 14 ноября 2020 г.; принята 15 декабря 2020 г.;
опубликована 30 декабря 2020 г.*

Аннотация. Настоящая работа посвящена исследованию когнитивного доминантного признака «форма» формата перцепции как средства формирования интерпретирующих значений в рамках лексических единиц категории «растения». Проблема интерпретации единиц лексических категорий разными индивидами является на сегодняшний день актуальной, поскольку существование индивидуальной картины мира для каждого человека обуславливает его индивидуальное осмысление действительности, а, следовательно, формирование разных взглядов на одно и то же явление. В ходе работы, опираясь на методы концептуального анализа, были проанализированы основные подкатегории лексической категории «растения» и выявлены особенности их интерпретирующего потенциала по признаку «форма» на материале немецкого и русского языков. Результатом исследования стали заключения о многоплановости темы интерпретирующего потенциала лексических категорий в рамках доминантного принципа организации языкового сознания. Были также сделаны выводы о том, что интерпретация по признаку «форма» носит, по большей мере, индивидуальный характер.

Ключевые слова: Интерпретирующий потенциал; Вторичная интерпретация; Формат перцепции

Благодарность: работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда «Доминантный принцип организации языкового сознания» № 18-18-00267.

Информация для цитирования: Панасенко Л.А., Ягодниченко Е.А. Перцептивный признак «форма» как средство формирования интерпретирующих значений лексических единиц категории «растения» (на материале немецкого и русского языков) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, №4. С. 13-23. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-2

Lyudmila A. Panasenko¹
Elena A. Yagodnitsena²

Perceptive feature "form" as a means of forming interpreting meanings of lexical units of the "plants" category (based on German and Russian)

¹⁾ G.R. Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392036, Russia
E-mail: laptop74@mail.ru
ORCID iD: 0000-0003-3488-3780

²⁾ G.R. Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov, 392036, Russia
E-mail: e.a.samsonkina@gmail.com
ORCID iD: 0000-0002-4739-6730

Received 14 November 2020; accepted December 2020; published 30 December 2020

Abstract. The article is devoted to the study of the cognitive dominant feature "form" of the perception format as a means of forming interpreting meanings with the lexical units of the category "plants". The problem of interpretation of units of lexical categories by different individuals is relevant today, since the existence of an individual picture of the world for every person determines their individual understanding of reality, and, consequently, the formation of different views on the same phenomenon. In the course of the work, based on the methods of conceptual analysis, the main subcategories of the lexical category "plants" were analyzed and peculiarities of their interpretative potential concerning the feature "form" were identified on the material of the German and Russian languages. The result of the study was the conclusion about the versatility of the topic of the interpretative potential of lexical categories within the framework of the dominant principle of organizing linguistic consciousness. It was also concluded that the interpretation on the basis of "form" is largely individual in its nature.

Keywords: Interpretative potential; Secondary interpretation; Perception format

How to cite: Panasenko, L. A. and Yagodnitsena, E. A. (2020). Perceptive feature "form" as a means of forming interpreting meanings of lexical units of the "plants" category (based on German and Russian). *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.6 (4), 13-23, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-2

Введение (Introduction)

В процессе познания окружающего мира, человек структурирует события, объекты и образы в своём сознании, т.е. осуществляет категоризацию мира. Как отмечает С.Г. Шафиков, категоризация представляет собой «обобщение составных частей мира» (Шафиков, 2007: 3). Данные структуры формируют целостную когнитивную модель, называемую картиной мира. Постовалова В.И. отмечает, что «существует столько картин мира, сколько имеется наблюдателей, контактирующих с

миром» (Постовалова, 1988: 32). Опираясь на принцип антропоцентризма, при котором человек играет активную роль в процессе формирования картины мира, необходимо подчеркнуть, что концептуальную систему человека характеризует доминантный принцип организации, т.е. структура в сознании человека, выступающая в роли когнитивной схемы осмысления мира человеком, выдвигает некоторые элементы в качестве доминант (Болдырев, 2019: 38). Стоит отметить, что структура языкового сознания содержит в себе базовые катего-

рии (человек, собака, дерево, камень), которые являются прототипами языковой репрезентации знаний, то есть опорными точками для обозначения различных предметов мысли. Данные категории служат когнитивными точками внутриязыковой референции, говоря иными словами «точками отсчёта в самом языке, для формирования и передачи определённого смысла и общего знания о мире» (Болдырев, 2019: 40). Н.Н. Болдырев также отмечает, что, в качестве когнитивных доминант могут выступать не только категории и концепты, входящие в данные категории, но и системы ценностей и оценок, концептуально-тематические области, стереотипы, а также модели и схемы восприятия и репрезентации мира в языке (Болдырев, 2018: 15).

Анализ интерпретирующего потенциала лексических единиц категории «растения» позволяет нам расширить представления о структуре языковой картины мира тех или иных народов, поскольку интерпретация – это неотъемлемая часть формирования языкового сознания человека и общества.

Основная часть (Main part)

Данная работа посвящена исследованию реализации интерпретирующего потенциала лексических единиц категории «растения» для целевых областей интерпретации: «человек», «природные явления», «артефакты», «абстрактные явления», «животный мир». Исследование проводится на материале немецкоязычного и русскоязычного дискурса, поскольку именно в дискурсе осуществляется реализация «определённых коммуникативных интенций в контексте конкретной коммуникативной ситуации с её социокультурным фоном» (Обдалова, 2016: 38).

Говоря об интерпретации, необходимо уточнить понятия «вторичная репрезентация», а также «первичная интерпретация» и «вторичная интерпретация», поскольку верное понимание данных терминов играет существенную роль в анализе процесса интерпретации. Вторичная репрезентация, как отмечает Бабина Л.В.,

определяется как «представление известного, но в той или иной мере модифицированного концептуального содержания за счёт использования вторичных языковых единиц» (Бабина, 2003: 11). Таким образом, новый концепт формируется посредством его модификации (расширения, уточнения, сравнения). Под «первичной интерпретацией» мы понимаем «выделение единиц знания (концептов) с помощью языка и их объединение в категории с общим языковым обозначением» (Болдырев 2015: 8). Обращаясь к понятию «вторичная интерпретация», мы имеем в виду интерпретацию знаний о мире за счёт образования оценочных суждений (Болдырев 2019: 259). Интерпретирующий потенциал, проявляющийся во вторичной интерпретации, обусловлен возможностью соотнесения лексических единиц с модусными категориями исходя из их вторичных значений, развивающихся на основе их базовых, первичных значений, которые для модусных категорий не столь существенны (Болдырев, 2014: 121).

Интерпретирующий потенциал лексической категории представлен ее концептуальным основанием, т.е. признаками объектов, которые выступают в качестве интерпретирующей базы. Реализация интерпретирующего потенциала осуществляется при установлении межконцептуальных связей за счет действия когнитивных механизмов метафоры, метонимии, метафтонимии. При этом объекты интерпретируемой области (целевой области интерпретации) получают модусное осмысление в проекции интерпретирующей области.

Интерпретирующий потенциал лексической категории «растения» формирует вторичные значения единиц данной категории, которые базируются на признаках разных форматов знания: признаках формата перцепции, наблюдения, ассоциации, функции, экспириенциальных эффектов и др. (Панасенко, 2014: 32).

В настоящем исследовании центральное место занимает формат перцепции, в

частности его признак «форма». Формирование интерпретирующих значений у лексических единиц данной категории при активизации этого признака в качестве интерпретирующей основы осуществляется за счет когнитивного механизма метафоры, который основывается на одновременной активизации двух когнитивных областей (области-источника и области-цели). Область-цель структурируется по подобию области-источника, т.е. между ними устанавливаются метафорические проекции (Лакофф, 2004: 9). При этом область-источник определяется нами как область интерпретирующего знания, а область-цель – как интерпретируемая область. Интерпретационный перенос на области-цели по признаку «форма» обусловлен схожестью внешних признаков сравниваемых объектов. Поэтому целью настоящего исследования является подробный анализ формирования интерпретирующих значений лексических единиц категории «растения» посредством активизации перцептивного признака «форма» на примерах немецкоязычного и русскоязычного дискурсов.

Признаки формата перцепции определяются модулями зрительной, слуховой, вкусовой, обонятельной и тактильной перцепции. Признак «форма» наиболее полно представляет модуль зрительной перцепции, например: «*А Мылгун ни в какою: несмотря что короткий ростом и круглый, как пень, рвется, я, говорит, докажу ему правду*» (Айтматов, 2004: 61). Определим, что, в качестве доминирующих подкатегорий, выступающих областями-источниками интерпретации, были выделены и рассмотрены следующие: цветы, деревья, плоды растений и части растений. Такое структурированное рассмотрение необходимо для выявления наиболее частотной подкатегории и сравнения их интерпретирующего потенциала. Прежде всего, обратимся к исследованию области-

источника «цветы» поскольку она является наиболее многочисленной.

В рамках интерпретации области «человек» признак «форма» активизируется на основе переноса по внешнему сходству формы цветка на внешность субъекта: *колокольчик – ...и лицо Эви сразу сделалось длинным, как светлый луговой колокольчик, если его сорвать и перевернуть* (Лавряшина, 2004: 9); *одуванчик – Или написать светлые, туго завитые волосы, словно одуванчик на подушке, большие кисти на сером одеяле, розовую, немного воспалённую кожу и спину юноши, стоящего над спящей ...* (Кабаков, 2011: 6).

Интерпретация объектов области-цели «артефакты» может осуществляться на основе признаков характерных форм бутона цветка и называемого предмета: *Tulpe – Pils würde aus zylindrischen Gläsern besser schmecken als aus den gewohnten Tulpen, obergärige Sorten wie Weißbier dagegen sollten in Schalen genossen werden* (Süddeutsche Zeitung, 22.06.1995: 56); *колокольчик – Верх на бретельках, высокая талия и юбка-колокольчик* (НКРЯ) или *неудобный летний шлем-колокольчик в мае 1924 года сменила текстильная фуражка защитного цвета* (НКРЯ); *тюльпан – и представлялся алый тюльпан абажура над столом* (Шергова, 2004: 117) или *Юбка-тюльпан представляет собой трансформацию пышной длинной юбки, подол которой был сложен вдвое и подшит внутрь* (Как выглядит юбка-тюльпан, кому она идёт и с чем её носить?; <http://womansay.net/moda/yubka-tyulpan.html>); *Lotos - Es wird das Dach, mit Goldblech beschlagen, Von lotosknäufigen Säulen getragen* (Heine, 1846 :67); *лилия – Белые башни соборов сделались воздушно-голубыми, еще более похожими на исполинские цветы, райские лилии* (НКРЯ). Особой группой хотелось бы отметить конвенциональные профессиональные доминанты, то есть концепты, характерные для определённого

коллективного сознания (Болдырев, 2019: 41). К таким единицам относятся, например, термины *Jägersprache* (охотничьего языка) в немецком языке: *Blume – Der Schwanz wird als Blume bezeichnet. Sie ist meist weiß gefärbt* (Pickl; <https://lebensreisen.com/2016/03/24/loeffel-lichter-und-eine-weisse-blume-feldhasen-schule-das-grosse-osterhasen-lexikon>). Схожесть формы заячьего хвоста с цветком позволила перенести образ на объект животного мира, выстраивая, таким образом, вторичное значение для лексической единицы *Blume* по перцептивному признаку «форма». При этом употребление данной лексической единицы в её вторичном значении характерно для конкретного круга лиц (в данном случае, охотников). Аналогичным образом в русском языке активизируется признак «форма» для следующей лексической единицы: *роза – круглое окно-роза, скульптуры (даже не для готики, слишком, пожалуй, реалистические), и все это тонет в мокром песке, расцветающем неожиданно цветами, растениями* (Некрасов, 1977: 47). В данном примере процесс интерпретации реализуется за счёт формирования нового смысла для лексической единицы «роза» у определённого круга лиц, посредством переноса формы цветка на артефакт – окно. Вторичное значение лексической единицы «лотос», плотно вошедшее в современные реалии, образовано с помощью активизации признака «форма» для области-цели «человек»: *Высокий, необыкновенно худой человек опустился на ковер и легко принял позу лотоса* (Александрова, 2005: 105). Асана для медитации применяется людьми, занимающимися йогой, название произошло благодаря внешнему сходству позы человека с цветком Лотоса орехоносного (Поза лотоса; https://ru.wikipedia.org/wiki/Поза_лотоса).

Второй подкатегорией для исследования интерпретации была выбрана область-источник «деревья».

Как говорилось выше, интерпретация по форме объектов растительного мира реализуется как перенос на основе сходства формы растения с объектом интерпретации. На этом этапе мы можем говорить об активизации этого признака как интерпретирующего относительно объектов категории «деревья» применимо к целевой области интерпретации «природные явления»: *берёза – И снова молния – пляшущая берёза – вонзилась в поле* (НКРЯ).

Результат интерпретации объекта по формату перцепции для области «человек» отчётливо проявляется в следующем примере: *Trauerweide – Herr Gabele zeichnet Lotte. Plötzlich lässt er Block und Bleistift sinken und sagt: «Was hast denn heut, Luiserl? Du schaust ja aus wie sechs Tag' Regenwetter!» Das Kind atmet schwer, als läge ihm ein Fuder Steine auf der Brust. «Ach, es ist nichts weiter.» «Hängt's mit der Schule zusammen?» Sie schüttelt den Kopf. «Das wär nicht so schlimm.» Herr Gabele legt den Block weg. Weißt was, du kleine Trauerweide? Wir wollen für heute Schluß machen* (Kästner, 1949: 109). В данном случае форма плакучей ивы, опустившей свои ветви к земле, служит предметом описания грустного, печального ребёнка, опустившего голову. Таким же образом проявляется интерпретация по форме произрастания растения в следующем примере: *верба – Он стар, горбат, как верба, и беззубый рот его похож на дупло* (Чехов, 1975: 102). К признаку «форма» стоит также отнести такую характеристику как «высота растения», реализующую интерпретацию для области «человек»: *осина – На ящик, на бочку ли – взгромоздилась голиафского росту женщина: тонкая, как жердь, высоченная, как осина* (НКРЯ); *верба – Высокий как верба. Смотрит исподлобья* (НКРЯ).

Обратимся к рассмотрению третьей подкатегории, формирующей лексическую категорию «растения», а именно к области-источнику «плоды растений». Многообразие форм и размеров плодов

позволяет нам предположить, что данная область содержит в себе наибольшее количество примеров интерпретации по перцептивному признаку «форма». Рассмотрим следующий пример интерпретации области-цели «человек»: *Kartoffel - Er besaß auch nicht die Nase Lord Henrys, jene berühmte rötliche Kartoffel, welche nach der Versicherung eines frivolen Franzosen einzig und allein von der großen Erdäpfelseuche des Jahres 1845 verschont geblieben sein soll – nein, der Buchhalter Lenz besaß seine eigene Nase, er konnte sich bei seiner eigenen Nase ziehen* (30); картошка – Но я даже вздрогнул: наконец-то я увидел его по-настоящему, его лицо, простое лицо хорошего деревенского парня, нос картошкой и бурые глаза в крапинках (НКРЯ). Характерная форма носа представляет внешнюю схожесть с плодами картофеля, при этом необходимо отметить, что, в современном понимании, данная характеристика может подразумевать различные формы: широкая переносица, мясистый кончик носа, широкие крылья, непропорциональность относительно всего лица и так далее. Иными словами, конечная точка формирования интерпретирующего смысла зависит от образов в языковом сознании конкретного человека.

Более конкретное поле интерпретации образует форма плода растения, формирующая базовое представление в сознании большинства людей. Речь идёт о форме груши, которая, в отличие от формы картофеля, имеет более определённые очертания. Исходя из этого, мы говорим о конкретной форме лица: *груша - Лицо расширяется грушей, от лба вниз, к щекам* (Куприн, 2015: 12); *Birne - vierte Gesicht ganz wie eine Birne aussah* (Heine, 2017: 19). Как мы видим, интерпретация формы лица осуществляется за счёт знаний о форме груши, при этом интерпретирующие значения в языковом сознании разных индивидов (а также целых языковых

групп) будут практически идентичны. Следующий пример, напротив, даёт размытое представление о форме интерпретируемого объекта: *birnenartig - Ich habe eine birnenartige Beule am Kopf und das Gefühl, mein Arm sei gebrochen* (Remarque, 1989: 452), поскольку в языковой картине мира человека сочетание «подобный груше» в отношении шишки на голове формирует различные образы, не имеющие чёткой структуры и формы. Ещё более далёкий от базового образ складывается при упоминании отдельного сорта груши как средства формирования образа для области-цели «артефакт»: *Edelbirnen - Wohl an die zehn Kirchtürme erblickte ich da, die bald spitzig wie ein Griffel, bald rund wie unsere Edelbirnen oder sonst wunderbar geformt im Sonnenlicht glänzten* (Christ, 2001: 12797). Формирование вторичного значения слова *Edelbirne* (досл. благородная груша) реализуется за счёт знания о форме не просто плода растения, а конкретного сорта. Таким образом, не всякий носитель языка сможет в полной мере сформировать целостную картину в сознании. Однако предикативное прилагательное *rund* в данном примере позволяет сузить область интерпретации и конкретизировать её понимание. Перейдём к ещё одному примеру интерпретирующей концептуализации объектов области-цели «артефакт»: *луковица - церковь с куполом, похожим на вызревшую зеленую луковицу* (Шолохов, 2003: 90). Здесь мы наблюдаем совокупность признаков формата перцепции «цвет» и «форма». Однако можно утверждать, что признак «форма» является доминантным для данного примера, поскольку форма плода представляет возможным его дальнейшее визуальное восприятие и помогает нам дополнить прототипический образ ещё одной деталью зрительной перцепции. Разберём аналогичный пример: *виноградины – Глаза, как две зелёные виноградины, в которых просвечивают косточки* (НКРЯ). Форма глаза человека

схожа с формой винограда, однако сопутствующими признаками проявились признаки «цвет» и «размер».

Разумеется, далеко не всегда признак «форма» влечёт за собой появление иных перцептивных признаков. Интерпретация по данному признаку, как правило, обусловлена лишь внешним сходством форм интерпретируемых объектов. В следующих примерах мы говорим о характеризующей функции вторичной интерпретации. Так, признак «форма» интерпретирующего формата выбирается индивидом для создания интерпретирующих смысловых структур, получающих репрезентацию в сравнительных оборотах, включающих соответствующие лексические единицы. При этом для сравнения в образ включаются прилагательные, позволяющие конкретизировать признак «форма»:

- круглый: *горошина* - *На нижнем веке его правого глаза коричневой выпуклой горошиной сидела родинка; яблоко - круглый, как яблоко, подбородок; тыква - Автобус, круглый, как тыква, стоял у обочины, дожидаясь меня (НКРЯ); орех - *За рубль серебром мужик согласился нас довести до города, и мы, забравшись в просторный и круглый, как орех, тарантас, необыкновенно покойно сидевший на сломанных и перевязанных веревками дорогах, очутились в обществе купца и купчихи (НКРЯ); Erbse - *Nach einigen Märschen der Augen tritt aus der Wand auf der nächsten Blume ein kleines blaues Feuer, rund wie eine Erbse, ein strahlender Kern (Rubiner, 2000: 143431);***

- продолговатый: *дынька* - *и приходил чисто в собачий восторг, когда видел голову, похожую на дыньку (НКРЯ); огурец - *Подъезжая к крыльцу, заметил он [...] два лица: женское, в венце, узкое, длинное, как огурец (Гоголь, 2003: 50); — Мне кажется, что она стала продолговатой, как огурец, но это, конечно, бред (НКРЯ); Особенно я ненавижу Фичаса, мальчишку лет**

четырнадцати, с длинной и узкой, как огурец, головой (Чуковский, 2011: 85);

- другие формы: *редька* - *Голова у Ивана Ивановича похожа на редьку хвостом вниз; голова Ивана Никифоровича на редьку хвостом вверх (Гоголь, 1984: 342).*

Перенос на область-цель «животный мир» также может быть реализован посредством интерпретации объектов подкатегории «плоды растений»: *яблочко - К. П. просто боготворил свою лошадь, небольшого вороного кабардинца; ездил всегда на другом коне, а этого только кормил и холил до того, что он был совсем круглый, как наливное яблочко; он говорил, что таких лошадей не сыщешь теперь и в Кабарде, и уверял, что не отдаст ее ни за какие деньги, что не помешало ему впоследствии продать мне ее за 300 с лишком рублей, хотя больше 100-150 она не стоила (НКРЯ).* Одновременно с этим интерпретирующее значение единицы «яблочко» развивается за счёт атрибутивного прилагательного «наливное», то есть подчёркивается спелость плода, а значит и его максимально возможная величина и округлость.

Рассмотрим интерпретирующий потенциал лексических единиц подкатегории «части растений».

Данная группа достаточно немногочисленна, однако форма частей растений также является интерпретирующей основой для различных целевых областей, рассмотрим их более подробно.

Обратимся к рассмотрению процесса интерпретации объектов целевой области «человек»: *ветки* — *Руки взметнулись на границе света, как ветки осеннего дерева, — и упали (НКРЯ).* Как видно из данного примера, форма рук описывается за счёт конкретизации формы веток прилагательным «осеннего». В данном случае использование единицы «ветки» обусловлена знанием формы веток по умолчанию и переносом этого знания на область-цель. Аналогично выглядит процесс формирования интерпретиру-

ющего значения лексической единицы «стебель» - [...] *из пышных фижм возвышалась, как стебель, узкая их талия* (Пушкин, 2014 :12). В данного рода примере вторичное значение лексической единицы «стебель» не обусловлено индивидуальным восприятием человека.

Интерпретирующий потенциал лексической единицы подкатегории «части растений» отчётливо виден при рассмотрении переноса на область-цель «артефакты»: *Blatt - das Blatt tauchte beim Rudern senkrecht ins Wasser ein* [DWDS]. Внешнее сходство формы листа растения и формы части весла позволяет реализовать вторичную интерпретацию по признаку «форма». Примечательно, что данная интерпретация занимает уже значимое место в немецкоязычном дискурсе.

Материалы и методы исследования (Materials and Methods)

Таким образом, опираясь на контекстуально-концептуальный анализ, а также принимая во внимание дистрибутивный анализ, было проведено комплексное исследование и сделан ряд выводов по обозначенной проблеме. Методом сплошной выборки был отобран материал из художественных произведений и электронных словарей; осуществлён поиск в национальных корпусах немецкого и русского языка. Корпусный анализ позволил также проанализировать четыре подкатегории, содержащиеся в лексической категории «растения» на материале немецкого и русского языков.

Результаты исследования и их обсуждение (Results and Discussion)

Результаты исследования показали, что перцептивный признак «форма» для объектов активизируется за счёт включения в сравнение лексических единиц «круглый», «продолговатый», «длинный» и «узкий», в немецком языке „rund“ и „klein“. Поскольку данные характеристики формируют механизм сравнения и специально вербализованы человеком, мы можем говорить об

индивидуальном характере интерпретации, то есть о субъективных доминантах.

Говоря о принципе доминантности в языковом сознании, следует напомнить также, что в немецких и русских примерах были выявлены общие когнитивные доминанты, тем не менее, некоторые из них были обусловлены знанием о формах произрастания растений (*Edelbirne, Trauerweide*). Также были выявлены лексические единицы, реализующие вторичные, интерпретирующие, значения, характерные для определённого коллективного осознания, в рамках профессиональной и коллективной деятельности (*Blume, rosa*).

Заключение (Conclusions)

В заключение хотелось бы отметить многоплановость темы интерпретирующего потенциала лексических категорий в рамках доминантного принципа организации языкового сознания на материале немецкого и русского языков. Полученные результаты исследования позволяют расширить представления об интерпретирующем потенциале лексических единиц области «растительный мир», что в общетеоретическом плане способствует развитию теории лингвистической интерпретации. Учитывая разнообразие форматов интерпретации и признаков данных форматов, мы можем говорить о том, что данная тематика перспективна для дальнейшего изучения в плане исследования других интерпретирующих форматов знания и моделирования интерпретирующего потенциала лексической категории «растения».

Список литературы

- Айтматов Ч.Т. Пегий пес, бегущий краем моря. Ранние журавли: Повесть. М.: Дет. лит., 2004. 237 с.
- Александрова Н. Ад да Винчи. СПб.: ОЛМА Медиа Групп, 2005. 441 с.
- Бабина Л.В. Вторичная репрезентация концептов в языке : Дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2003. 341 с.

Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики, 2015. №1. С. 5–12.

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка, 2019. Вып. 37. С. 37–44.

Болдырев Н.Н., Григорьева В.С. Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики, 2018. № 4. С. 15-24.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 480 с.

Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского университета, 2014. № 6 (335). С. 118-122.

Гоголь Н.В. Избранные сочинения: в 2 т. Том 1. М.: Худож. лит., 1984. 575 с.

Гоголь Н.В. Мёртвые души. М.; Augsburg: Werden-Verlag, 2003. 128 с.

Кабаков А.А. Последний герой. М.: Редакция Елены Шубиной, 2011. 352 с.

Как выглядит юбка-тюльпан, кому она идёт и с чем её носить?, 2014. URL: <http://womansay.net/moda/yubka-tyulpan.html> (дата обращения: 21.10.2020)

Куприн А.И. Яма. М.: Эксмо, 2015. 416 с.

Лавряшина Ю. Улитка в тарелке. М.: Арт-Бюро Китони, 2004. 208 с.

Лакофф Джордж, Джонсон Марк. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Некрасов В.П. Взгляд и нечто // Континент. 1976. №10. С. 11-85.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка, URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 20.10.2020).

Обдалова О.А., Минакова Л.Ю., Соболева А.В. Исследование роли контекста в интерпретации социокультурно маркированного дискурса на основе дискурсивно-когнитивного подхода // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. С. 38–45.

Панасенко Л.А. Типология признаков интерпретирующего потенциала лексических категорий // Вопросы когнитивной лингвистики. – М.: Ин-т языкознания РАН;

Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина. 2014. № 3. С. 31-36.

Поза лотоса: Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Поза_лотоса (дата обращения: 20.10.2020)

Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / отв. ред Б.А. Серебrenников. М.: Наука, 1988. С. 8-69.

Пушкин А.С. Арап Петра Великого. М.: ДА!Медиа, 2014. 24 с.

Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 2. [Рассказы. Юморески]. Верба. М.: Наука, 1975. С. 102—105.

Чуковский К.И. Гимназия. США: Lulu.com, 2011. 188 с.

Шафиков С.Г. Категории и концепты в лингвистике // Вопросы языкознания. 2007. №2. С.3-17.

Шергова Г. М. Об известных всем. Брызги шампанского. М.: Астрель: АСТ, 2004. С. 114-119.

Шолохов М. А. Тихий Дон: Роман в 2 т. Т.1. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2003. 542 с.

Christ Lena: Mathias Bichler. Deutsche Literatur von Frauen, Berlin: Directmedia Publ. 2001 [1914]. 12797 p.

DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 15.10.2020).

Heine H. Heines sämtliche Werke: Sechster Band. BoD, 2017. 544 p.

Heine H. Heinrich Heine's Sämtliche Gedichte: Atta Troll: ein Sommernachtstraum, Zeitgedichte, Romancero, Letzte Gedichte, hebst letzte Gedichte und Gedanken. Campagne, 1846. 269 p.

Kästner E. Das doppelte Lottchen. Ein Roman für Kinder Gebundene Ausgabe. Dressler Verlag, 1949. 176 p.

Pickl, K.M. Löffel, Lichter und eine weiße Blume – Feldhasen-Schule: Das große Osterhasen-Lexikon, 2016. URL: <https://lebensreisen.com/2016/03/24/loeffel-lichter-und-eine-weise-blume-feldhasen-schule-das-grosse-osterhasen-lexikon> (дата обращения: 21.10.2020).

Remarque E.M. Der schwarze Obelisk. Köln: Kiepenheuer & Witsch, 1989. 500 p.

Rubiner L. Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka. Homer und Monte Christo. Berlin: Directmedia Publ. 2000 [1914]. 143431 p.

Weerth G. Das Blumenfest der englischen Arbeiter: Projekt Gutenberg. URL: <https://www.projekt-gutenberg.org/weerth/blumenfe/chap04.html> (дата обращения: 21.10.2020).

References

Aitmatov, Ch.T. (2004), *Pegij pes, begushhij kraem morja* [Piebald dog running along the edge of the sea], Rannie zhuravli: Povest', Moscow, Russia. (In Russian)

Aleksandrova, N. (2005), *Ad da Vinchi* [Da Vinci's hell], OLMA Media Grupp, Saint Petersburg, Russia. (In Russian)

Babina, L.V. (2003), *Vtorichnaja reprezentatsija kontseptov v jazyke* [Secondary representation of concepts in language], Ph.D. dissertation, Tambov, Russia. (In Russian)

Boldyrev, N.N. (2015), The anthropocentric essence of language in its functions, units, and categories, *Issues of Cognitive Linguistics*, 1, 5–12. (In Russian)

Boldyrev, N.N. (2019), Dominant principle of organization of language consciousness, *Cognitive Studies of Language*, 37, 37–44. (In Russian)

Boldyrev, N.N., Grigor'eva V.S. (2018), Cognitive dominants of speech interaction, *Issues of Cognitive Linguistics*, № 4, 15-24. (In Russian)

Boldyrev, N.N. (2019), *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaja teorija jazyka* [Language and knowledge system. Cognitive theory of language], Izdatel'skij Dom JaSK, Moscow, Russia. (In Russian)

Boldyrev, N.N. (2014), The role of cognitive context in interpreting the world and knowledge about the world, *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 6 (335), 118-122. (In Russian)

Gogol', N.V. (1984), *Izbrannye sochinenija: v 2 t.* [Selected works: in 2 vols], Vol. 1, Hudozh. lit., Moscow, Russia. (In Russian)

Gogol', N.V. (2003), *Mjortvye dushi* [Dead souls], M.-Augsburg: Werden-Verlag.

Kabakov, A.A. (2011), *Poslednij geraj* [The last hero], Redaktsija Eleny Shubinoj, Moscow, Russia. (In Russian)

What does a Tulip skirt look like, who does it suit, and what should I wear it with? [Online]

(2014), available at: <http://womansay.net/moda/yubka-tyulpan.html> (Accessed 20 October 2020). (In Russian)

Kuprin, A.I. (2015), *Jama* [The Pit], Eksmo, Moscow, Russia. (In Russian)

Lavryashina, Ju (2004), *Ulitka v tarelke* [A snail in a plate], Art-Bjuro Kitoni, Moscow, Russia (In Russian)

Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by: Transl. from Eng. / A. N. Baranova. M.: Editorial URSS, 2004. 256.

Nekrasov, V.P. (1976), A look and something, *Continent*, 10, 11-85. (In Russian)

Natsional'nyj korpus russkogo jazyka [Online], available at: <http://ruscorpora.ru/new/index.html> (Accessed 20 October 2020). (In Russian)

Obdalova, O.A., Minakova, L.Ju., Soboleva, A.V. (2016), Research of the role of context in the interpretation of socio-culturally marked discourse based on the discursive-cognitive approach, *Tomsk State University Journal*, 413, 38-45. (In Russian)

Panasenko, L.A. (2014), Typology of features of the interpretative potential of lexical categories, *Issues of Cognitive Linguistics*, 3, 31-36. (In Russian)

Lotus position [Online], Vikipedija. Svobodnaja entsiklopedija, available at: http://ru.wikipedia.org/wiki/Poza_lotosa (Accessed 20 October 2020). (In Russian)

Postovalova, V.I. (1988), Picture of the world in human life in Serebrennikov B.A. (ed.), *The role of the human factor in language: Language and picture of the world*, Nauka, Moscow, Russia, 8-69. (In Russian)

Pushkin, A.S. (2014), *Arap Petra Velikogo* [The Moor of Peter the Great], DA!Media, Moscow, Russia (In Russian)

Chekhov, A.P. (1975), *Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 vol. Vol. 2. [Rasskazy. Yumoreski]* [Complete works and letters: In 30 vols. 2. [Stories. Humoresques]], Verba, Nauka, Moscow, Russia, 102-105. (In Russian)

Chukovskij, K.I. (2011), *Gimnazija* [Gymnasium], Lulu.com, USA.

Shafikov, S.G. (2007), Categories and concepts in linguistics, *Topics in the study of language*, 2, 3-17. (In Russian)

Shergova, G.M. (2004), *Ob izvestnyh vsem. Bryzgi shampanskogo* [About known to all. Champagne splashes], Astrel', AST, Moscow, Russia, 114-119. (In Russian)

Sholokhov, M.A. (2003), *Tikhij Don* [And Quiet Flows the Don], OLMA-PRESS Zvezdnyj mir, Moscow, Russia. (In Russian)

Christ, L. (2001), *Mathias Bichler*, Deutsche Literatur von Frauen, Berlin, Directmedia Publ.

DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Retrieved from: <https://www.dwds.de>

Heine, H. (1846), *Heinrich Heine's Sämtliche Gedichte: Atta Troll: ein Sommernachtstraum, Zeitgedichte, Romancero, Letzte Gedichte*, hebst letzte Gedichte und Gedanken, Campagne.

Heine, H. (2017), *Heines sämtliche Werke*, Sechster Band, BoD.

Kästner E. (1949), *Das doppelte Lottchen*, Ein Roman für Kinder Gebundene Ausgabe, Dressler Verlag.

Pickl, K.M. (2016), Löffel, Lichter und eine weiße Blume, Feldhasen-Schule: Das große Osterhasen-Lexikon, available at: <http://lebensreisen.com/2016/03/24/loeffel-lichter-und-eine-weise-blume-feldhasen-schule-das-grosse-osterhasen-lexikon> (Accessed 20 October 2020).

Remarque, E.M. (1989), *Der schwarze Obelisk*, Köln, Kiepenheuer & Witsch.

Rubiner, L. (2000), *Deutsche Literatur von Lessing bis Kafka, Homer und Monte Christo*, Directmedia Publ., Berlin, 143431.

Weerth, G. Das Blumenfest der englischen Arbeiter, Projekt Gutenberg, available at: <https://www.projekt-gutenberg.org/weerth/blumenfe/chap04.html> (Accessed 20 October 2020).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Панасенко Людмила Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики.

Panasenko Lyudmila Alexandrovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign Philology and Applied Linguistics.

Ягодницена Елена Александровна, аспирант кафедры зарубежной филологии и прикладной лингвистики.

Yagodnitsena Elena Alexandrovna, Graduate Student of the Department of Foreign Philology and Applied Linguistics.

УДК 81

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-3

Sadete Pllana¹
Gani Pllana²

**Conceptual motivation and term-formation
in mechanical terminology**

¹⁾ University of Prishtina “Hasan Prishtina”, Prishtina
Faculty of Economics, Kosovo
E-mail: sadete.pllana@uni-pr.edu
ORCID iD: 0000-0001-9140-7065

²⁾ University of Prishtina “Hasan Prishtina”, Prishtina
Faculty of Mechanical Engineering, Kosovo
E-mail: gani.pllana@uni-pr.edu
ORCID iD: 0000-0002-4270-2698

Received 1 December 2020; accepted 18 December 2020; published 30 December 2020

Abstract. Like in other terminologies, the terminology of mechanics in general, as well as its basic terminology is distinguished, among other things, for its Albanian composition by construction, for the relations it has with the general lexicon of the language, as well as with the terminological lexicon of other fields, especially with basic theoretical fields of knowledge. Of a particular importance here is the view of the motivation of the conceptual content of the terms of this field from the point of view of their construction, which represents the mechanism of functioning of the terms, where the relations of form with the content stand out.

The accomplishment of the aim of the study has become possible through relying on a sound theoretical base, argued and contemporary; which has got as a starting point the observation of terminology as a system of a field that is an identified and independent knowledge, which responds to the conceptual system of the respective field. The reliance on this idea, which is based on the relationship between concepts, has created the possibility to raise and to resolve a range of problems connected with the respective terminology.

Key words: Conceptual motivation; Term-forming; Phrases; Terminology of mechanics in the Albanian language

How to cite: Pllana, S. and Pllana, G. (2020). Conceptual motivation and term-formation in mechanical terminology. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.6 (4), 24-29, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-3

Introduction

As it is already accepted, we will use the concept of "term-formation" here, since during the construction of terms we are dealing with the formation of word terms (which could be covered by the concept of word formation), as well as the formation of word-group (word combination) terms that are not covered by the concept of word formation. From what we said above, it turns

out that the concept of "term formation" is doubly related to the motivation for both word terms and word-group (word combination) terms (Duro, 2001:47).

In most terminologies of different fields of knowledge, especially in the applied fields, as well as in the field in question, each term in the system of terms, where it belongs, with its external form is more transparently related to the concept that marks, therefore, more

clearly and accurately reveals the internal form through its constituent elements, but also the form taken in its entirety, when it does not break down into constituent elements. Thus, for e.g. *gungë₂(cam₂)* like a term is semantically related to the meaning *gungë₁(cam₁)* as words from the general language. This can be realized from the following presentation of these two units in both languages:

gungë-a₁(cam₁): “part raised on the back or chest” (Fjalor, 2006:588).

gungë-a₂(cam₂) (like term): “Curved profile link with linear or point contact with another link moving during contact with it.”

Working methods

In order to illustrate and argue the ideas in this paper, we have relied on the material extracted from the literature of the two subfields of mechanics, as well as basic teaching texts and technical standards and basic works in both languages (Kostallari, 2018, 339). We have also relied on the collection and filing of the case, its processing, as well as the relations with the problems that are treated.

In a special way, the lexical subjects extracted from various terminological dictionaries (polytechnics, techniques, mechanics, etc.) and non-terminological (explanatory, bilingual), in which the terms of the respective field are met, have been consulted (Thomai, 2017:249).

Motivation in terminology

Motivation, therefore, in terminology (Pllana, 2014: 72), even when the unit is formally unanalyzable is more or less defined and conditioned by a common or close feature that serves as a basis and as an internal form, where the term is supported during its formation like for e.g. in this case the common denominator for both units "raised part with a certain curvature." This is more or less noticeable in foreign languages, the basis of motivation may be the same but in other cases it may be different. For instance, in Albanian *rrënjë (dhëmbi) (e rrotës)* – the root (of tooth) (of the wheel) is related to the root (of tooth) of the oral organ, which are

approximate to the root (tooth) of a human oral organ, as the root (of tooth) in the wheel. The same is observed in English: *root₂* (of *tooth*) in the wheel motivated with *root₁* (of *tooth*) of the human oral organ (Pllana, 2017:188).

The term *sy (i pistonit) – boss (of piston)* in Albanian is motivated by the *eye* (in English *the boss*), has a more or less different meaning, which comes from the definition from the dictionary.

Forms of motivation from the word-formation point of view with the topic

Motivation takes more or less complex forms when the term breaks down into constituent elements, into morphemes which may also be constituent parts with a clear lexical meaning, as it is also observed in English. Thus for instance *rrotullueshmëri-revolvability* is motivated from the word-formation point of view by the topic *i rrotullueshëm (revolvable)*, which, the last one is broken down into “*i aftë për t’u rrotulluar*” “*capable to be revolved*”, which makes that *rrotullueshmëri (revolvability)* to be broken down into *capability to be revolved*. On the other hand, *i rrotullueshëm (revolvable)* is motivated by the verb *revolve*, which marks a certain action. From the point of view of motivation *i rrotullueshëm (revolvable)* can be compared with *rrotulluese (revolving)*, which is broken down in the sense “is able to do something”. Thus for e.g. when *i rrotullueshëm (revolvable)* is associated with *hallkë (link)*, e.g. *hallkë e rrotullueshme (revolving link)* (Kurti, 1991:529), it is understood that the link performs this action on its own, whereas when we say *hallkë rrotulluese (revolving link)*, we understand that the link, let’s say, by rotating itself, rotates another element having this action as the main function. This differentiation is very important to be done through word-formation motivation, because in many cases a kind of confusion is created in the use of one determining element instead of the other. Thus for e.g. *hallkë rrotulluese (revolving link)* (Duro, 2009:153) can be understood in two ways; as a link that rotates

itself (but that does not rotate another link) and a *revolving link* is understood as a link that rotates another link. This can be observed also in *i lëvizshëm* (*movable*) and *lëvizës-e* (*moving*), for instance *an element lëvizës₁* (*moving element*) – “an element that moves by itself” and “an element that moves another element”. This means that on the basis of word-formation motivation, conceptual differentiation into two units must be made, i.e. *hallkë e rrotullueshme* (*revolvable link*) and *hallkë rrotulluese* (*revolving link*), *element i lëvizshëm* (*movable element*) and *element lëvizës* (*moving element*) and not a single unit for both concepts.

The degree of motivation in word-group (word combination) terms with several component parts

The degree of motivation increases significantly, especially in word-group (word combination) terms with several compound parts, in which motivation is done by each element separately which is seen in both languages, such as *mekanizëm katërhallkësh me çerniera* (*hinged four-bar mechanism*), where the motivation passes from the first element to the second and the third element, which together reveal the concept expressed by the whole term. In this case the term takes the form of semi-definition and more constituent elements are added, it can lose the virtue of being a term. In these cases, it is self-evident that in phrases the equivalence from one language to another is more emphasized and the constituent elements of the term find equivalence from one language to another, although the forms of term construction can be specific to each language, e.g. *mekanizëm me levë* (in Albanian) – *lever motion (mechanism)* (in English), but it may also be *leverage* in English.

A special case of motivation is the break-down of meaning of the foreign term, which is related on the one hand to its origin from the language in which it was formed, but also to the break-down of constituent elements, which can be modeled in some way. For e.g. *bosht* in Albanian has its equivalent

shaft in English, which are motivated more or less in approximate manner as in Albanian. On the contrary, in the term *aksialitet-axiality* motivation can also be done through word-forming elements, which is related sequentially or directly for e.g. *aks* → *aksial* → *aksialitet* or vice versa *aksialitet* ← *aksial* ← *aks*. This is confirmed in Albanian with the presence of three different elements: *aks* → *aksial* → *aksialitet*. This motivation is almost close in English as well: *axis* – *axial* – *axiality*.

This motivation may become clearer if we present the term *aksialitet* (*axiality*) with Albanian elements, where the break-down becomes clearer. For example, if we form *aksorësi* (*axiality*) it would be motivated (Pllana, 2014: 119):

aks → *aksor* → *aksorësi* - (*axis* → *axial* → *axiality*)

aks → *aks-* (*axis*)

aksial → *aksor* (term hibrid) - (*axial-hybrid term*)

aksialitet → *aksorësi*-(*axiality*)

This can be more emphasized in the term *dezaksialitet* (*desaxiality*), which is motivated by each element taken separately, for which equivalence elements can be found in Albanian. This process from the point of view of construction of terms related to calcification is among the ways for the Albanianization of terminology, especially when there is a responsible equivalent in Albanian. For e.g., in our case we may have this procedure **de (dez=pa)**, **aks** – is common, **al=or** and **itet=ësi** (*axis*, *axiality*) (Beer, 2004:224). The Albanian term thus takes the form of a hybrid unit, where the basic semantic element is a foreign word, while the word-forming elements are Albanian: **pa-**, **-or**, **-ësi**. The same is observed in English for *desaxiality*.

Motivation of one-word terms

A. Terms motivated from outside the field without sign change

1. Terms with doubled (unmodified) conceptual content)

a. Terms derived from the words of the practical activity of the field

As it is known, a large part of the fields of knowledge has been built on the basis of practical activities, which have an empirical (not purely scientific) character in terms of knowledge content, but which have been the basis for the creation of fields of knowledge, where empirical experience was raised in science. This has led to the introduction of a number of objects (concepts) in the system of objects (conceptual) of fields of knowledge, especially on their practical side. Some fields such as construction, medicine, especially agriculture, had as objects of study mostly universal concepts, such as in construction (buildings, their parts), in medicine (human, constituent parts), in agriculture (plants, animals) etc. Consequently, together with the objects (concepts) introduced in the systems

In Albanian language

dhëmbë (sharre)
mprehje (dhëmbësh)
kalitje (çekiçi)
teh (i thikës)
balestër (automobili)
 (nga *balestër* (karroce))
sustë (e shtratit)
arkë (e farës)
sitë (e drithit)
shoshë (e drithit)
dorezë (e plugut)
pllakë (shtrimi)
zinxhir (tërheqës)

b. Terms borrowed from other languages

We have also addressed this problem above, but here we will briefly link it to the phenomenon of motivation. As a rule, the motivation of foreign terms presents great difficulties, especially for users of terminology who face them for the first time and especially when foreign languages are not known from where the relevant terms come from. However, here we are interested in the fact that how foreign terms have entered the relevant field and what further path they follow. It is generally observed that some have entered directly with their external form, subject to the phonetic laws of Albanian and English, while the rest enter their word-

of the respective fields, they have passed a part of their names, but are already raised to a higher level by their content. This means that the concepts remain the same, but their content, let's say, is doubled, as, for example: *rrënjë-root* (a common word) - *root (plant) as term*, *kokë-head* (of human) as an unusual word and *kokë –head* (human) in anatomy (Fjalor, 2006: 470). The same situation can be seen in a small group of terms used in mechanics, coming mainly from various trades and professions. Although this category of terms requires a special study, we will present here only a small amount of terms in an approximate manner in both languages. In parentheses we are giving the defining words that reveal the meaning of the term (Pllana, 2014:191).

In English language

tooth (of saw)
sharpening (of teeth)
hardening (of hammer)
edge (of knife)
leaf-spring (of car)
 (from *leaf-spring* (of cart))
spring (of frame)
box (of seed)
sieve (of grain)
screen (of grain)
handle (of plough)
plate (of laying)
chain (of towing)

formation system, creating more or less hybrid forms.

From the point of view of motivation, terms can be divided:

a) Without motivation of the internal form, but motivated in the language from which they come: *kinematikë*, *makinë*, *aksoidë* (*kinematic*, *machine*, *axoid*).

b) With motivation through the analysis of its constituent elements: *aksialitet*, *dezaksialitet* (*axiality*, *desaxiality*).

c) With mixed motivation, when the term enters the word-formation system of the respective languages: *mekanizim*, *polarësi* (*mechanisation*, *polarity*).

B. Terms with changed (modified) conceptual content

a. Terms derived from the general language

These include terms that are built on the basis of common speech. They are distinguished for high motivation, are clear in terms of composition, but, due to the associations they create with the units where they come from, are characterized by a certain multi-understanding, which leads to a decrease in the accuracy of the expression of the concept. Sometimes they have internal semantic developments, which increase the degree of motivation, but reduce the degree of accuracy of the concept.

These include the following terms: *hallkë, zinxhir, bosht, fill, ije, majë (dhëmbi), rrënjë (dhëmbi), lodhje, rrip, shirit, faqe, trup, brinjë, vesh, xhep, varg (zinxhiri), vesh, thumb, shtresë (vaji)* etc. A large proportion of them also have equivalents in English, as: *link (hallkë), chain (zinxhir), shaft (bosht), yarn (fill), flank (ijë), root (rrënjë), fatigue (lodhje), belt (rrip), tape (shirit), face (faqe), body (trup), rib (brinjë), ear (vesh)*, (Fjalor, 1969: 66-210) etc.

b. Terms derived from other terminologies

As a general rule, essentially, in these terms the meaning of the field, from which it comes, remains, but in the field in which the term enters it emerges in material form, as it relates to the system with concrete objects.

Some terms were introduced into the terminology of mechanics from other terminologies, which rarely function as separate, and more often are met in compound phrases. We are just giving an example, describing the relevant field: *ekuacion, barazim (equation, equalization)* (math.), *forcë, baraspeshë (force, equilibrium)* (phys.), *reaksion, shkrirje (reaction, melting)* (chemistry), *kënd, rreth (angle, circle)* (geom.) etc. Motivation of these units, especially in compound phrases, as, for example in *kënd i trysnisë, rreth i kokës (angle of pressure, top circle)* (në rrotat me dhëmbë- toothed wheels) becomes direct and relates in two ways: on the one hand, with the field they come from (e.g. from math,

physics.) whereas, on the other hand, with the new concept they create in the respective field, as they can be compared *kënd (angle)* (geom.) and *kënd i trysnisë (angle of pressure)*.

Thus, we can bring some examples by confronting the units in both respective fields, as well as giving in parentheses the term (word and field) that reveals the concrete meaning in each language (Fjalor, 2002: 23-245):

In English

- 1) *cylinder* (geom.) - *cylinder* (of engine)
- 2) *parallel* (geom.) - *parallel* (of steering)
- 3) *circle* (geom.) - *circle* (of tube)
- 4) *radius* (geom.) - *radius* (of crane)
- 5) *axis* (geom.) - *axis* (axis of wheel)
- 6) *body* (geom.) - *body* (of fluid)
- 7) *point* (geom.) - *point* (dead point)

In Albanian

- 1) *cilindër* (gjeom. si figurë) - *cilindër* (i motorit)
- 2) *paralele* (gjeom. si figurë) - *paralele* (e timonit)
- 3) *rreth* (gjeom.) - *rreth* (i rrotës)
- 4) *rreze* (gjeom.) - *rreze* (e rrotës)
- 5) *aks* (gjeom.) - *aks* (i rrotës)
- 6) *trup* (gjeom.) - *trup* (pune)
- 7) *pikë* (gjeom.) - *pikë* (e vdekjes)

Conclusion

Terms generally turn out to be much more motivating than common words, certainly when viewed within the field of knowledge to which they belong. This more complete and direct motivation is provided by their double connection of the sign both with the meaning (concept) that it really expresses and with the meaning from which it comes.

Terms with changed conceptual content that are built on the basis of general language are distinguished for high motivation. They are clear in terms of composition, but, due to the associations they create with the units where they come from, are characterized by a certain multi-understanding, which leads to a decrease in the accuracy of the expression of the concept.

The base terms are represented mainly by one-word units, and as such they have priority from the viewpoint of the structure in a multiple way. From this viewpoint they contain the autochthon layer of the terminology in question, in the Albanian language, as well as in the English language. By viewing the quantity part of this layer in both languages, one will see that the English language comes out as richer in terms of units. This appears also from the comparison which is made of the vocabulary of the Albanian language in this terminology with that of the English one, where to the most part of the borrowed terms in Albanian the authentic English terms will respond with their own terms in English, build on the ground of common words, like: *sleeve, float, screwdriver* (Engl.), and respectively foreign in Albanian: *manikotë, galexhant, kaçavidë*.

References

- Beer, F. etc. (2004), *Vector Mechanics for Engineers Statics*, McGraw-Hill, New York, 224.
- Duro, A. (2009), *Termi dhe fjala në gjuhën shqipe (në rrafshin e formës dhe të përmbajtjes)* [Term and word in Albanian language (in terms of form and content)], QSA IGJL, Tiranë, 153.
- Duro, A. (2001), *Terminologjia si sistem* [Terminology as a system], PANTEON, Tiranë, 47.
- Fjalor i terminologjisë tekniko-shkencore, Terminologjia e matematikës dhe e mekanikës teorike, shqip-serbokroatisht-ruisht-frëngjisht* [Dictionary of technical-scientific terminology, Mathematics and theoretical mechanics terminology, Albanian-Serbo-Croatian-Russian-French] (1969), Prishtinë, 66-210.
- Fjalor i gjuhës shqipe* [Dictionary of the Albanian language] (2006), ASHSH IGJL, Tiranë, 470-588.
- Fjalor i termave themelorë të mekanikës Shqip-Anglisht-Frëngjisht-Italisht-Rusisht* [Dictionary of basic terms of mechanics Albanian-English-French-Italian-Russian] (2002), Tiranë, 23-245.
- Kostallari, A. (2018), *Histori e gjuhësisë së përgjithshme fjalë formimi i shqipes gjuha e sotme shqipe* [History of general linguistics word formation of the Albanian language today], Tiranë, 6, 339.
- Kurti, S. etc. (1991), *Fjalor politeknik anglisht-shqip* [English-Albanian Polytechnic Dictionary], Tiranë, 529-530.
- Pllana, G. (2017), *Formimi i terminologjive teknike shqipe mbi bazën e leksikut të përgjithshëm (Procese të krijimit, të pasqyrimin në gjuhë dhe të standardizimit)* [Formation of Albanian technical terminologies on the basis of the general lexicon (Processes of creation, language reflection and standardization)], QSA IGJL, Botimet Albanologjike, Tiranë, 188.
- Pllana, S. (2014), *Terminologjia bazë e mekanikës në gjuhët shqipe dhe angleze* [Basic terminology of mechanics in Albanian and English languages], QSA IGJL, Botimet Albanologjike, Tiranë, 119-120.
- Thomai, J. (2017), *Studime për gjuhën shqipe IV* [Studies on the Albanian language IV], ASA IGJL, Tiranë, 249.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Sadete Pllana, PhD, assistant professor, Faculty of Economics, University of Prishtina “Hasan Prishtina”, Prishtina, Kosovo

Gani Pllana, PhD in Linguistics / Terminology, Lecturer, Faculty of Mechanical Engineering, University of Prishtina “Hasan Prishtina”, Prishtina, Kosovo

УДК 81'27

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-4

Шунейко А. А.¹
Чибисова О. В.²

Семантика слова "странничество" и организующие его смыслы

¹⁾ Комсомольский-на-Амуре государственный университет
ул. Ленина, 27, Комсомольск-на-Амуре, 381013, Россия
E-mail: a-shuneyko@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0001-5467-2214

²⁾ Комсомольский-на-Амуре государственный университет
ул. Ленина, 27, Комсомольск-на-Амуре, 381013, Россия
E-mail: olgachibisova@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-2709-2465

*Статья поступила 14 ноября 2020 г.; принята 15 декабря 2020 г.;
опубликована 30 декабря 2020 г.*

Аннотация. В статье анализируются результаты изучения странничества, изложенные в отечественной научной литературе начала XXI века. Актуальность исследования связана с тем, что концепт странничества не только находится под пристальным вниманием ученых на всем протяжении своего существования, но и сам продолжает развиваться. Авторы обращаются к проблеме конструирования адекватного представления об этом сложном явлении. Они предпринимают попытку установить симультанный набор инвариантных характеристик странничества, описываемый в научных работах с различной степенью полноты и последовательности. Кроме того, использование дискурсивного анализа позволяет воссоздать всеобъемлющий характер современной аналитической оценки странничества. В результате было установлено, что слово *странничество* не имеет эквивалентных переводов на другие языки, а в русском языке его семантика определяется через множество синонимов, ни один из которых не является полным. У понятийного комплекса, обозначаемого словом, нет четких границ, и он частично пересекается с некоторыми хотя и сопоставимыми, но не тождественными ему понятиями. Было выделено 5 разновидностей странничества, ни один из которых не выступает на практике в чистом виде. Описано, в каком значении эти разновидности существуют в коллективном сознании русского народа и в индивидуальном сознании его наиболее значимых представителей. Показано, что в настоящее время концепт странничества расширяется за счет ряда его специализированных проявлений.

Делается вывод, что многоликость странничества является его основополагающей свойством и для описания его целостности необходим синтез подходов, принадлежащих различным наукам.

Ключевые слова: Странничество; Скитальчество; Паломничество; Путешествие; Творческий поиск

Информация для цитирования: Шунейко А. А., Чибисова О. В. Семантика слова "странничество" и организующие его смыслы // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, №4. С. 30-43. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-4

Alexander A. Shuneyko¹
Olga V. Chibisova²

The semantics of the word "strannichestvo" and its meanings

¹⁾ Komsomolsk-on-Amur State University
681013, 27 Lenin St., Komsomolsk-on-Amur, Russia
E-mail: a-shuneyko@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0001-5467-2214

²⁾ Komsomolsk-on-Amur State University
681013, 27 Lenin St., Komsomolsk-on-Amur, Russia
E-mail: olgachibisova@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-2709-2465

Received 14 November 2020; accepted 15 December 2020; published 30 December 2020

Abstract. The article analyzes the observations of *strannichestvo* expounded in the home scientific literature at the beginning of the XXI century. The relevance of the study is due to the fact that the concept of *strannichestvo* is not only under the scrutiny of scientists throughout its existence, but also continues to develop itself. The authors address the problem of constructing an adequate idea of this complex phenomenon. They attempt to establish a simultaneous set of invariant characteristics of *strannichestvo*, described in scientific papers with varying degrees of completeness and consistency. In addition, the use of discursive analysis allows recreating the comprehensive nature of the modern analytical assessment of *strannichestvo*. As a result, it was found that the word *strannichestvo* does not have equivalent translations into other languages, and in Russian its semantics is defined through many synonyms. Its conceptual complex has no clear boundaries and partially intersects with some, although comparable, but not identical concepts. Five varieties of *strannichestvo* were identified, none of which appears in practice in its purest form. It is described in what sense these varieties exist in the collective consciousness of the Russian people and in the individual consciousness of its most significant representatives. It is shown that at present the concept of *strannichestvo* is expanding due to a number of its specialized manifestations. It is concluded that the versatile nature of *strannichestvo* is its fundamental property and a synthesis of approaches belonging to different sciences is necessary to describe its integrity.

Keywords: Strannichestvo; Wandering; Pilgrimage; Travel; Creative search

How to cite: Shuneyko, A. A. and Chibisova, O.V. (2020). The semantics of the word "strannichestvo" and its meanings. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.6 (4), 30-43, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-4

Introduction

Strannichestvo is one of the most ancient phenomena of Russian culture which took on peculiar forms and filled with various meanings in each particular era. It begins to develop in the XI – XII centuries due to the appearance in the Slavic Christianizing culture of such an occurrence as pilgrimage.

Russian people are committed to two different trends in behavioral practices – sedentary and wandering that organically symbiose with each other. The simultaneous existence at the two opposite poles of being gives the Russian mentality unique features and explains the increased interest of researchers in it. Moreover, the studies themselves belong to

various fields of knowledge: philosophy, linguistics, cultural studies, aesthetics, art criticism, theology and psychology, filling this concept with specific content. This situation necessitates an analytical review of understanding the word *strannichestvo*.

Methodology and methods

The work was carried out using the methods of continuous sampling, thematic analysis and identification of semantic dominants. All information on the topic was summarized and distributed in accordance with the interaction between various aspects of the phenomenon under consideration. At that, a discursive analysis was used, which made it possible to trace the perception of a concept in the framework of the discourse that generated it. The main tool in this case is discursive analysis, which suggests that the phenomenon of culture is considered in the framework of the discourse that generates it.

Research Results and Discussion

Strannichestvo belongs to one of the constants of the Russian language and culture. As with many realities that are specific to one country and lacunar to the rest, there is no complete equivalent to denote it in other languages. Russian-English ABBYY Lingvo dictionaries offer the following synonyms for the word *strannichestvo*. *Wandering* – travel aimlessly from place to place, without any clear destination (wandering tourists, a band of wandering musicians). *Travel* – to go from one place to another on a trip, usually over a long distance (She enjoys traveling around Europe.) *Pilgrimage* – a journey to a place of particular interest or significance (a private pilgrimage to family graves, a pilgrimage to the famous racing circuit). *Walking* – the activity of taking walks for exercise or pleasure, especially in the country (go on walking tours, a walking holiday). *Vagrancy* – a way of life in which someone moves a lot from place to place because they have no permanent home or job, and have to ask for or steal things in order to live.

According to R.A. Burkhanov, in Western European languages there is no word that is fully adequate to the Russian word

strannichestvo. Its main analogue comes from the Latin term “errare” (wander, roam, err), as, for example, in the French word “errer” or in the English word “errant”, derived from “err” (to make mistakes, to delude oneself), which is directly related to the terms “wandering” and “wanderer”. In German, this meaning is less obvious, but it is also present in words and phrases derived from “wander”, “wanderer”, “wander”, “wanderschaft” (Burkhanov, 2012: 8).

Considering the translation of article titles and keywords, one can see that most researchers are inclined to use *wandering* (N.V. Fedorova, E.A. Trofimova, M. Rodyan, L.M. Petrova, V.A. Maslova, L.I. Kirsanova) or *pilgrimage* (E.V. Logacheva, A.Yu. Ilyina, E.V. Ivanova, R.A. Burkhanov, L.V. Alekseeva, N. Litovchenko). Their choice of translation can presumably be explained by the fact that a dictionary entry *wandering* contains an example of using a combination *a wandering preacher*, and one of the definitions of *pilgrimage* sounds like *If you make a pilgrimage to a holy place, you go there for a religious reason*. In both cases, the words of the English language have a strictly confessional linkage. The word of the Russian language generally does not possess an indication of the connection between the action and the church as an obligatory component.

Even in the Russian language itself, the meaning of the word *strannichestvo* is constantly elusive depending on the era and the context of its use.

E. V. Ivanova (Ivanova, 2014), on the basis of historical dictionaries, studies the formation of the concept *strannichestvo*, the emergence of which she directly connects with the Christianization of Russia and the appearance of such a sociocultural phenomenon as pilgrimage in the country. The Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries defines *travel* through synonyms *strannichestvo* and *stranstvo* and gives examples of its use taken from the Archangel gospel of 1092 and the Life of Theodosius of the Caves in the Assumption

collection of the 12th – 13th centuries. In the XVIII century, the Dictionary of the Russian Academy gives the *strannichestvo* and *stranstvo* though with the common definition *travel to foreign lands* but already in different dictionary entries. The researcher suggests that the idea of *strannichestvo* in the XII-XV centuries evolved thanks to travels to the Christian shrines of the Middle East. Similarly, to E.V. Ivanova, S.S. Ilyin (Ilyin, 2012: 38-39) analyzes and compares the meanings of the word *strannichestvo* in the dictionaries of various historical eras, namely: in the dictionary of V.I. Dal (XIX century) and S.I. Ozhegov (XX century). He concludes that V.I. Dal likens *strannichestvo* to *pilgrimage* and *wandering*, and S.I. Ozhegov describes the words *strannik*, *wanderer* and *vagrant* as absolute synonyms. According to the scientist, although these words, like a number of other words of the modern Russian language, are associated with the concept of the road, their semantics and pragmatics can differ significantly. From this position, he delimits the meanings of such words as *strannik*, *exile*, *traveler* and *emigrant*. Pursuing the same goal, E. V. Falenkova (Falenkova, 2013) compares *strannichestvo* to *pilgrimage*, *wandering*, *vagrancy* and *parasitism*, and N. V. Fedorova, in addition to them, with *creative searches* and *romantic journeys of the spirit* (Fedorova, 2019: 45). Similar work with dictionaries is also carried out by T. V. Makarova and V. A. Kryzhanovskaya (Makarova, Kryzhanovskaya, 2018), V. Yu. Korovin (Korovin, 2009) and some other researchers of the Russian *strannichestvo*.

When analyzing the semantics of the word *strannichestvo*, E. Lassin refers to the concept of the road, trying to prove that movement without a clearly defined goal is an archetypal feature of Russian consciousness, where it is the movement process itself that is valuable. In her opinion, this movement without the intention to reach a certain point and complete the way is Russian *strannichestvo*, when people do not go somewhere, but leave something (Lassin,

2008). I. V. Konyreva comprehends *strannichestvo* as a keening model of behavior characteristic of crisis eras, which in particular is the historical transition from the Middle Ages to the New Age. She establishes that the individual bearers of the traditions of keening, along with professional mourners, were holy fools and Kaliki-passers, who served as mediators between the church and the people, between the Orthodox and pagan segments of the Russian culture (Konyreva, 2003).

At the same time E.V. Falenkova ranks *strannichestvo* and *pilgrimage* to independent original forms of personal self-identity, occupying a separate socio-cultural niche in the life of society and supported by individual's religious mentality (Falenkova, 2013: 3). N.V. Fedorova considers *strannichestvo* to be a possible way to overcome crisis situations, which is actualized in transition periods (Fedorova, 2019: 45). For V.A. Maslova it is a value, concept and image simultaneously, as it combines a spiritual and secular, aesthetic and mental essence (Maslova, 2015: 29).

The identification of synonyms, the study of their semantic similarities and differences allowed researchers to single out the following meanings inherent in the word *strannichestvo*.

1. Relocation for the performance of religious rites (*pilgrimage*).
2. Constant aimless movement as a way of life (*wandering*, *vagrancy*, *parasitism*, *hoboism*).
3. Local movement as a change in situation (*travel*).
4. Movement under the influence of external circumstances (*exile*, *emigration*).
5. Movement as a spiritual development (*doing*), *creative search*.

Below each of the presented meanings is considered in more detail.

Relocation for the performance of religious rites (pilgrimage). Philology and cultural studies are characterized by two understandings of the phenomenon of *pilgrimage* – narrow and wide. In a narrow

sense, pilgrimage is a journey that is made in order to worship religious shrines. In a broad sense, pilgrimage is a journey that has undeniable spiritual fulfillment and is performed with the goal of worshipping the Creator of all things (Raskina, 2009: 113). A.Yu. Ilyina, referring to A.V. Nazarenko, gives the etymology of the word pilgrim in Russian as a direct borrowing of the Middle Latin *palmarius* (palm, overgrown with palm trees). The word penetrates into the Old Russian language closer to the middle of the 12th century, when the pilgrimage movement to the Holy Land intensified sharply after the formation of the Latin Kingdom of Jerusalem. Pilgrims brought a branch of palm to their homeland, so over time they received the generalized name of *palomniki* (pilgrims) (Ilyina, 2014: 8). R.A. Burkhanov gives a similar etymology of the word, writing that the palm branch served for the pilgrims as a reminder of those palm branches with which the people met Christ at the entrance to Jerusalem (Burkhanov, 2012: 8). Unlike *strannichestvo*, pilgrimage is a journey for the purpose of communion with the Absolute through the worship of the shrine. The essence of the pilgrimage is expressed through the semantic layer of the sacred category: the pilgrimage ritual is performed in the coordinates of the sacred space and time and implements the spiritual “vertical” relationship of man with the world. Pilgrimage rituals of different cultures and eras reveal their typical features in the target setting (communion with God through veneration of shrines), in terms of content (sacred ideas for society) and in terms of expression (a complex of symbolic languages and a stable composition) (Burkhanov, 2012: 8). According to L.V. Alekseeva, Russian pilgrimage tradition is a unique manifestation of the living Orthodox faith. Pilgrimage differs from other types of travels, first of all, by its value content and spiritual essence. It is connected with the dogmatic system of Orthodoxy (Alekseeva, 2016: 225). A.Yu. Ilyina adds that the Orthodox pilgrimage is a brilliant demonstration of the openness of the

Orthodox culture, the absolute sincerity of intentions. The soteriological meaning of pilgrimage consists in fellowship with God, fellowship with the shrine; it acts as a path to salvation (Ilyina, 2014: 7). In this sense, the word *pilgrimage* fully coincides with one of the connotations of the word *strannichestvo*, perhaps that is why they interchange each other in the work of E.Yu. Raskina, who explores N.S. Gumilyov’s spiritual wandering in the context of pilgrimage literature. However, *strannichestvo* differs from wandering to sacred places as it does not know the ultimate goal in the sociophysical space. A *strannik* differs from pilgrims because the route of the latter is laid from one particular point to another. Earthly roads direct a *strannik*, who sets himself the task of self-improvement, into a certain spiritual reality (Korovin, 2009: 139). In addition, *stranniki*, unlike pilgrims, do not know the purpose of their journey within this life (Fedorova, 2019: 44).

Constant aimless movement as a way of life (wandering, vagrancy, parasitism). Distinguishing the concepts of *strannichestvo*, *wandering* and *vagrancy* is a difficult task, because their semantic relationships are looped (Ilyin, 2012: 38). The everyday meaning of the word *wanderer* evokes associations with frequent and unplanned moving, changes in work and place of residence; the metaphorical use of the word *strannik* implies the same meanings (Ilyin, 2012: 39). Referring to V.V. Vinogradov, S.S. Ilyin believes that the etymology of the word *wanderer* is associated with its book use. It is an artificial literary and book formation that arose not earlier than the 16th century (Ilyin, 2012: 39). The word *vagrancy* has negative, criminal connotations, as vagabonds, the down-and-outs, wander from place to place in search of “profitable” places where honey rivers flow to please them (Korovin, 2009: 138). They live at someone else’s expense, live off the labour of others, doing nothing themselves, that is, they are parasites. Thus, wandering in Russia became ambiguous: it is both a form of true religiosity, and a form of

hypocrisy, parasitism (Ilyinskaya, 2008: 110). In part, the *strannik* is the same vagabond, but the first takes spiritual, vital or existential value from his wandering, and the second is the hostage of circumstances (Fedorova, 2019: 43). At the same time N.I. Ilyinskaya claims that wandering is polar in axiology of *strannichestvo*, it is marked extremely negatively and is an analogue of abandonment by God (Ilyinskaya, 2008: 111). D.B. Dorofeev thinks that a *strannik* from a vagabond can be distinguished by the ability to voluntarily and organically accept in themselves those special forms of the action of time and space that sprout in the process of *strannik's* life and constitute it (Dorofeev, 2010: 84). T.V. Makarova and V.A. Kryzhanovskaya differentiate the meanings of the words *strannik* and *wanderer* on the following grounds: a) the reason for this lifestyle (perhaps, *strannik's* desire to wander around the world and *wanderer's* having no home); b) the presence of a target (a *strannik*, unlike a *wanderer*, may have a goal); c) a person's attitude to the house (a *strannik* may dislike his home, a *wanderer* yearns for it); d) the internal state of man (a *strannik* is free, a *wanderer* is submissive to fate); e) the speaker's attitude to this person (the word *wanderer* implies compassion) (Makarova, Kryzhanovskaya, 2018: 116).

Local movement as a change in situation (travel). According to V.A. Maslova, *strannichestvo* is, first of all, a travel, which is a biological condition for the existence of mankind, since free movement in search of food is the most important way of human life (Maslova, 2015: 26). However, moving with the tribe (within the collective) and moving towards a known or unknown goal alone are two different strategies for cultural being. In the first case, the individual remains "at home" (among his own); the second situation is the result of exile (forced or voluntary) and acts as the main cultural scenario. Thus, travel is one of the main cultural subjects that arose in antiquity and retained its relevance in our era (Korovin, 2009: 136). Among travelers V.Yu. Korovin

distinguishes two figures: a tourist fixed on the object of a tourist trip and a *strannik* whose purpose of travel is connected with the process of movement itself. Unlike a *strannik*, a tourist is more likely to seek new impressions than philosophical meanings (Korovin, 2009: 138). According to A.Yu. Ilyina, the worldview that determines modern tourism is characterized by the following features: exotic appears as Other, distant lands as Infinity, antiquity as Eternity, novelty as Knowledge, incomprehensible as Truth, ancient as Wisdom, diversity as Beauty, pleasure as Blessing, wonder as Miracle, joy as Grace (Ilyina, 2014: 10). Traveling is possible in conditions of increased comfort, that is, a traveler can get to the destination without any difficulties and inconveniences (Ilyin, 2012: 42). The image of the traveler is not connected with the lack of his attachment to the house, which is a characteristic feature of the *strannik* (Ilyin, 2012: 42). For *stranniki*, their home was no longer a vital value, and their personal living space was no longer embodied in the sense of a specific place of stay. The whole country became such a living space (Alekhina, 2010: 32-33). O.V. Golotvina connects the concept of homelessness with such qualities of a Russian character as eternal dissatisfaction with existing things and striving for a pipe dream. It is a state of a person experiencing a spiritual crisis that has arisen as a result of a historical and social breakdown and the erosion of traditional national values. Initially, this concept was characterized not so much by a material sign of the absence of walls and roof, wandering, loss of hope and longing, as by the metaphysical homelessness of the homeowner, his godlessness, and lack of spirituality and loss of tradition (Golotvina, 2018: 17).

Movement under the influence of external circumstances (exile, emigration, expatriation). V.Yu. Korovin believes that *strannichestvo* is closest to the concept of *migration*, which indicates the movement of people (both within the country and crossing its borders) associated with a change of place

of residence (Korovin, 2009: 137). Alienation from home is present in Russian culture, in addition to the forms listed above, in such forms as emigration and expatriation. Emigrants, people who were forced to leave their home, V.Yu. Korovin classifies as “poor against their will” (the victims of the routs and fires, pestilences and famine) and the “unfortunate fugitives” (people, oppressed and offended by relatives; landless peasants; victims of evil people; freaks, cripples and blind people). An expatriate is a person who finds himself outside the homeland of his own free will, but does not have the goal of settling there. These include pragmatic wanderers (coachmen and tradesmen who do not want to peasant; seafarers and other seekers of new lands; merchants seeking to acquire wealth) and intellectual wanderers (voyagers traveling by land or sea to different places and countries most often with the purpose of obtaining education) (Korovin, 2009: 137). Emigration is not *strannichestvo* either, if a person who has left his homeland integrates into another culture, adds S.S. Ilyin (Ilyin, 2012: 42). Exile is either forced rejection (the other side of enslavement) or the search for happiness in another culture due to the inability of the individual to change the world around him (Ilyin, 2012: 42). A person who has abandoned his native land, a habitable place due to negative circumstances or repression and for this reason forced to wander, cannot be called a *strannik*. *Strannichestvo* does not involve sacrifice, coercion; a *strannik* is a man of thinking and action, not of a psyche and ordinary reaction (Ilyina, 2014: 9). *Strannichestvo* without faith, without God is a meaningless movement under the influence of external circumstances, but not one's own choice, will and mission of asceticism (Fedorova, 2019: 43). The traveler and *émigré* are brought together by a belief that somewhere in the real geographic space there is a certain semblance of an “ideal island” which he is deprived of in the present situation. At the same time, the alienation of a traveler is not accompanied by a special experience of the melancholy feeling

of losing his beloved object. He is in constant search of the most reliable and authentic, often creating, on the basis of what he saw, a mythological image of an earthly “paradise” or “hell”, which he will seek or repel in retrospect (Korovin, 2009: 138).

Movement as a spiritual development (doing), creative search. If the first four of the above types of *strannichestvo*, recorded by lexicographical sources, are reflected in the collective consciousness of the Russian people, spiritual development is to a greater extent formed in the individual consciousness of its most significant representatives. Therefore, in the scientific circulation there is a great deal of studies devoted to spiritual *strannichestvo* presented in the works of writers, poets, musicians, singers, painters.

Artists not only fix the stages of their spiritual searches, but also create images that duplicate their wandering aspirations. A sign by which a wanderer can be identified with a great measure of accuracy is not only his following the chosen path, but also his appearance. So, in the early lyrics of S.A. Yesenin, as indicated by E.V. Logacheva, these signs are miserable robes and unpretentious things that embody the poet's ideas about Christ's earthly path and people asking for mercy in his name: a holey undercoat, a discoloured *armiak*, birch bark bast shoes, a crook and a bag (Logacheva, 2017: 32). Similarly looks the old pilgrim Poyarkov, to whom P.I. Melnikov-Pechersky gives features that bring him closer to the images of the holy monks described in hagiographic literature: an ashen-colored face, hair gray as moon, a worn frock coat, a knapsack over his shoulders, a walking stick (Alekseeva, 2016: 231). Although the appearance of the elders *Mardarius* and *Varlaam* does not correspond to the traditional image, this does not bother *Grisha*, who is touched by the ostentatious piety of the wanderers (Alekseeva, 2016: 229), that is, the determining criterion is still not their appearance, but their behavior. It is that M.V. Nesterov reflects in his paintings, where humble and ascetic wanderers, full of

selfless love, prayerfully teach and awe the surrounding nature (Trofimova, 2014: 241). Peace and quiet, the mysterious touch of the divine and the mood of bright joy become the embodiment of universal love. Each of the characters is not in an amorphous indefinite space, but at a specific point corresponding to one or another stage of the way.

E.V. Falenkova considers the concept of spiritual *strannichestvo* on the basis of the works of L.N. Tolstoy. She reveals that Tolstoy's model of *strannichestvo* appears as a strategy of the hero's way, the spatial movement of whom is caused by the realization that independence from his social environment can only be achieved by moving away from it. During the journey, the hero goes through three stages: degradation, transfiguration and resurrection. The first and second stages are the literary character's loss of the purport of life and its search; the third is comprehension of his earthly destiny and acquisition of inner freedom (Falenkova, 2013: 12). The spiritual *strannichestvo* of the character from N. S. Leskov's story "Peacock" goes a slightly different way. But just like that of L. N. Tolstoy, he comes to the understanding that the meaning of life is love for his neighbor and, therefore, for God. L. M. Petrova (Petrova, 2015) distinguishes the following stages of Peacock's spiritual development: from illusory freedom and the realization of his superiority over others – through the temptation of vain passion and sinful fall – to repentance and humility. At the same time, Leskov assigns a special role in the internal purification of man to suffering. Writers B. K. Zaitsev and I. S. Shmelev introduce the concept of *spiritual strannichestvo* into the sphere of church life, thus expanding its artistic boundaries. According to N.V. Lau (Lau, 2011), in their works, gaining faith most often occurs through the character's love for his neighbor, as in previous cases, but unlike them, this is only the first step on the way of his moral formation. Along this path, wanderers are confronted with religious miracles, sorrows, temptations, and repentance that help

strengthen their faith. Fundamentally important, all this time they are under the guidance of an experienced mentor.

Another feature of Russian *strannichestvo* is associated with the "emotional experience" of space. Although a literary text reproduces space as an objective category, its representation in each case is unique, as it reveals the originality of the subjective worldview of its author.

For example, N.S. Gumilev conceptualizes space as a form of being (a certain principle of the world); as a spiritual reality (other being) and as an earthly world (the realm of the physical and the sensual) (Shantalina, 2006: 253). These types of space in his poetry do not deny each other; moreover, they interact with each other. Thus, as S.M. Karpenko writes, Gumilev expands the boundaries of geographical space, which is already endless, distant and unexplored, with the areas of spirit's being, in which both the vectors of the movement of thought and the vectors of the movement of the soul are represented (Karpenko, 2004: 29). Unlike Gumilyov, I.A. Brodsky places his lyrical hero in a horizontal space composed of things such as a chair, a mirror, a square, a fountain, a violin, a plaster bust, and so on. For him they have all the attributes of the subject: they can change, enhance the perception of the world, or convey meanings (Kirsanova, 2012: 41). I. A. Romanov emphasizes that Brodsky's lyrical hero is a marginal whose alienation from society is revealed through the motive of *strannichestvo*; he is an eternal wanderer suffering in a foreign environment (Romanov, 2004: 80). Brodsky's *strannichestvo* passes along the plane "forward or left, backward, but not upward" (Kirsanova, 2012: 44). E. Lissan, on the contrary, speaks of the universal orientation of the Russian soul "to the vertical plane", characterizing its desire to get into a fundamentally different, transcendental world (Lissan, 2008: 219). Such a soul has Father Matthew from L. M. Leonov's novel "Pyramid" (1994), because he comprehends the circuit of things in the Universe, and this

planetary awareness of reality, expanding space to the dimensions of the universe, leads him on a path to infinity (Bondarenko, 2009: 94). Understanding of *strannichestvo* as a derivative of cosmism was laid long before Leonov in the Russian culture of the Silver Age (Trofimova, 2014: 236). E. A. Trofimova proves that in spiritual *strannichestvo* N. K. Roerich saw the ability of man to ever problematize himself and his place in the Universe. On his canvases, the image of the wanderer is connected with “silver threads” with horizons, distances, celestial architecture and the macrocosm (Trofimova, 2014: 243).

The concept of space is inextricably linked with the concepts of the way and road, between which a reference identity is often established, since their difference is manifested only in metaphorical use (Lassan, 2008: 212). As M. B. Krasilnikova supposes, N. V. Gogol was the first in classical Russian literature to set the motive for the road, which in his works is endowed with a special artistic and semantic load, combining spatial and temporal coordinates in the image of the whole Russia (Krasilnikova, 2008: 203). For the writer, the road is important in itself as a symbol of the transition from one place in space or state to another. E. Lassan hypothesizes that in Soviet times the idea of the road as a movement without a clearly defined reference point was widely used for ideological purposes. So, to build communism, it was necessary to go to it, as to a shining peak, but the timing of its achievement remained somewhere in the boundless future (Lassan, 2008: 215). To prove her point of view, the scientist gives an essay on the songs of the 20-60s of the last century, conveying the named idea. Later, as if in corroboration, though with the undoubted protest component of rock poetry and the active assertion of its position in the new sociocultural space, the metal group Black Obelisk (1986-1997) perceives the road as the meaning of its own existence. In many poems by its leader Anatoly Krupnov, the beginning and end of the wanderer’s path coincide, so that the starting point also turns

out to be the goal of the movement (Ilyin, 2011: 253). Similar parallels “way – movement” and “way – creativity” are distinguished in the associative-semantic field of N. Gumilev’s poems by S.M. Karpenko (Karpenko, 2004: 28).

The movement of a person through various types of space turns into myth-making. All collections of A. Bely, according to N. Litovchenko (Litovchenko, 2016), can be taken as a single meta-text, the dominant feature of which is *strannichestvo*. Having overcome the long spiritual way, the lyrical hero of the poet finds a solution to his main life task: how to open and transform the world in himself and around him. This problem is consonant with the eschatological motive prevailing in the religious consciousness of A. Bely. At that, the symbolist poet uses mythology, which, in his opinion, contributes to the transformation of the world. M. Rodyan (Rodyan, 2015) shows that in his work M. A. Voloshin also relies on the plots of ancient mythology, biblical tales and medieval legends; in particular, she calls the legend of Cain and the legend of the Eternal Jew. Voloshin’s understanding of *strannichestvo* expands to relentless inner anxiety and the search for his true self, which is characteristic of every person, regardless of the circumstances of the time in which he resides. Suffering cleans people of filth, and the search for God makes them strive to understand their destiny on earth. Mythology firmly holds its position in the work of poets of the XXI century. So, Yu. P. Kuznetsov’s poem “Descent into Hell” (2002) is written in the genre of vision, which combines mythology and modernity. The author, in the guise of a secret spectator, actualizes the image of a spiritual wanderer who, instead of arranging life on earth, seeks the City of Heaven and does not calm down until he finds God and unites with him (Ilyinskaya, 2008). The transition to the sacred level is carried out through initiation, bringing a person into the borderline state between life and death, which is either a dream or a vision.

The concept of strannichestvo at the modern stage of language development.

Although the word *strannichestvo*, according to the Explanatory Dictionary of D. N. Ushakov (1935-1940), was obsolete in the last century, it is understandable and familiar in the XXI century, even though it acquired some new meanings over time. Due to cardinal technical and social changes, modern man has significantly increased opportunities for movement. According to E. A. Trofimova, travel has become a form of consumption due to the increased comfort zone, pushing *strannichestvo* with its risks and adversities into the background and leaving it for the homeless (Trofimova, 2014: 236).

At present, in place of a single type of *strannichestvo* come its specialized manifestations, each of which reveals a single feature of the once unified semantic complex. For example, L. G. Melnikova believes escapism to be a modern *strannichestvo*, which she understands more as building a communicative barrier between a person and society than immersing in a fictional world invented by an escapist (Melnikova, 2008: 80). She divides the types of *strannichestvo* into truly religious and feignedly virtuous; forced and actively social, but each of them is both a physical and mental going away; moreover, they are all real. A peculiar form of escapism is a psychological dependence, in particular, gaming, considered by L.G. Melnikova as an escape to virtuality, because it allows players to experience sensations unattainable in real life. The network information and communication society has generated yet another new phenomenon – digital nomadism. As noted by I.N. Terentyeva, this novelty manifests itself in the escape of network nomads from the usual forms of sociality in order to achieve a higher level of freedom through the use of high-tech intermediaries in various types of communication with people (Terentyeva, 2017: 254). To recognize the inhabitants of network spaces and establish effective interaction with them, the researcher suggests

drawing on the Russian experience in understanding a wanderer, a tramp, a rogue, and a fraudster. S.S. Ilyin, along with escapism, ranks stalking in the post-apocalyptic urban space as a modern form of *strannichestvo*. He draws attention to the fact that stalking has developed as a preparation for physical survival in extreme conditions, and its difficulties and dangers metaphorically emphasize the wanderer's spiritual way (Ilyin, 2012: 43). The kinds of stalking varies depending on the objects: post-pilgrimage (visiting the destroyed religious buildings), digging (sallying forth in the subway, underground bunkers, sewers), roofing (climbing towers, power transmission pylon, mobile communication poles), infiltration (penetrating into areas not meant for people to stay). Thus, stalking received modern connotations thanks to Tarkovsky's film which visually demonstrated a hero-stalker and seriously changed the character, bringing him closer to the Orthodox holy fools.

Though outward concrete, all these varieties of *strannichestvo*, according to researchers, are connected with categories of the highest order. L.L. Studen analyzes the development of Russian cosmism in the XX – XXI centuries as a daring attempt by man to cross not only the borders of the Earth, but also the borders of his own nature (Studen, 2010: 223). He chronologically sequentially compares two directions of this worldview: the technical, associated with rocket space navigation, and the occult, implying an energetic transmutation of man himself. The scientist comes to the conclusion that for interstellar flights that are impossible in the physical world, it is necessary to develop a technology for moving into the "thin" worlds, that is, two ways to conquer space must merge into one.

Conclusions

To conclude, *strannichestvo* is a complex multidimensional phenomenon in the Russian language and culture. Its complexity is manifested in the absence of clear boundaries in the semantic complex that this word denotes. Besides, some of its

individual parts intersect with a whole series of concepts which are similar but not identical to it. The many-sidedness of *strannichestvo* has become its constant characteristic which splits its integrity into a mass of manifestations with mutually complementary and contrasting signs. The review shows that there is no single denominator for perceiving *strannichestvo* as a holistic phenomenon in research. With the same degree of activity it is studied in different fields of scientific knowledge. At the same time, one can confidently talk about a deepening trend towards a detailed analysis of the concept. This particularization outlines the actual parameters for evaluating the semantic complex, which can be perceived as its structural characteristics. These include: the perception of *strannichestvo* as tangible or spiritual, real or imaginary, with a confessional or social purpose, of one's own free will or apart from it, along a known route or to new areas, with a plan or without it, with a purpose and without it. Any of them in each case is combined with the rest in various proportions. This situation necessitates a further analytical review of the concept of *strannichestvo* which will allow seeing it in its multifaceted integrity.

Список литературы

Алексеева Л.В. Мотив странничества в раннем творчестве П. И. Мельникова-Печерского // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 14. С. 223-243.

Алехина С.Н. Социокультурные смыслы странничества // Вестник МГУКИ. 2010. № 1 (33). С. 32-37.

Бондаренко Е.Н. Странничество отца Матвея в романе Л.М. Леонова «Пирамида» // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2009. № 8 (38). С. 93-94.

Бурханов Р.А. Странничество на Руси: философско-антропологические и социокультурные смыслы // Вестник Нижневартского государственного гуманитарного университета. 2012. № 3. С. 3-10.

Голотвина О.В. Концепция национальной идентичности и ее художественное решение в эпических произведениях М.А. Шолохова и Ф.А. Абрамова (на

материале романа-эпопеи «Тихий Дон» и тетралогии «Братья и сестры»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2018. 20 с.

Дорофеев Д.Б. Феномен странничества в западноевропейской и русской культурах // Культурология. 2010. № 1 (52). С. 63-87.

Иванова Е.В. К истории формирования концепта «Странствие» (по материалам исторических словарей) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 81-83.

Ильин С.С. О концепте «странник» в истории русской культуры // Вестник РГГУ. 2012. № 11 (91). С. 37-45.

Ильин С.С. Традиции странничества и образ странника в поэзии Анатолия Крупного // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 17. С. 249-256.

Ильина А.Ю. Феномен паломничества в отечественной православной культуре // Научные труды аспирантов и соискателей Нижневартского государственного университета. 2014. С. 7-13.

Ильинская Н.И. Концепт духовного странничества в поэме Ю. Кузнецова «Сошествие в ад» // Актуальные проблемы славянской филологии. 2008. № 15. С. 104-113.

Карпенко С.М. Лексическая репрезентация концепта «путь» в творчестве Н. Гумилева // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. № 1. С. 28-30.

Кирсанова Л.И. Странничество в вещном мире (особенности поэтики И. Бродского) // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Социологические науки. 2012. №4. С. 40-47.

Коньрева И.В. Плач как феномен русской культуры: Автореф. дис. ... канд. культурологии. Комсомольск-на-Амуре, 2003. 24 с.

Коровин В.Ю. Феномен странничества в русской культуре // Университетская Площадь. 2009. №2. С. 136-142.

Красильникова М.Б. Смысловая оппозиция дорога / дом в контексте культурного перехода // Культура и текст: культурный смысл и коммуникативные стратегии. Сборник материалов научной конференции. Барнаулский государственный педагогический университет. 2008. С. 201-213.

Лассан Э. Дорога без конца как русская национальная идея // Русистика и компаративистика. 2008. № 3. С. 211-223.

Лау Н.В. Мотив «духовного странничества» в прозе русской эмиграции (И.С. Шмелев, Б.К. Зайцев): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 20 с.

Литовченко Н. Концепт «духовного странничества» в лирике Андрея Белого и Юргиса Балтрушайтиса: типологический аспект // Res Humanitariae XIX. 2016. № 19. С. 228-239.

Логачева Е.В. Символы странничества в ранней лирике С. Есенина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (72). С. 29-32.

Макарова Т.В., Крыжановская В.А. Концепт «Странничество» в текстах Натальи О'Шей // Исследовательские парадигмы в современной филологии: материалы V Всерос. науч. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. С. 115-120.

Маслова В.А. Странник в русской лингвокультуре: ценность, концепт, образ? // Вестник РУДН, серия Лингвистика. 2015, № 3. С. 23-31.

Мельникова Л.Г. Эскейпизм как социокультурная проблема // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 4 (41). С. 80-83.

Петрова Л.М. Духовное странничество в системе ценностных координат Лескова (рассказ «Павлин») // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 3 (66). С. 169-174.

Раскина Е.Ю. Странничество и паломничество как формы духовного совершенствования героя в произведениях Н.С. Гумилева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 1. С. 113-117.

Родян М. Мифологема странничества в творчестве М. Волошина // Людинознавчі студії. Серія: Філософія. 2015. № 32. С. 84-92.

Романов И.А. Лирический герой поэзии И. Бродского: преодоление маргинальности: Дис. канд. филолог. наук. Москва, 2004. 201 с.

Терентьева И.Н. Кочевник, бродяга и странник: культурные типы пространства сетевой коммуникации // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд. Сборник материалов III Между-

народной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции. 2017. С. 252-258.

Трофимова Е.А. Образ странника в русской культуре Серебряного века // Регионоведение, 2014. № 4 (89). С. 233-245.

Фаленкова Е.В. Феномен странничества в русской культуре (на материале творчества Л. Н. Толстого): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2013. 24 с.

Федорова Н.В. Странничество: репрезентация ненормального в русской культуре // Гуманитарные исследования. 2019. № 1 (22). С. 42-46.

Шанталина Ю.А. Речевая объективация концепта «пространство» в поэзии Н.С. Гумилева // Вестник Самарского государственного университета. 2006. № 10-2. С. 252-257.

Штуден Л.Л. Космизм в России: прошлое и настоящее // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 5 (24). С. 223-227.

References

Alekseeva, L.V. (2016), The motive of pilgrimage in P.I. Melnikov-Pechersky's early works, *The Problems of Historical Poetics*, 14, 223–243. (In Russian)

Alekhina, S.N. (2010), Sociocultural meanings of pilgrimage, *Vestnik MGUKI*, 1 (33), 32–37. (In Russian)

Bondarenko, E.N. (2009), Father Matthew in L.M. Leonov's novel 'Pyramid', *Journal of scientific publications of graduate and doctoral students*, 8 (38), 93–94. (In Russian)

Burkhanov, R.A. (2012), Pilgrimage in Rus: Philosophical, Anthropological and Sociocultural Aspects, *The Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 3, 3–10.

Dorofeev, D.B. (2010), The phenomenon of wandering ('strannichestvo') in Western European and Russian cultures, *Kul'turologiya*, 1 (52), 63–87.

Falenkova E.V. (2013). *The phenomenon of pilgrimage in Russian culture (based on the work of Leo Tolstoy)*, Abstract of Ph.D. dissertation, Tyumen, Russia. (In Russian)

Fedorova, N.V. (2019), Wandering: Representation of Abnormal in Russian Culture, *Humanitarian Studies*, 1 (22), 42–46.

Golotvina, O.V. (2018), The concept of national identity and its artistic solution in the epic works of M.A. Sholokhov and

F.A. Abramova (based on the material of the epic novel "Quiet Don" and the tetralogy "Brothers and Sisters"), Abstract of Ph.D. dissertation, Arkhangel'sk, 20 p. (*In Russian*)

Ilyin, S.S. (2012), About the 'wanderer' concept in the history of Russian culture, *RGGU Bulletin*, 11 (91), 37–45.

Ilyin, S.S. (2011), Traditions of pilgrimage and the image of a wanderer in the poetry of Anatoly Krupny, *Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: History. Philology. Culturology. Oriental studies*, 17, 249–256.

Ilyina, A.Yu. (2014), The phenomenon of pilgrimage in the Russian Orthodox culture, *Scientific works of graduate students and applicants of the Nizhnevartovsk State University*, 7-13.

Ilyinskaya, N.I. (2008), The concept of spiritual pilgrimage in the poem of Y. Kuznetsov 'Descent into Hell', *Actual Problems of Slavic Philology*, 15, 104–113.

Ivanova, E.V. (2014), To the History of 'Pilgrimage' Concept Formation (on the materials of the historical dictionaries, *Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 3 (45), 81–83.

Karpenko, S.M. (2004), The lexical representation of the concept 'way' in the work of N. Gumilyov, *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 1, 28–30.

Kirsanova, L.I. (2012), Wandering in the World of Things (Features of Joseph Brodsky's Poetics), *Scientific notes of the Transbaikalian State University. Series: Sociological sciences*, 4, 40–47.

Konyreva, I.V. (2003), Crying as a phenomenon of Russian culture, Abstract of Ph.D. dissertation, Komsomolsk-on-Amur, Russia. (*In Russian*).

Korovin, V.Yu. (2009), The phenomenon of pilgrimage in Russian culture, *Universitetskaya Ploshchad'*, 2, 136–142.

Krasilnikova, M.B. (2008), Semantic opposition road / home in the context of cultural transition, *Kul'tura i tekst: kul'turnyy smysl i kommunikativnyye strategii*, Proceedings of the Scientific and Practical Conference, Barnaul'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, 201–213.

Lassan, E. (2008), Endless road as a Russian national idea, *Russian studies and comparative studies*, 3, 211–223. (*In Russian*)

Lau, N.V. The motive of "spiritual pilgrimage" in the prose of Russian emigration (I. S. Shmelev, B. K. Zaitsev), Abstract of Ph.D. dissertation, Voronezh, Russia. (*In Russian*)

Litovchenko, N. (2016), The Concept of 'Spiritual Pilgrimage' in the Lyrics of Andrei Bely and Jurgis Baltrushaytis: Typological Aspect, *Res Humanitariae XIX*, 19, 228–239. (*In Russian*)

Logacheva, E.V. (2017), Pilgrimage Symbols in S. Yesenin's Early Lyrics, *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 6 (72), 29–32. (*In Russian*)

Makarova, T.V., Kryzhanovskaya, V.A. (2018), The 'Wandering' concept in the texts of Natalia O'Shey, *Research Paradigms in Modern Philology*, Materials of V All-Russian scientific conference. Krasnodar, 115–120. (*In Russian*)

Maslova, V.A. (2015), The Wanderer in Russian Language and Culture: Value, Concept, Image?, *RUDN University Bulletin, Linguistics series*, 3, 23–31. (*In Russian*)

Melnikova, L.G. (2008), Escapism as a sociocultural problem, *Humanities and socio-economic sciences*, 4 (41), 80–83. (*In Russian*)

Petrova, L.M. (2015), Spiritual Wandering in the System of Values of Leskov's Coordinates ('Peacock'), *Scientific Notes of Orel State University*, 3 (66), 169–174.

Raskina, E.Yu. (2009), Strannichestvo and pilgrimage as a form of spiritual perfection of the hero in the works of N.S. Gumilyov, *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 1, 113–117. (*In Russian*)

Rodyan, M. (2015), Mythologema of Wandering in M. Voloshin's Works, *Human studies studios. Series: Philosophy*. 32, 84–92. (*In Russian*)

Romanov, I.A. (2004), *Lyrical hero of poetry I. Brodsky: overcoming marginality*, Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow, Russia. (*In Russian*)

Terentyeva, I.N. (2017), Nomad, tramp and wanderer: cultural types of network communication space, *Digital nomadism as a global and Siberian trend*, Proceedings of the III International Transdisciplinary Scientific and Practical WEB Conference, 252–258. (*In Russian*)

Trofimova, E.A. (2014), Image of the Wanderer in the Russian Culture of the Silver

Age, *Russian Journal of Regional Studies*, 4 (89), 233–245. (In Russian)

Shantalina, Yu.A. (2006), Speech objectification of the concept of 'space' in the poetry of N. S. Gumilev, *Bulletin of Samara State University*, 10 (2), 252–257. (In Russian)

Shtuden, L.L. (2010), Cosmism in Russia: past and present, *World of Science, Culture, Education*, 5 (24), 223–227. (In Russian)

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Шунейко Александр Альфредович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и

межкультурной коммуникации, Комсомольский-на-Амуре государственный университет.

Чибисова Ольга Владимировна, кандидат культурологии, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Комсомольский-на-Амуре государственный университет.

Alexander Alfredovich Shuneyko, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State University.

Olga Vladimirovna Chibisova, PhD in Cultural Studies, Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State University.

РАЗДЕЛ II. СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ SECTION II. COMPARATIVE LINGUISTICS

УДК 811.111:81'42

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-5

Дондик Л. Ю.

Сопоставительное исследование прагматических особенностей функционирования параллелизмов в американском и британском дискурсе интернет-рекламы

Российский государственный
профессионально-педагогический университет,
Нижнетагильский государственный
социально-педагогический институт (филиал),
ул. Красногвардейская, 57, г. Нижний Тагил
E-mail: dondik2006@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0001-5955-5017

*Статья поступила 4 декабря 2020 г.; принята 17 декабря 2020 г.;
опубликована 30 декабря 2020 г.*

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному изучению прагматических особенностей функционирования параллелизмов, зафиксированных в дискурсе интернет-рекламы США и Великобритании. Актуальность исследования обуславливается значительным интересом современной лингвистики к стремительно развивающемуся языку рекламы и механизмам языкового воздействия в рекламе. Многие емкие, привлекающие внимание и запоминающиеся рекламные слоганы строятся на параллелизме, то есть представляют собой высказывания, отличающиеся однотипным построением частей. Параллелизм может рассматриваться как лингвокреативная техника, позволяющая создавать необычные, неоднозначные рекламные сообщения, способные вовлечь адресата в языковую игру, заставляющие его задуматься о вариантах интерпретации воспринимаемого материала. Под лингвокреативной техникой мы понимаем комбинацию приёмов языковой игры, которые используются с целью обеспечения прагматической эффективности сообщения. Параллелизм сочетается с различными типами повторов, градацией, парадоксом, метафорами, метонимиями, антитезой, парцелляцией. Параллелизм отвечает всем основным характеристикам рекламного слогана: реклама, построенная на параллелизме, отличается краткостью, ритмичностью, динамизмом и игровым характером. Параллелизмы в англоязычной рекламе приобретают прагматическое значение, оказывая воздействие на покупателей за счёт сочетания логических и суггестивных параметров. Языковая игра способствует созданию у адресата определенного эмоционального впечатления. Специально отобранные для наполнения частей параллельной конструкции лексико-грамматические средства называют достоинства рекламируемого товара, дают им положительную оценку,

приводят аргументы, убеждая покупателя в необходимости совершения покупки.

Ключевые слова: Рекламный дискурс; Параллелизм; Прагматическая функция; Языковая игра; Лингвокреативная техника

Информация для цитирования: Дондик Л. Ю. Сопоставительное исследование прагматических особенностей функционирования параллелизмов в американском и британском дискурсе интернет-рекламы // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, N4. С. 44-52. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-5

Lyudmila Yu. Dondik

A comparative study of pragmatic characteristics of parallelisms functioning in British and American Internet advertising discourse

Russian State Professional Pedagogical University,
Nizhniy Tagil State Social Pedagogical Institute (branch),
57 Krasnogvardeyskaya St., Nizhniy Tagil, 622000, Russia
E-mail: dondik2006@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0001-5955-5017

Received 4 December 2020; accepted 17 December 2020; published 30 December 2020

Abstract. The article is devoted to the comparative study of pragmatic characteristics of parallelisms functioning in British and American Internet advertising discourse. The pertinence of the study stems from the significant interest of modern linguistics in the rapidly developing language of advertising and the mechanisms of language influence in advertising. Many capacious, attention-grabbing and memorable advertising slogans are based on parallelism. Parallelism can be considered as a creative linguistic technique that allows to make up unusual, ambiguous advertising messages that can involve the recipient in a language game, forcing them to think about interpretation options. Linguistic and creative technique is understood as a combination of language game methods, which are used to ensure the pragmatic effects of communication. Parallelism is combined with various types of repetition, gradation, paradox, metaphors, metonymies, antithesis, and parcellation. Parallelism corresponds to all the main characteristics of an advertising slogan: adverts based on parallelism are short, rhythmic, and playful. Parallelisms in English-language advertising acquire a pragmatic meaning, influencing customers through a combination of logical and suggestive parameters. The language game helps to create a certain emotional impression for the recipient. Lexical and grammatical means specially selected for filling parts of a parallel construction are to name the advantages of the advertised product. They give a positive assessment, and arguments to convince the buyer to make a purchase.

Key words: Advertising discourse; Parallelism; Pragmatic function; Language game; Linguistic and creative technique

How to cite: Dondik, L. Yu. (2020). A comparative study of pragmatic characteristics of parallelisms functioning in British and American Internet advertising discourse. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.6 (4), 44-52, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-5

Введение

Дискурс рекламы как открытое множество высказываний, реализующихся в печатной прессе, на радио, телевидении, в форме интернет-рекламы с целью создания спроса на товар или услугу, нередко становится объектом психологических, социологических и лингвистических исследований. Современная реклама стала своего рода индустрией, в продуктах которой находят отражение многие изменения, фиксируемые в языке, науке, культуре, социуме.

Под дискурсом понимается «устойчивая, социально и культурно определенная практика человеческого общения» (Ким, 2017: 166).

Дискурс интернет-рекламы является сегодня одним из наиболее динамично развивающихся типов речевой практики в сфере рекламы, а интернет, в связи с бурным развитием коммуникационных технологий, стал общепризнанным «источником лингвистической информации» (Петрухина, 2019). В то же время особенности функционирования различных языковых средств в условиях прагматической заданности этого типа дискурса изучены недостаточно полно.

В основе рекламного дискурса лежат стратегии привлечения внимания потенциального клиента, оказания воздействия на него через передачу информации о достоинствах рекламируемого товара, а также выражение оценки качества и стоимости объекта рекламы с учетом специфики целевой аудитории и ее потребительского интереса. Таким образом, рекламный дискурс ориентирован на реализацию информационной, оценочной, аргументативной, регулятивной, концептуальной и моделирующей функций. Суть двух последних состоит в том, чтобы сконструировать определенный концептуальный образ рекламируемого товара и создать модель его практического применения (Eldin, 2020).

Доминирование побуждающей функции рекламного дискурса определяет особое сочетание в нем логических и суггестивных параметров: воздействие осуществляется на основе двух методов убеждения потенциального клиента – рационального и эмоционального воздействия. Первый метод лингвистического воздействия базируется на аргументации, выстраивании логической цепочки доводов в пользу рекламируемого товара. Вторая концепция нацелена на создание у покупателя эмоционального фона, способствующего принятию им решения о совершении покупки (Айад, 2011).

В поле зрения исследователей нередко попадает рекламный слоган, способный в сжатой, креативной форме выразить целую гамму эмоций и образов. Под слоганом понимается яркая фраза, отражающая основную идею рекламной кампании и реализующая имиджевую функцию, то есть представляет не только конкретный товар, но целый бренд. В достижении необходимого эффекта участвуют языковые средства всех уровней, формируя речевую структуру рекламного слогана. Языковые средства, влияющие на поведение покупателей, приобретают прагматическое значение (Adab, 2000).

Эффективность рекламной кампании в значительной степени зависит от лингвистически креативного оформления рекламного слогана, так как целью любой рекламы является привлечение внимания потенциального потребителя к объекту рекламирования. Языковая игра как набор различных лингвокреативных техник и метод языкового воздействия играет важную роль в обеспечении прагматической эффективности рекламного слогана (Иванова, 2012: 104-105).

Настоящая статья посвящена изучению прагматических особенностей функционирования параллелизмов как одной из высокочастотных лингвокреативных техник в пространстве

англоязычного дискурса интернет-рекламы.

Теоретический обзор

Пространство дискурса интернет-рекламы представляет собой источник материала для исследования творческого аспекта языка, а также возможностей и способов языкового манипулирования. Так, к методам лингвистического воздействия, то есть намеренного обращения к языковым средствам, имеющим прагматическое значение, следует отнести языковую игру, которая «выполняет несколько функций: привлекает внимание к слогану, создает условия для запоминания имени бренда, подчеркивает уникальность рекламного предложения, вызывает эмоциональную сопричастность» (Асташова, 2017: 207). Используемые в рекламе приемы языковой игры часто строятся на интертекстуальности, эффективность которой признают большинство рекламодателей (Zuhair, 2018).

В термин «языковая игра» различные авторы вкладывают неодинаковое значение, что объясняется неоднозначностью данного феномена. Т. И. Гридина трактует языковую игру как форму лингвокреативной деятельности и исследует техники, основанные на игровых механизмах переключения ассоциативных стереотипов и генерирования дополнительных смыслов (Гридина, 1996).

Е. Н. Ремчукова и О. А. Шевченко обращают внимание на то, что «текст, насыщенный лингвокреативными феноменами, рассчитан на читателя компетентного, – того, который сможет расшифровать языковой код, заданный автором. Таким образом, креативное использование языковых средств [...] уводит читателя от простого потребления информации и приглашает его к анализу не только содержания, но и позиции автора» (Ремчукова, 2016: 34).

Разработка эффективной рекламы – это творческий процесс поиска

нетривиальных по форме и содержанию слоганов, мультимедиа контента. Рекламный дискурс можно рассматривать как результат лингвокреативной деятельности, то есть «преобразовательной деятельности в области значения и в области формы с учетом возможных трансформаций в сфере образности, непосредственно связанной с возможностью развития новых смысловых характеристик и новых концептуальных свойств» (Вишнякова, 2019: 14).

Многие емкие, привлекающие внимание и хорошо запоминающиеся рекламные слоганы строятся на использовании не только лексических, словообразовательных приемов языковой игры, но и на экспрессивных синтаксических средствах, которым «в англоязычной рекламе уделяется особая роль» (Кораблева, 2019: 37).

Н. Г. Вартанова и М. С. Володина вводят понятие «синтаксических методов воздействия» (Вартанова, 2019: 238), к которым следует отнести параллелизмы. Под параллелизмами понимаются высказывания, отличающиеся однотипным построением его частей. Параллельные конструкции, или отрезки речи с одинаковой синтаксической организацией, известны со времён античной риторики как одна из важнейших стилистических фигур. В. И. Карасик выделяет три назначения параллелизмов. 1. Создание экспрессии, которая основывается на возможности акцентирования, так как однотипность всегда работает на усиление смысла. 2. Интонационно-ритмическая функция, то есть способность параллелизмов участвовать в организации ритмической, синтаксической и семантической структуры высказывания. 3. Логическая функция, заключающаяся в одновременном выражении композиционной целостности и смыслового и композиционного сопоставления частей высказывания, построенного на параллелизме (Карасик, 2004: 340).

Параллелизм может рассматриваться как лингвокреативная техника, позволяющая создать необычное,

неоднозначное рекламное сообщение, способное вовлечь адресата в языковую игру, обратить его внимание на варианты интерпретации воспринимаемого высказывания. Под лингвокреативной техникой мы понимаем комбинацию приёмов языковой игры, которые используются с целью обеспечения прагматической эффективности сообщения. Параллелизм сочетается с повторами, градацией, парадоксом, метафорами, метонимиями, выполняя интегрирующую функцию для всех компонентов высказывания.

Для параллелизмов, как и для других техник языковой игры, характерны многофункциональность, многообразность, определяемые «разноаспектностью психолингвистических факторов, влияющих на эффективность восприятия» (Абрамов, 2019: 13). Параллелизм может быть полным или частичным; (по языковому уровню) ритмико-интонационным, фонетическим, синтаксическим, морфологическим или графическим; (по структуре) анафорическим или эпифорическим; (по порядку расположения параллельных структур) прямым, хиастическим или лестничным; (по количеству членов) одночленным, двучленным или сложным. Части параллелизма всегда связаны между собой. И хотя эта связь, как правило, не выражена вербально, и может интерпретироваться по-разному (отношения тождества, причины, следствия и т. д.), она обязательно присутствует и придает экспрессивность высказыванию.

Научные результаты и дискуссия

Для проведения анализа был составлен корпус выборки построенных на параллелизме слоганов, включающий 100 единиц из интернет-рекламы американских брендов и 100 слоганов британских марок. Количественный анализ позволил выявить следующие черты сходства в функционировании параллелизмов в интернет-рекламе американских и британских СМИ.

1. Чаще всего прагматические возможности параллелизма реализуются в рекламе американских марок одежды и обуви (42). Далее в интернет-рекламе США следуют бренды еды и напитков (16), косметики (14), еда для животных (11). Меньше всего параллельных конструкций используют американские банки (7) и фирмы техники (10). Из выборки британских слоганов 58 примеров также имеют прямое отношение к сфере рекламы одежды и обуви. Вторую позицию занимают британские марки парфюмерии (19), за которыми следуют косметические товары (11).

2. Наиболее частотным видом параллелизма как британских, так и американских рекламных слоганов, является использование анафоры (64 и 59 примеров соответственно). Затем следует использование эпифоры (32 единицы в корпусе выборки британской рекламы и 38 единиц – в американской рекламе) и хиазмов (4 единицы на интернет-сайтах британских марок и 3 единиц – в американской рекламе).

Бренды одежды и обуви нацелены на все классы людей, а параллельные конструкции отличаются своей простотой и эффективностью. В слогане британского бренда одежды *Topshop Shop now. Wear now. Top now*, построенном на эпифоре выражается настойчивый призыв не откладывать покупку, сделать ее прямо сейчас. Языковая игра заключается также в употреблении в первой и третьей частях элементов названия бренда, который состоит из двух слов «top» и «shop».

Для рекламных слоганов, построенных на параллелизме, характерна коммуникативная ориентация на суггестивность. Она заключается в придании товару особой психологической значимости и формировании особого фона восприятия этого товара. Части рекламного слогана (за счет особого отбора лексико-грамматических средств) зачастую называют различные достоинства товара, а интонационно-

ритмические особенности параллельной конструкции способствует возникновению положительного эмоционального фона у любителей шопинга. Например, рекламный слоган *Built to last. Built to love. Built just for you* американского бренда Levi's приобретает суггестивный характер за счёт использования трехчастного параллелизма, анафорического повтора и градации, характерных для гипноза и психологических тренингов. Благодаря особой ритмической организации высказывания каждый последующий аргумент получает большую воздействующую силу, чем предыдущий. Покупателю внушается мысль о том, что продукт создан специально для него, для его благополучия и счастья.

Рекламный слоган *A NEW COLLECTION, A NEW AESTHETIC, A NEW ERA* был использован в британской рекламе дебютной коллекции мужской и женской одежды весна/лето 2020. Коммуникант подчеркивает новизну коллекции, используя анафорический повтор в сочетании с градацией. Размышляя над возможной интерпретацией, реципиент невольно оказывается втянутым в языковую игру, следовательно, он запомнит этот слоган.

В рекламе iPhone 11 Pro знаменитого американского бренда слоган построен на градации в сочетании с анафорическими повторами: *Pro camera. Pro display. Pro performance...* Каждый компонент начинается с элемента, который не только отсылает к названию модели, но и одновременно дает высокую оценку качества гаджета и его комплектующих. Потенциальному покупателю внушается то, что перед ним – техника, обладающая максимальным набором функций, которые удовлетворят даже профессионала.

Помимо градации, в рекламе, построенной на параллелизме, нередко используются антитеза, парадокс. В девизе *DIET PEPSI – WITH ZERO SUGAR, WITH ZERO CALORIES, WITH ZERO CARBS* американского бренда PepsiCo названы

достоинства рекламируемого напитка. При этом достоинства состоят в отсутствии недостатков (парадокс): авторы слогана хотели подчеркнуть то, что в их продукте нет вредных веществ: сахара, калорий, углеводов. Однотипное начало каждого из трех частей параллелизма «*with zero...*» организует и структурирует рекламный слоган таким образом, что значимость каждого последующего компонент усиливается (градация).

Британский рекламный слоган «*SPEND MORE. Save more. Even on sale*» построен на эпифоре, парцелляции и приёме парадокса. Эта реклама была использована для объявления начала распродажи на официальном сайте одежды ASOS. В первых двух параллельных (однотипных) побудительных предложениях использована эпифора с «more» в конце каждой фразы. Употребление антонимов в начале параллельных отрезков ломает стереотип о том, что экономить можно только, если не тратить.

Употребление лингвокреативных техник, в том числе параллелизма, способствует созданию имплицитности. Поскольку неявное, косвенное воздействие способно давать более выраженный прагматический эффект, нежели прямое воздействие, многие британские и американские слоганы содержат имплицитный смысл, интерпретация которого связана с использованием фоновых знаний. Параллельные конструкции позволяют сделать слоган очень кратким, но емким по смыслу, потому что многое можно додумать между строк, что и является имплицитной составляющей. Так, в построенной на параллелизме рекламе американской сети отелей Marriot *STAY HEALTHY, STAY SAFE, STAY POSITIVE* выражается забота о здоровье клиентов в связи с пандемией коронавируса. В рекламном слогане Apple *Thin. Light. Epic* имплицитным содержанием могут быть фоновые знания том, что предшественники рекламируемой

модели iPhone SE отличались своей толщиной и тяжелым весом, чем вызывали недовольство их владельцев.

Проведённый сопоставительный анализ также позволил выявить различия в функционировании параллелизмов.

В интернет-рекламе Великобритании шире используются слоганы, построенные на параллелизме в сочетании с графическими приемами языковой игры. Это может быть игра с начертанием, размером шрифта, игра с цветом. Девиз британской фирмы Mullard, которая занимается производством электровакуумных и полупроводниковых приборов, *THE Master Value, THE Master Tube* положительно воздействует на реципиента за счет сочетания графической языковой игры и повтора существительного *Master* с положительной коннотацией. Выделение определенного артикля заглавными буквами ставит акцент на уникальности объекта рекламы. Использование анафоры «THE Master...» отсылает к фоновым знаниям о том, что фирма является одной из ведущих на британском рынке.

Несмотря на то, что большинство британских и американских параллелизмов, используемых в современной интернет-рекламе, являются трехсложными, в американских СМИ несколько чаще встречаются двусложные и многосложные параллелизмы. В то же время, несмотря на то, что родиной маркетинга и пиар индустрии считаются США, британские слоганы, построенные на параллелизме, представляются более вариативными с точки зрения комбинаций различных приемов языковой игры и использования разнообразных видов параллелизма, подчеркивающих структурную и смысловую связь двух или более однотипных элементов слогана. Американская реклама более напористая и прямолинейная; в ней коммуникант напрямую обращается к покупателю, призывая совершить покупку как можно быстрее. Так, рекламный слоган *Nature is everything, and everything is nothing without*

nature европейского бренда косметики Lavega является примером хиазма. Данный вид параллелизма является одним из самых сложных, но привлекает больше внимания за счет своего крестообразного изменения последовательности элементов. Известно, что данная фирма изготавливает исключительно органическую натуральную косметику, что и подчеркивается в рекламе.

Заключение

Таким образом, параллелизм отвечает всем основным характеристикам рекламного слогана. Реклама, построенная на параллелизме, отличается краткостью, ритмичностью и игровым характером. С одной стороны, формально употребление параллелизма предполагает одинаковую семантическую, логическую и экспрессивную значимость компонентов, однако их соотношение может по-разному интерпретироваться адресатом. С другой стороны, параллельные конструкции придают речи определенный ритм, а значит, вкупе с лексическими средствами и другими приемами языковой игры способствуют повышению эмоциональности и экспрессивности рекламы. Кроме того, параллельная конструкция является базой для реализации сразу двух стратегий рекламного дискурса (рационального и эмоционального воздействия). Лексическое наполнение параллелизма работает как на конструирование логического ряда с целью убеждения покупателя, так и способствует формированию положительного эмоционального фона за счет употребления оценочных средств, стилистических приемов, а также благодаря ритму и динамизму самой конструкции.

В интернет-рекламе США и Великобритании наиболее активно используются такие виды параллелизмов, как анафора и эпифора. Низкочастотным видом параллелизма оказался хиазм. Британские рекламные слоганы больше направлены на визуальный уровень восприятия, чем американские слоганы. В

двух корпусах выборки согласно результатам количественного анализа наиболее частотны слоганы, построенные на параллелизме, в рекламе одежды и обуви. Лингвокреативная техника используется в этой сфере настолько часто, что уже стала привычной и традиционной для данного вида рекламы.

Параллелизм подчеркивает структурную связь двух или более однотипных элементов стиля в тексте. Они располагаются в двух или трех смежных отрезках высказывания, благодаря чему имплицитно их общность. Это позволяет коммуниканту создать креативное рекламное сообщение, обращающее на себя внимание адресата, запоминающееся и заставляющее задуматься о вариантах интерпретации.

Список литературы

Абрамов В. Е. Лингвистика рекламной языковой игры // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2019. № 4 (426). № 116. С. 7-13.

Айад Ш. А. Лексико-грамматические средства представления товара в газетной рекламе: Дис. ... канд. филолог. наук. Воронеж, 2011. 179 с.

Асташова О. В. Российская слоганистика. Приемы внедрения слоганов в языковую культуру // Исследования популярной культуры / Popular culture studies. 2017. Т. 27. №2. С. 201-207.

Вартанова Е. Г., Володина М. С. Особенности синтаксиса рекламных текстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 7. С. 238-242.

Вишнякова Е. А. Аббревиация как лингвокреативная деятельность // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2019. Т. 5, №2. С. 11-22.

Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи. Явление языковой игры: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 1996. 566 с.

Иванова Е. Н. Язык. Система. Личность: лингвистика креатива – 2012 // Филологический класс. 2012. №29. С. 104-105.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва: Гнозис, 2004. 390 с.

Ким И. Е., Силантьев И. В. Сфера общения и дискурс: терминологическая избыточность или сущностное различие? // Сибирский филологический журнал. 2017. №4. С. 163-174.

Кораблева Е. А., Алешина О. И. Экспрессивные синтаксические средства в англоязычных рекламных текстах для аудитории разных возрастных групп // Professional Discourse & Communication. Т. 1 № 2. 2019. С. 37-49.

Петрухина Е. В., Дедова О. В. Интернет как источник лингвистической информации (для изучения динамики русского словообразования) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 57. С. 137-159.

Ремчукова Е. Н., Шевченко О. А. Лингвокреативные составляющие печатных СМИ Испании в аспекте отношений «адресант-адресат» // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. 2016. Т. 20. №1. С. 33-42.

Adab B. The translation of advertising: A Set of Guidelines. Amsterdam: Investigating Translation, 2000. 237 p.

Eldin Tawwab Sharaf A.A. A linguistic study of manipulative advertising strategies of the mobile network operators in Egypt and the United States // Dialectologia (24). Barcelona University. 2020. Pp. 221-251.

Zuhair A. Language use in advertising: Creativity and its dimensions // Language in India. Feb 2018. Vol. 18. Issue 2. Pp. 457-472.

References

Abramov, V. E. (2019), Word-play linguistics in advertising, *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology Sciences*, 4 (426), 7-13. (In Russian)

Ayad, Sh. Ahmed (2011), "Lexical and grammatical means of presenting the product in newspaper advertising", Ph.D. Thesis, Voronezh State University, Voronezh, Russia. (In Russian)

Astashova, O. V. (2017) Russian sloganistics. Techniques for introducing slogans into linguistic culture, *Popular culture studies*, 2(27), 201-207. (In Russian)

Vartanova E. G. And Volodina M. S. (2019) Syntax features of advertising texts,

Philology sciences. Theory and practice questions, 7(12), 238-242. (In Russian)

Vishnyakova, E. A. (2019), Abbreviation as a linguistic creative activity. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 5 (2), 11-22. (In Russian)

Gridina, T. A. (1996), "Associative potential of a word and its implementation in speech: language game", D. Sc. Thesis, Moscow State Regional University, Moscow, Russia. (In Russian)

Ivanova, Ye. N. (2012), Language. System. Personality: Linguistics of creativity–2012, *Philological class*, 29, 104-105. (In Russian)

Karasik, V. I. (2004), *Yazikovoy krug: lichn ost, kontsepti, diskours* [Language circle: personality, concepts, discourse], Gnosis, Moscow, Russia. (In Russian)

Kim, I. E. and Silantiev, I. V. (2017), Sphere of communication and discourse: terminological redundancy or the essential difference? *Siberian philology journal*, 4, 163-174. (In Russian)

Korableva, E. A. and Alioshina, O. I. (2019), Expressive syntactic tools in English advertising texts for audiences of different age groups, *Professional Discourse & Communication*, 2 (1), 37-49. (In Russian)

Petrukhina, E. V. and Dedova, O. V. (2019), Internet as a Source of Linguistic Information (for Studying the Dynamics of Russian Word Formation), *Tomsk State University Journal of Philology*, 57, 137–159. (In Russian)

Remchukova, E. N., Shevchenko, O. A. (2016), Linguocreative components of the Spanish print media in the communicative aspect of "addresser-addressee", *Russian Journal of Linguistics*, 1 (20), 33-42. (In Russian)

Adab, B. (2000), *The translation of advertising: A Set of Guidelines*, Investigating Translation, Amsterdam, Netherlands.

Eldin Tawwab Sharaf A.A. (2020), A linguistic study of manipulative advertising strategies of the mobile network operators in Egypt and the United States, *Dialectologia*, 24, Barcelona University, Spain.

Zuhair, A. (2018), Language use in advertising: Creativity and its dimensions, *Language in India*, 18 (2), 457-472.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Дондик Людмила Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков, теории и методики обучения Российского государственного профессионально-педагогического университета

Dondik Lyudmila Yurievna, Head of the Department of Foreign Languages, Methods and Theory of Teaching, Cand. Sci (Philology), Associate Professor

УДК 81'253(045)

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-6

Поликарпов А.М.¹
Французова А.Д.²

Об устном судебном переводе в Швеции

¹⁾ Северный Арктический Федеральный Университет
ул. Смольный Буян, 7, г. Архангельск, 163002, Россия
E-mail: polikarpov.ling@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0003-0726-2524

²⁾ Северный Арктический Федеральный Университет
ул. Смольный Буян, 7, г. Архангельск, 163002, Россия
E-mail: info@alinafrants.se
ORCID iD: 0000-0001-7077-2362

Статья поступила 7 декабря 2020 г.; принята 18 декабря 2020 г.;
опубликована 30 декабря 2020 г.

Аннотация. Статья посвящена устному судебному переводу в Швеции. Центральное место занимает анализ одного из основополагающих факторов, определяющих специфический с точки зрения транслятологии характер этой деятельности, а именно – устности общения участников судебного процесса. Авторы раскрывают судебный перевод как особый вид переводческой практики, ориентированный на сохранение инварианта текста оригинала и ограниченный рамками объективных условий осуществления, а также целью выполняемого перевода. В работе представлен краткий обзор развития устного судебного перевода в странах Европы, раскрываются основные предпосылки его возникновения. Рассматривается нормативное регулирование профессии и функционирование института судебных переводчиков в Швеции. Дается краткая справка о научных трудах, освещающих относительно новую область исследований. В статье изложено выработанное на основе специальных транслятологических, психолингвистических и лингвосемиотических исследований авторское видение и комплексная характеристика судебного перевода как особого вида переводческой практики. Научные разработки, выводы и рекомендации, изложенные в настоящей статье, могут послужить благотворной почвой для дальнейшего становления судебного перевода как самостоятельного вида профессиональной деятельности в России. Определение и предупреждение сложностей с учетом выявленных в исследовании факторов, возникающих в процессе перевода устно-порождаемой речи, может способствовать повышению качества подготовки судебных переводчиков, что, в свою очередь, позитивно отразится на оценке значимости профессии переводчика.

Ключевые слова: Социальный перевод; Устный судебный перевод; Лингвосемиотика; Устно-порождаемая речь; Перевод в Швеции

Информация для цитирования: Поликарпов А.М., Французова А.Д. Об устном судебном переводе в Швеции // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, N4. С. 53-69. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-6

Aleksander M. Polikarpov¹
Alina D. Frantsuzova²

On court interpreting in Sweden

¹⁾ Northern Arctic Federal University
7 Smolny Buyan St., Arkhangelsk, 163002, Russian Federation
E-mail: polikarpov.ling@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0003-0726-2524

²⁾ Northern Arctic Federal University
7 Smolny Buyan St., Arkhangelsk, 163002, Russian Federation
E-mail: info@alinafrants.se
ORCID iD: 0000-0001-7077-2362

Received 7 December 2020; accepted 18 December 2020; published 30 December 2020

Abstract. The article examines court interpreting in Sweden and analyses one of the main factors that determines court interpreting, namely, the oral mode of communication between the participants in the judicial process. The authors approach court interpreting as a special kind of translation practice seen from the point of view of the translation studies, which is focused on preserving the invariant of the original text, but is also limited to the framework of the objective conditions of working with oral speech, as well as the purpose of the translation being performed. The paper presents an outline of the development of legal interpreting in the European countries; it briefly reveals the main prerequisites for its emergence. In particular, the judicial regulation of the court interpreter's profession and certification of court interpreters in Sweden are reviewed. A brief reference is given on the scientific papers covering this relatively new field of research. The article outlines the author's vision, developed on the basis of special translational, psycholinguistic and linguistic-semiotic studies, and presents a complex characterization of the features of the orally-generated speech that contribute to seeing court interpreting as a special type of translation practice. Scientific findings, conclusions and recommendations set forth in this article can serve as a fertile ground for the further development of court interpreting as an independent type of professional activity in Russia. According to the author, identification and prevention of difficulties, taking into account the factors identified in the study, arising in the process of translation of interpreted speech, can improve the quality of training of court interpreters, which, in turn, will have a positive impact on the assessment of the importance of the profession of interpreter.

Key words: Court interpreter; Community interpreting; Public service interpreting; Court interpreting; Semiotics of speech; Orally-generated speech; Interpreting in Sweden

How to cite: Polikarpov, A. M. and Frantsuzova, A. D. (2020). On court interpreting in Sweden. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.6 (4), 53-69, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-6

Введение

В странах Европы, где в последние пятьдесят лет наблюдается высокий

уровень миграции населения, вопросы перевода и обеспечения эффективной коммуникации играют все большую роль в

жизни общества (Tolkknunskap, 2009: 11; Reflection Forum on Multilingualism, 2009: 7). В Швеции использование услуг устного переводчика в контактах с властными органами в течение десятилетий является узаконенным правом (Förvaltningsprocesslag 1971/291: §50; Rättegångsbalk 1942/740: kap.5 §6 st. 2), а обеспечение должного качества перевода достигается посредством созданного и регулируемого на государственном уровне института квалифицированных, так называемых аттестованных переводчиков с возможностью их дальнейшей специализации в области судебного перевода (Förordning om auktorisation, 1985/613; KAMFS 2016/4; LIT Search, 2016: 47; Ozolins, 2010: 195).

В центре внимания исследований отечественных ученых, в первую очередь, находится нормативно-правовая база обеспечения деятельности переводчика или ее организация, а также деятельностные аспекты и принципы выполнения письменного перевода судебных документов, в то время как вопросы устного перевода в контексте устно-порождаемого судебного дискурса не получили широкого освещения.

Актуальность данной работы состоит в том, что в ней комплексно рассматривается ряд аспектов, отличающих устный перевод в ходе судебного заседания от других видов перевода. Изучение многолетней практики проведения судебных заседаний с участием устного переводчика в Швеции, сформированных на государственном уровне квалификационных требований и научной литературы, посвященной особенностям устного перевода в Швеции, обусловлено целью внести вклад в решение назревшей необходимости развития института судебных переводчиков в России.

Материалом исследования послужили аутентичные аудиозаписи судебных заседаний с участием русско-шведского устного переводчика в судах

первой инстанции в Швеции, а также лексикографические данные обоих языков, выявленные на основе проработки шведско-русских словарей.

В основу исследования положены метод моделирования процесса перевода, метод контекстуального анализа, метод сопоставительно-переводческого анализа, метод компонентного анализа материала. Использовались также общенаучные методы обобщения и индукции.

Исследовательская часть

1. Обзор развития судебного перевода в Швеции

Возросшая потребность в обслуживании населения, не владеющего языком страны пребывания, явилась предпосылкой к возникновению совершенно новой отрасли устного перевода (Wadensjö, 1998: 49), которая в англоязычных публикациях называется *public service interpreting* или *community interpreting* (Shackman, 1984; Valero Garcés, Martin, 2008; Kainz, Prunc, Schögler, 2011). В Швеции такой перевод стал настолько привычен и распространен, что именно его имеют в виду при употреблении гиперонима *tolkning* (досл. устный перевод), а уточнение делается лишь в ситуациях сравнения с другими видами перевода: *samhällstolkning* (досл. общественный перевод) (Здесь и далее выделено нами – А.П. и А.Ф.), *kontakttolkning* (досл. контактный перевод) или *dialogtolkning* (досл. диалоговый перевод) с *konferenstolkning* (досл. конференц-перевод), а также *språktolkning* (досл. языковой перевод, т.е. перевод с одного вербального языка на другой) с *teckentolkning* (сурдоперевод). В отношении данной разновидности специального перевода в России среди возможных обозначений можно обнаружить «перевод в социальной сфере» (Раренко, 2011: 119), «социальный перевод» (Бабанина, 2014; Сухарева, 2014), а в Интернет-пространстве его называют также «общественным переводом», «гражданским переводом»,

«переводом в сфере социальной работы». Опираясь на определения И.С. Алексеевой (Алексеева, 2006: 20–21) и Л.Ю. Василенко (Василенко, 2013: 315), наиболее эквивалентным обозначением данной переводческой практики на русском языке мы считаем терминологическое словосочетание «перевод в системе государственных и муниципальных служб и учреждений», поскольку заказчиками перевода выступают не только органы муниципального самоуправления или социальные службы, но и другие ведомства или службы на государственном уровне. В виду того, что данная разновидность перевода «в основном связана с обеспечением языковых нужд носителей государственного или основного языка принимающей страны при их взаимодействии с общественными институтами, включая административные, образовательные, медицинские учреждения, правоохранительные и судебные органы» (Василенко, 2013: 315), условно его можно разделить на три подвида: перевод в сфере социального обеспечения, перевод в сфере медицинского обслуживания, а также представляющий наибольший интерес для данного исследования перевод в правоохранительной и судебной системах.

Не выделявшийся в отдельный вид профессиональной деятельности в течение длительного времени перевод «на службе общественных интересов» в Швеции зачастую осуществлялся непрофессионалами в лице детей или родственников потребителей перевода, во многих случаях с помощью привлечения других случайных людей «со стороны» или силами сотрудников госучреждений, в какой-либо степени владеющих двумя языками (Wadensjö, 1998: 49). Ранее считалось, что выполнение перевода в системе государственных служб и учреждений не требует специальной подготовки и навыков (Ozolins, 2010: 195; Roberts, 2002: 157–175; Wadensjö, 1998:

49), и только в конце двадцатого века он получил относительное признание в качестве профессии, требующей квалификации (Del-Pozo-Triviño, 2020; Giambruno, 2014; LIT Search, 2016: 47; Mayor, Trivino 2015; Ozolins, 2010: 195), стал объектом повышенного интереса и предметом лингвистических и транслатологических исследований (Wadensjö, 1998; Hale, 2004; Valero Garcés, Martin, 2008; Driesen, Drummond, 2011).

Говоря о значимости качества устного перевода в ходе судебного процесса, как в Швеции, так и других странах Евросоюза, обратимся к материалам главного органа исполнительной власти Европейского союза, ответственного за подготовку законопроектов и контроль соблюдения договоров ЕС и других правовых актов – Европейской комиссии. В опубликованном комиссией заключительном отчете о работе Форума по обсуждению проблем многоязычия и повышения профессиональной подготовки кадров отмечается, что «в государствах-членах ЕС существует основополагающая обязанность защищать права граждан и, следовательно, гарантировать справедливое судебное разбирательство **вне зависимости от языка судопроизводства**» (Reflection Forum on Multilingualism, 2009:7) (*Здесь и далее перевод наш – А.П. и А.Ф.*). В Швеции следование данному принципу правовой защищенности граждан соблюдается посредством узаконенного права индивида на использование услуг переводчика в контактах с властными органами (Förvaltningsprocesslag 1971/291: §50; Rättegångsbalk 1942/740: kap.5 §6 st.2). В целях обеспечения должного качества перевода в 1976 году была введена государственная аттестация устных и письменных переводчиков. Созданный и регулируемый на государственном уровне институт квалифицированных, так называемых аттестованных, переводчиков с возможностью их дальнейшей

специализации в области судебного перевода, перенял на себя задачу отбора, а также последующего надзора за компетентными кадрами в области устного и письменного перевода (Förordning om auktorisation 1985/613; KAMFS 2016/4; LIT Search, 2016: 47; Ozolins, 2010: 195). Ответственным ведомством, уполномоченным проводить аттестацию и контроль переводчиков, является Камер-коллегия Швеции (*Kammarkollegiet*). В сотрудничестве с лингвистами, социологами, юристами и врачами Камер-коллегия также занимается разработкой экзаменационного материала для проверки предметных знаний, специальной терминологии, техники перевода, а также уровня владения языками перевода и знаний переводческой этики соискателей статуса аттестованного переводчика.

Процессуальное право Швеции устанавливает первоочередность привлечения аттестованных переводчиков к исполнению перевода в ходе гражданского и уголовного судопроизводства (*Rättegångsbalk* 1942/740: kap.5 §6 st. 2). В последней редакции «Руководства по работе через переводчика в зале суда», опубликованной Государственным судебным управлением Швеции (*Domstolsverket*), для выполнения перевода в ходе заседания особо рекомендуется делать выбор в пользу переводчика со специальной судебной компетенцией (*Riktlinjer om tolkanvändning i domstol*, 2017: 12).

2. Ключевые особенности устного судебного перевода

Роль судебного переводчика чрезвычайно высока, а качество выполняемого устного перевода напрямую зависит от предпосылок, характерных для данного вида переводческой практики. Как справедливо отмечает Л.С. Бархударов, процесс межъязыковой трансформации текста с одного языка на другой осуществляется не произвольно, а по определенным правилам: текст перевода

находится «в определенных закономерных отношениях с исходным текстом». Очевидно, что «при замене текста на исходном языке текстом на языке перевода должен сохраняться какой-то определенный инвариант», а «мера сохранения этого инварианта и определяет собой меру эквивалентности текста перевода тексту подлинника» (Бархударов, 1975: 6–9). Разумеется, что при разных видах перевода цели и средства сохранения инвариантности текста тоже различны. Так что же может и должно «оставаться инвариантным» (Бархударов, 1975: 6) в процессе устной межъязыковой трансформации юридического дискурса в зале суда? Чтобы ответить на этот вопрос, предлагаем определить ключевые особенности, составляющие в своей совокупности специфику судебного перевода. К таковым будем относить:

а) вид перевода – преимущественно устно-устный;

б) направление перевода – двусторонний перевод;

в) тип дискурса – судебный;

г) форму перевода – чередование синхронного перевода, устного последовательного перевода и перевода с листа;

д) психолингвистические аспекты – нагрузка на память, период концентрации, быстрое принятие решений, самокоррекция в процессе перевода и др.;

е) специфику техники работы в суде и роли переводчика;

ж) владение переводчиком юридически значимыми специально-предметными знаниями и специальной юридической терминологией.

Принимая во внимание тесную взаимосвязь и системные отношения между всеми компонентами исследуемой переводческой практики, в данной статье хотелось бы особо отметить основополагающий аспект, задающий рамки работы судебного переводчика в Швеции, а именно – вид перевода.

3. Составляющие специфики устного судебного перевода

3.1. Канал восприятия

В ходе судебного заседания в Швеции преобладающим видом деятельности переводчика является *устно-устный перевод* (иногда в комбинации с письменно-устным переводом, так называемым переводом с листа). Это, в свою очередь, накладывает свои ограничения на то, в какой мере текст перевода может быть эквивалентен и адекватен тексту оригинала.

Ограничения возникают из-за *акустического канала восприятия сообщения* (за исключением перевода с листа), «в связи с чем извлечение информации в процессе перевода осуществляется иначе, чем при зрительном восприятии текста» (Комиссаров, 1990: 103). Отталкиваясь от идеи о знаковой природе языка, обратимся далее к некоторым важным, на наш взгляд, положениям лингвосомиотики. Будем выделять четыре основополагающих параметра семиотики языка: семантику, синтактику, прагматику и денотатику (Поликарпов, Синтаксическая полифункциональность, 2013: 7–8). В отношении устной коммуникации значимым, на наш взгляд, является выделяемое Н.С. Сыроваткиным измерение, воздействующее на все остальные измерения лингвосомиотики, – перцептика (Сыроваткин, 1978: 57–62). По мнению Н.С. Сыроваткина, а также некоторых других лингвистов (Сыроваткин, 1978: 57; Вартазарян, 1973: 65; Кубрякова, 2004: 248; Поликарпов, Синтаксическая полифункциональность, 2013: 13), признак *перцептивности*, т.е. способности знака быть доступным для восприятия адресата, является абсолютно необходимым свойством знака. Выделение присущей знаку акустической стороны представлено в работах А.М. Поликарпова (Поликарпов, 2012: 81–94; Поликарпов, Семиотика устно-порождаемой речи и перевод, 2013: 281–285) и других

лингвистов, отграничивающих языковые знаки от речевых и отмечающих при этом «единство речевого содержания и материального (графического и акустического) носителя» в речевом знаке (Томилова, 2017: 50–51).

Необходимо признать, что учет перцептивного кода сообщения особо актуален в отношении устного перевода, так как вербально получаемая информация доступна переводчику исключительно посредством ее восприятия «на слух» (кроме немногих случаев, когда переводчик может опираться на письменный текст, например, при свободном доступе к обвинительному заключению, содержащему личные данные участников судебного процесса, формулировку обвинения, краткую справку о доказательствах и др.). Вслед за Б.М. Гаспаровым отметим, что к ведущим параметрам, определяющим текст в устной форме с учетом *неподготовленности речевого акта*, можно отнести его *непринужденность* (Гаспаров, 1978: 67–69), то есть его спонтанный характер ввиду отсутствия времени на детальное продумывание и редактирование плана выражения. Перевод устной речи не «связан с материально зафиксированным каноническим текстом оригинала, любую фразу которого в любой момент можно прочитать» (Виноградов, 2001: 33), и обусловлен «*однократностью восприятия переводчиком отрезков оригинала*» (Комиссаров, 1990: 100).

С помощью ряда примеров С.Н. Сыроваткин иллюстрирует в своей работе «Теория перевода в аспекте функциональной лингвосомиотики», как ориентация на звуковую форму может привести к искажению перевода, например, вследствие явлений паронимии и гетеронимии (Сыроваткин, 1978: 58–60). Объяснение этому ученый находит в «генерализации возбуждения в пределах совокупности следов лексем, сходных по звучанию, совокупности следов, образующих смежные понятия,

категорийных (синтаксико-семантических и лексико-семантических) полей, стереотипизированных связей, обеспечивающих порождение последовательностей единиц, и иных» (Сыроваткин, 1978: 58), особо отмечая, с одной стороны «осознанный» характер этих ассоциаций, а с другой – их присутствие «в виде фона» (Сыроваткин, 1978: 58).

Взаимосвязь аспектов лингвосемиотики с результатом перевода прослеживается в трудах некоторых зарубежных исследователей. Можно согласиться с некоторыми учеными в том, что «процесс понимания сообщения находится под влиянием множества факторов, а именно – знаний языка, предмета разговора, контекста, институциональной культуры данной общественной сферы, а также собственной культуры страны переводчика, соответствия стиля речи переводчика стилю презентации» (Hale, 2004: 3–4). Кроме того, фаза восприятия текста, конечно, также «может подвергаться влиянию со стороны самого переводчика, который имеет собственный уникальный опыт и свою картину мира» (Hale, 2004: 3–4), ведь он «является субъектом (*семического акта* – А.П. и А.Ф.), который самостоятельно ищет смысл (в высказываниях других людей) через призму собственного субъективного понимания (*этих высказываний* – А.П. и А.Ф.)» (Wadensjö, 1998: 7).

Причиной ошибок в устном переводе может послужить взаимодействие перцептики с другими **объективными, экстралингвистическими условиями перевода**, такими как плохое качество слышимости (эхо в зале суда, тихое или невнятное говорение), социальные или диалектальные особенности говорения, дефекты речи, а также чрезмерно быстрый темп речи говорящего или одновременное говорение партнеров по коммуникации. Следовательно, работа с устно-порождаемой речью предполагает наличие хороших навыков аудирования для того,

чтобы переводчик мог обеспечить взаимопонимание между Источником и Реципиентом, несмотря на сложности, вызываемые «неправильностью» речи, особенностями произношения или манерой речи, и предполагает владение техникой перевода в условиях постепенного развертывания коммуникативного акта (например, техника прерывания и переспроса при говорении нескольких источников одновременно). «Полнота понимания, – как отмечает В.Н. Комиссаров, – зависит от ритма, паузации (количества и продолжительности пауз), и темпа речи» (Комиссаров, 1990: 103), информация извлекается «в виде отдельных порций по мере развертывания цепочки языковых единиц в речи оратора» (Комиссаров, 1990: 101).

Отметим, что наличие у переводчика возможности видеть Источник информации в процессе порождения устной речи может оказать благоприятное влияние на результат перевода. Известно, что «чтение по губам» облегчает восприятие речи, особенно это проявляется при неблагоприятных условиях говорения, например, в шумной обстановке. Взаимосвязь между слуховым и зрительным распознаванием речи настолько прочная, что при конфликте сигналов, поступающих по этим каналам восприятия, наше сознание подавляет услышанную нами информацию в пользу увиденной. Следовательно, непосредственный визуальный контакт с Источником сообщения помогает переводчику преодолеть негативные аспекты работы с устно-порождаемым текстом и обеспечить правильное восприятие заключенной в нем информации.

Таким образом, все вышеперечисленные факторы, связанные с акустическим и визуальным каналами восприятия текста, имеют прямое отношение к степени эквивалентности продукта перевода, оказывая влияние на восприятие переводчиком содержания оригинала и

последующий выбор средств выражения на языке перевода.

3.2. Незамедлительность порождения

Устный судебный перевод (как последовательный, так и синхронный) обусловлен строгим требованием о **незамедлительности его порождения** (Комиссаров, 1990: 99; КАМФС 2016/4: 4), в связи с чем возникает острый недостаток времени на «размышление, перебор вариантов или обращение к справочной литературе» (Комиссаров, 1990: 99). Как следствие, доступ к наиболее подходящему эквиваленту переводимой единицы, хранящемуся в долговременной памяти, не всегда возможен, поэтому при устном переводе «возрастает роль полуавтоматических навыков, знания устойчивых соответствий и штампов <...> на языке перевода» (Комиссаров, 1990: 99), таких как:

а) *lagrum* / статья закона;

б) *väckta åtal* / возбуждать уголовное дело, привлекать к уголовной ответственности / возбуждать судебное преследование, преследовать в судебном порядке / передавать обвинительное заключение из прокуратуры в суд;

в) *yrka ersättning* / ходатайствовать о возмещении расходов / требовать возмещения (судебных) издержек;

г) *biträda talan* / поддержать обвинение / поддержать иск;

д) *laga förfall* / отсутствие на законном основании и др.;

Принимая во внимание многозначную природу слова, отметим далее, что не менее важным для переводчика оказывается в этой связи хорошее знание «наиболее употребительных в речи слов и их часто реализуемых значений», необходим обширный *речевой актив* (Комиссаров, 1990: 37). К примеру, в ситуации конкретного речевого акта у переводчика в первую очередь должны актуализироваться релевантные для данного типа

дискурса значения многозначных слов, такие как:

а) *utslag* / решение, постановление, определение; приговор, вердикт, исход (ср. (мед.) сыпь, высыпания, дерматоз);

б) *billig* / умеренный, справедливый (ср. (общеп.) дешевый, недорогой, экономичный в эксплуатации / дешевый, низкий, пошлый);

в) *våld* / принуждение (ср. (общеп.) насилие, насильственное действие, применение силы / жестокость, жестокое обращение);

г) *cell* / одиночная камера (ср. (мед.) клетка (организма));

д) *syn* / осмотр, ознакомление, исследование / освидетельствование доказательств в суде (ср. (мед.) зрение);

е) *svindel* / обман, мошенничество (ср. (мед.) головокружение, предобморочное состояние);

ж) *växel* / вексель, долговое обязательство (ср. (общеп.) мелкие разменные деньги, разменная монета, мелочь, сдача / (техн.) линейный коммутатор / (разг.) передача, скорость).

3.3. Последовательное восприятие сообщения

К особенностям перевода устно-порождаемой речи относится **отсутствие доступа к полному тексту** (Алексеева, 2006: 15; Комиссаров, 1990: 100–101; Виноградов, 2001: 33; Сдобников, 2007: 100; Hale, 2004: 3). Переводчик «воспринимает и переводит текст небольшими сегментами по мере их произнесения оратором и не может обращаться в процессе перевода к другим сегментам или анализировать содержание текста в целом» (Сдобников, 2007: 100). Нельзя не согласиться с И.С.Алексеевой в том, что именно опора на знание всего текста способствует истинному пониманию его содержания, а значит и выполнению наиболее эквивалентного перевода, ведь в таком случае переводчик «не привязан к отдельным словам и выражениям, и перевод (*будет – А.П. и А.Ф.*) избавлен от буквализмов»

(Алексеева, 2006: 15). Как подчеркивает В.Н.Крупнов, «контекст является своего рода фильтром, который всякий раз играет свою особую роль, проясняя и конкретизируя значение слова» (Крупнов, 1976: 37). И действительно, подтверждение этому указанию мы легко можем обнаружить при переводе таких **общеупотребительных слов с широким спектром значений**, как:

а) *bakgrund* / задний план, фон / происхождение, образование, биография, биографические (анкетные) данные, прошлое / предыстория;

б) *insats* / вкладыш, вставка / ставка, вклад, пай, доля, вложенная сумма / трудовой вклад, работа / кооперативная квартира / (в спорте) успех / меры, ресурсы (*myndighetsinsats*) / группа реагирования, команда, патруль (*polisinsats*);

в) *behörighet* / компетенция, полномочия, правомочность, квалификация / наличие аттестации, диплома, лицензии;

г) *omsorg* / забота, уход о ком-н., медико-социальная помощь / старательность, аккуратность, тщательность,

д) *utredning* / изучение, исследование, расследование, рассмотрение, анализ, аудит / комиссия, работа комиссии / отчет, доклад, заключение комиссии / составление описи наследственного имущества / составление описи конкурсной массы;

е) *insyn* / осмотр, доступ, надзор, возможность ознакомления, возможность контроля, общественный контроль / гласность, открытость, прозрачность.

Судебному дискурсу также присуще частое употребление **многозначных юридических терминов**, реализующих свое узкое значение лишь с помощью трудно прогнозируемого в ситуации устного перевода контекста, например:

а) *fastighet* / земельный участок, земельная собственность / недвижимое имущество, объект недвижимости / здание, строение, дом / помещение;

б) *övergrepp i rättsak* / нарушение запрета или распоряжения органа власти /

незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого аресту, описи или изъятию;

в) *återvinning* / пересмотр дела по ходатайству проигравшей стороны, отсутствовавшей на предыдущем заседании суда / признание незаконным некоторых сделок должника, совершенных до начала конкурсного производства / восстановление гражданства (подданства);

г) *utdelning* / дивиденд, доля прибыли, распределение прибыли / возврат части страховой премии / удовлетворение требований кредиторов из конкурсного имущества;

д) *kränka* / посягать на (нарушать) чьи-л. права / оскорблять человеческое достоинство;

е) *intrång i förvar* / нарушение тайны переписки / незаконный вход в опечатанное помещение;

ж) *skyddande av brottsling* / (не обещанное заранее) укрывательство / (обещанное заранее) пособничество.

В.С.Виноградов справедливо полагает, что «у некого идеального «суперпереводчика», если бы таковой существовал в действительности, уже на этой фазе (*фазе пофразового перевыражения – А.П. и А.Ф.*) перевод мог бы оказаться адекватным, а соответствия, константные и окказиональные, – бесспорными» (Виноградов, 2001: 33). В режиме письменного перевода работа ведется на уровне «отдельного высказывания, соотнесенного с содержанием всего текста» (Комиссаров, 1990: 100), что обеспечивает возможность поиска и извлечения дополнительной, уточняющей информации, способствующей выбору итогового варианта перевода. Доступ к полному, законченному и цельнооформленному сообщению также помогает проследить ход развития мысли автора и становления логической связи между отдельными высказываниями. В отличие от письменного перевода устный режим восприятия текста оригинала таких возможностей

соотнесения «части и целого» не предоставляет.

В работе судебного переводчика активно задействуются абзацно-фразовый перевод, при котором «переводчик не знает последующего контекста» (Алексеева, 2006: 15) и оперирует одним или несколькими высказываниями, а также синхронный перевод, специфической характеристикой которого является **параллельность процессов восприятия речи и осуществления перевода**, а также острый дефицит времени, в условиях которого «переводчик переводит отдельные сегменты высказываний в оригинале, строя из переведенных сегментов законченные высказывания в переводе» (Комиссаров, 1990: 100). Следовательно, переводчик не может «на фазе перевыражения проводить постоянное сравнение двух текстов: неизменного текста оригинала и рождающегося текста перевода» (Виноградов, 2001: 33). Это, в свою очередь, препятствует достижению точности перевыражения «микрконтекстов в виде отдельных слов и словосочетаний, которые, входя в состав предложения, образуют единое смысловое целое» (Крупнов, 1976: 37) и приводит к неизбежной утрате степени эквивалентности перевода.

Таким образом, в ситуации конкретного семического акта устный переводчик вынужден выбирать вариант перевода, опираясь на **собственный прогноз развертывания речевого сообщения**, и проводить верификацию сделанного выбора путем последующего сопоставления уже произнесенного перевода с вербально сообщаемой в ходе речевой коммуникации информацией, а также с поступающей извне экстралингвистической информацией, прибегая к саморедактированию и выбору наиболее подходящего варианта перевода «на ходу». На практике это выражается предпочтением в пользу генерализированного или отвлеченного

значения многозначного слова на инициальном этапе межъязыкового преобразования единицы перевода с переходом к подбору более конкретного и стилистически уместного контекстуального решения в процессе дальнейшего перевода. например:

а) *väckta åtal* / возбуждать уголовное дело, привлекать к уголовной ответственности / возбуждать судебное преследование, преследовать в судебном порядке / передавать обвинительное заключение из прокуратуры в суд, в ситуативном контексте – ‘передать в суд’ (из органов предварительного следствия),

б) *misshandel* / (общ.) нанесение побоев; избивание; истязание; мучительство; издевательство / (юр.) умышленное причинение вреда здоровью; побои; истязания; насильственное причинение другому лицу телесным повреждениям или психического вреда / причинение физического или психического вреда, в ситуативном контексте ‘причинение физического вреда’ (когда по обстоятельствам дела на момент порождения речи еще не известно, какому именно преступлению это соответствует).

3.4. Устный режим воспроизведения

Устно-устный режим работы переводчика предусматривает «ментальное» **воспроизведение перевода в акустической форме**. Нередко для осуществления перевода со шведского языка на русский без заметных отставаний неизбежным является применение «различных способов речевой компрессии, сокращающих текст перевода на 25-30% по сравнению с письменным переводом того же оригинала» (Комиссаров, 1990: 107). Такая необходимость может быть обусловлена быстрым темпом речи оратора и высокой информативностью текста оригинала в комбинации с заметной разницей между лексико-семантическими соответствиями переводимых понятий на русском и шведском языках. Например, очевидной **разницей в длине используе-**

мых обозначений на шведском языке и их соответствиями на русском языке:

а) *rattfylleri* / управление транспортным средством водителем, находящемся в состоянии опьянения;

б) *häleri* / приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем;

в) *övergrepp i rättssak* / угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования;

г) *återtagning* / возврат товара продавцу в случае нарушения покупателем сроков погашения кредита;

д) *sexuellt tvång* / понуждение к вступлению в половую связь с применением насилия или угрозой его применения.

Другими примерами служат **невозможность использовать общепринятое сокращение шведского языка** при переводе на русский без его предварительной расшифровки (хотя бы при первом употреблении понятия на шведском языке). Это можно проследить на следующих примерах:

а) *SKR* – Sveriges Kommuner och Regioner / Ассоциация органов муниципального и областного самоуправления Швеции;

б) *NFC* – Nationellt forensiskt centrum / Государственный экспертно-криминалистический центр;

в) *LVU* – Lag med särskilda bestämmelser om vård av unga / закон «О принудительной опеке над подростками» (закон о содержании и лечении несовершеннолетних правонарушителей в сфере служб социального обеспечения).

Далее также наблюдается **необходимость использовать эксплицитные средства выражения** для отсутствующей в русском языке грамматической категории детерминированности, например *lagen* – ‘этот закон’, *bilen* – ‘эта машина’, что

обусловлено типологическими различиями между языками.

Основные **приемы сжатия речевого произведения** напрямую зависят от типа дискурса. В судебном переводе сжатие предполагает не сокращение информативности текста, пропуски повторений или незаконченных фраз и предложений, а следующие переводческие решения:

а) в первую очередь приемы сокращения лексических соответствий на русском языке в пользу использования общеизвестных аббревиатур, например *МРОТ, СИЗО, УПК, ЕС и т.д.*,

б) выбор менее формального (а тем самым более короткого) лексического эквивалента, например разговорного соответствия *visstidsanställning* – *временная работа* вместо *работа по срочному трудовому договору*,

в) субстантивации атрибутивных словосочетаний *organer sozsaциты* вместо *органы социальной защиты населения, госслужбы* вместо *государственные службы, еврозаконодательство* вместо *законодательство стран-членов Евросоюза* и т.д.,

г) заимствование и использование шведских аббревиатур при первичной расшифровке и переводе безэквивалентной лексики, например:

– перевод аббревиатуры *sf* как *курсы шведского языка для иностранцев* – т.н. ‘эс-эф-и’;

– перевод фразы *enligt LVU* как *в соответствии с законом «О принудительном направлении несовершеннолетних под надзор органов социальной защиты»*, – т.н. ‘законом Эл-Вэ-У’.

При устном переводе переводчику необходимо учитывать **темп речи и следить за собственной артикуляцией**. Представление продукта перевода в устной форме требует от переводчика обладания хорошей дикцией и владения правильным произношением в соответствии с нормами родного и иностранного языка. Речь переводчика характеризуется особым темпом, который

обусловлен ее ориентированием на оригинал и **формированием в процессе перевода**. Синхронному переводу свойственна меньшая ритмичность речи в связи с замедлением (и более артикулированным произношением) в момент т. н. *хезитационных пауз* (Комиссаров, 1990: 105) и ускорением темпа речи при переводе и «проговаривании» хорошо понятных переводчику отрезков сообщения и отточенной до автоматизма терминологии. Как правильно отмечает В.Н.Комиссаров, «процесс говорения протекает параллельно процессу аудирования», а, следовательно, «часть перевода проговаривается в паузы в речи Источника» (Комиссаров, 1990: 103).

Отставание речи переводчика от речи Источника с минимальным разрывом во времени или даже «забегание вперед» при синхронном переводе осуществляется посредством «так называемого **вероятностного прогнозирования**, т.е. способности до определенной степени предугадывать содержание еще не произнесенных отрезков речи на ИЯ» (Бархударов, 1975: 47). В случае, когда прогнозы переводчика не оправдываются, коррекция перевода происходит за счет ускорения темпа речи. Существует ряд средств, к которым переводчик зачастую прибегает в целях сокращения интервала между началом порождения оригинала и началом перевода и выравниванию темпа перевода. Например, соблюдение правильного актуального членения предложения при осуществлении устного перевода со шведского языка на русский требует восприятия всего предложения целиком и выделения фокуса высказывания. Следующий фрагмент устного перевода иллюстрирует механизм вычленения и передачи темы высказывания прокурора после того, как был заслушан подсудимый, и последующей корректировки переводчиком ремы высказывания на ПЯ:

а) Прокурор: *det finns ju en dom på dig*

(досл.) ‘существует же судебное решение (или приговор) на вас’

б) Переводчик: *to есть / есть решение*

в) Прокурор: *där du då // ah / fick det här utvisningsbeslutet*

(досл.) – там вы // ааа / получили решение о выдворении

г) Переводчик: *и тогда вот и вынесено было это решение о выдворении вас из страны*

Прогнозируя возможные сценарии развертывания высказывания (*a) det finns ju en dom på dig*, переводчик выделяет общий для них элемент – наличие ‘решения суда’. На этой стадии произнесения оригинального текста еще не известно, что выступит в качестве ядра высказывания – тот факт, что решение было вынесено именно судом, а не другим органом по разрешению споров или является ли это решением суда по гражданскому или уголовному производству, т.к. термин *dom* в устной речи в суде может употребляться как для обозначения ‘приговора’, так и ‘решения по гражданскому спору’. Возможно, в фокусе высказывания находится тот материальный вопрос, по которому было вынесено упомянутое решение или то обстоятельство, что наличие ранее вынесенного судебного решения косвенно указывает на осведомленность подсудимого о том, что в отношении него действовал запрет на повторный въезд в Швецию.

Начало перевода высказывания на этапе, когда тема-рематические отношения между его компонентами еще не могут быть определены однозначно, может привести к неточностям в переводе. Не допустить ошибки и, вместе с тем, избежать паузы в речи переводчика (*б*) помогает частичное опущение семантической нагрузки лексемы *dom*, а именно компонента ‘судебное’ (*судебное решение, постановление, приговор суда*) в

виду неуверенности переводчика в ее центральной роли в высказывании. В ходе перевода следующего отрезка речи прокурора (в), уточняющего содержание предыдущей реплики (а), переводчик выстраивает тема-рематическое соответствие на ПЯ (г), повторяя опорный элемент высказывания, *вынесено было это решение*, и добавляя ядерный элемент высказывания – *о выдворении вас из страны*.

Заключение

В заключение отметим, что основной целью устной деятельности судебного переводчика является обеспечение эквивалентного, точного и адекватного перевода. Данное исследование призвано выявить внутренние (лингвосемиотические) и внешние факторы, оказывающие влияние на процесс устного судебного перевода, и обозначить причины и сферы возникновения переводческих трудностей.

В результате анализа научной литературы, актуальной лексики и аутентичных аудиозаписей устного судебного перевода установлен ряд аспектов, отличающих устный перевод от других переводческих практик, а именно

а) вид перевода – преимущественно устно-устный;

б) направление перевода – двусторонний перевод;

в) тип дискурса – судебный;

г) форма перевода – чередование синхронного перевода, устного последовательного перевода и перевода с листа;

д) важность психолингвистических аспектов (нагрузка на память, период концентрации, быстрое принятие решений, самокоррекция в процессе перевода и др.);

е) специфика техники работы в суде и роли переводчика;

ж) владение переводчиком юридически значимыми специально-предметными знаниями и специальной юридической терминологией.

Основополагающим фактором устного судебного перевода следует считать **устность общения** участников судебного процесса и ее последствия, которые объективно влияют на возможность переводчика сохранить инвариант в необходимой мере. Изучение особенностей устного судебного перевода следует проводить с лингвосемиотических позиций при учете как языковых и речевых знаков, так и комплекса экстралингвистических факторов, влияющих на процесс перевода. Таким образом, в результате исследования были выявлены следующие характеристики устно-устного судебного перевода, как:

1) акустический канал восприятия (перцептивность знака, перцептика как составляющее семиотики языкового знака, спонтанный характер речи – темп и паузация, экстралингвистические трудности восприятия, например плохое качество звука, диалект, нарушения речи и т.д.)

2) незамедлительность порождения (полуавтоматические навыки, знание устойчивых соответствий и штампов)

3) последовательное восприятие сообщения (отсутствие доступа к полному тексту на ИЯ, однократность восприятия, особенности перевода общеупотребительных слов с широким спектром значений, особенности реализации узких значений многозначных юридических терминов, абзацно-фразовый перевод, индивидуальный прогноз развертывания семического акта)

4) устный режим воспроизведения (особая ритмичность, темп речи и артикуляция, хезитационные паузы, несоответствие длины лексических единиц ИЯ и ПЯ, добавление эксплицитных средств, особенности перевода аббревиатур)

Перспектива данной работы состоит в том, что продолжение исследований в сопоставительном ключе поможет наметить ключевые области знаний и

умений, необходимых для успешного выполнения устного перевода в суде, а также основополагающие сферы компетентностного развития устного судебного переводчика за счет выявления специфики звучащего судебного дискурса.

Список литературы

Алексеева И.С. Введение в переводоведение. Учебное пособие для студ. филолог. и лингвистич. факультетов. СПб.: Изд-во Академия, 2006. 352с.

Бабанина Т.М. Как перейти на профессиональную основу в занятии устным социальным переводом // Язык в сфере профессиональной коммуникации: сборник статей международной научно-практической конференции студентов и аспирантов. В 2-х ч. Ч. 1. Екатеринбург: УрФУ. 2014. С.85-90.

Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240с.

Берглунд М. Новый большой шведско-русский словарь (под ред. У.Биргегорд) / [New Big Swedish-Russian Dictionary]. М.: Живой язык, 2007. 928с.

Вартазарян С.Б. От знака к образу. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1973. 199с.

Василенко Л.Ю. Перевод в системе государственных служб и учреждений как фактор языковой политики государства // Вестник РУДН, серия Юридические науки. Вып. 2. 2013. С. 315-318.

Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во института общего среднего образования РАО, 2001. 224с.

Гаспаров Б.М. Устная речь как семиотический объект // Семантика номинации и семиотика устной речи. Лингвистическая семантика и семиотика 1 / Тарту: Тартус. гос. ун-т. 1978. С.63-112.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253с.

Крупнов В.Н. В творческой лаборатории переводчика: Очерки по профессиональному переводу. М.: Международные отношения, 1976. 192с.

Крупнов В.Н. Курс перевода. Английский язык: общественно-политическая лексика. М.: Международные отношения, 1979. 232с.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира; РАН; Ин-т языкознания. М.: Языки слав. культуры, 2004. 560с.

Поликарпов А.М. Синтаксическая полифункциональность: монография. Архангельск: ИПЦ, САФУ, 2013. 212с.

Поликарпов А.М. Роль смыслообразующих и прагматических операторов в топологии устно-порождаемой речи // Проблемы лингвистических исследований теории перевода. Межвузовский сборник статей. Архангельск: ИПЦ, САФУ. 2012. С. 81-94.

Поликарпов А.М. Семиотика устно-порождаемой речи и перевод. Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах // Материалы VI Международной научной конференции. Челябинск, 2012 г. Чел. гос. ун-т. 2013. С. 281-285.

Раренко М.Б. Основные понятия англоязычного переводоведения: Терминологический словарь-справочник / РАН ИНИОН. М.: 2011. 250с.

Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода: [учебник для студ. лингвист. вузов и факультетов ин. языков]. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 448с.

Сухарева Е.Е., Черникова Н.С. Проблемы перевода медицинского дискурса в контексте социального перевода // Вестник ВГУ, серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Воронеж: ВГУ. 2014. № 4. С.115-120.

Сыроваткин С.Н. Теория перевода в аспекте функциональной лингвосомиотики. Калинин: Калининский гос. унив., 1978. 84 с.

Томилова Д.Н. Лингвосомиотические свойства сложноподчиненных предложений с присоединительными придаточными в немецкоязычном медиадискурсе: автореф. дис. .... канд. фил. наук. Северный (Арктический) фед. ун-т им. М.В.Ломоносова. Архангельск, 2017. 227с.

Baker M. Routledge Encyclopedia of Translation Studies. London; New York: Routledge, 2009. 654p.

Del-Pozo-Triviño M. Teaching police to work effectively with interpreters: Design and delivery of a training course // Benjamins Translation Library. 2020. Vol.151. P. 189-208. DOI: 10.1075/btl.151.08del

Driesen C.J., Drummond G. The “Tandem” method training interpreters to work at national courts // *Forum*. 2011. Vol. 4, No.2. Pp.139 – 156.

Förordning om auktorisation av tolkar och översättare / t.o.m. SFS 2016:180 [Постановление правительства Швеции о порядке аттестации устных и письменных переводчиков]. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/forordning-1985613-om-auktorisering-av-tolkar_sfs-1985-613 / (date of access 18.01.2018)

Förvaltningsprocesslag [Кодекс административного судопроизводства]. URL: http://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/forvaltningsprocesslag-1971291_sfs-1971-291/ (date of access 18.01.2018)

Giambruno C. Assessing legal interpreter quality through testing and certification: the qualitas project . The University of Alacante, 2014. 265p.

Hale S.B. Discourse of Court Interpreting: Discourse Practices of the Law, the Witness, and the Interpreter. Philadelphia, USA: John Benjamins Publ. Company, 2004. 265p.

Kainz C., Prunc E., Schögler R. Modelling the Field of Community Interpreting: Questions of Methodology in research and training. Wien; Berlin: Lit Verlag, 2011. 342p.

Kammarkollegiets tolkföreskrifter KAMFS 2016:4 [Положение Камер-Коллегии «О статусе устного переводчика»]. URL: <https://www.kammarkollegiet.se/sites/default/files/Kammarkollegiets%20tolkf%C3%B6reskrifter%202017.pdf> / (date of access 18.01.2018)

Lindkvist A. Ordlista för tolkar: Svenska-Ryska / [Словарь устного перевода: Шведско-русский], Kristianstad: Fritzes, 2001. 243p.

LIT Search: Project for a Pilot Database of Legal Interpreters and Translators. KU Leuven, EULITA, 2016. 115p.

Mayor M.J.B., Triviño M.P. Legal interpreting in Spain at a turning point [La interpretación judicial en España en un momento de cambio] // *Monografías de Traducción e Interpretación*. 2015. Vol 7. P. 9-40; DOI: 10.6035/MonTI.2015.7.1

Ozolins U. Factors that determine the provision of Public Service interpreting: comparative perspectives on government

motivation and language service implementation // *The Journal of Specialised Translation*. 2010. Vol 14. Pp.194 – 215.

Reflection Forum on Multilingualism and Interpreter Training: Final Report. European Commission, 2009. 23p.

Riktlinjer för tolkanvändning i domstol [Руководство по работе через переводчика в зале суда]. URL: <http://rattstolkarna.se/files/nov-2017domstolsverketriktlinjerfirtolkandningidomstol.pdf> / (date of access 18.01.2018)

Rivelis E. Svensk-rysk uppslagsordbok: Juridik. Förvaltning. Ekonomi / [Шведско-русский словарь-справочник: Право. Администрация. Экономика] Stockholm: Interword, 1998. 46 p.

Roberts R.P. Community interpreting: A profession in search of its identity // *Teaching Translation and Interpreting 4: Building bridges / Benjamins Translation Library*. 2002. Vol. 42. Pp. 157–175

Rättegångsbalk (1942: 740) [Процессуальный кодекс гражданского и уголовного судопроизводства]. URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/rattgangsbalk-1942740_sfs-1942-740/ (date of access 18.01.2018)

Shackman J. The Right to be Understood: A Handbook on Working With, Employing and Training Community Interpreters. National Extension College Trust Ltd, 1984. 162p.

Tolkkunskap. Fritzes, 3:e uppl., 2009. 92p.
Wadensjö C. Interpreting as Interaction. Longman, 1998. 336p.

Valero Garcés C., Martin A. Crossing Borders in Community Interpreting: Definitions and Dilemmas / *Benjamins Translation Library*. Vol.76. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008. Vol. 76. 230p.

References

Alekseeva, I.S. (2006), *Vvedeniye v perevodovedeniye* [Introduction to Translation Studies], Academia Publishing house St. Petersburg, Russia. (*In Russian*)

Babanina, T.M. (2014), The professionalization of community interpreting, *Language in professional communication, part 1*, Yekaterinburg, Russia. 85-90.

Barkhudarov, L.S. (1975), *Jazyk i perevod (Voprosy obshhej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and translation (Questions of general

and particular theory of translation), Mezhdunarodnye otnosheniya Publishing House, Moscow, Russia. (In Russian)

Berglund, M. (2007), *A New Big Swedish-Russian Dictionary*, Zhivoy yazik Publishing House, Moscow, Russia.

Vartazaryan, S.B. (1973), *Ot znaka k obrazu* [From the sign to the image], AN Armenian SSR, Yerevan, Armenia. (In Russian)

Vasilenko, L.Y. (2013), Public service interpreting as a factor of state's language policy, *RUDN Journal of Law*, 2, 315-319.

Vinogradov, V.S. (2001), *Vvedenie v perevodovedenie (obshhie i leksicheskie voprosy)* [Introduction to Translation Studies (General and Lexical questions)], Russian Academy of Education, Moscow, Russia. (In Russian)

Gasparov, B.M. (1978), Spoken speech as an object of semiotics, *Linguistic semantics and semiotics 1*, Tartu, 63-112. (In Russian)

Komissarov, V.N. (1990), *Teoriya perevoda. Lingvisticheskiye aspekty*. [Translation theory. Linguistic aspects], Vysshaya shkola Publishing House, Moscow, Russia. (In Russian)

Krupnov, V.N. (1979), *Kurs perevoda. Anglijskij jazyk: obshhestvenno-politicheskaja leksika* [Translation course. English: socio-political vocabulary], Mezhdunarodnye otnosheniya Publishing House, Moscow, Russia. (In Russian)

Krupnov, V.N. (1976), *V tvorcheskoy laboratorii perevodchika* [In the creative laboratory of a translator], Mezhdunarodnye otnosheniya Publishing House, Moscow, Russia. (In Russian)

Kubryakova, E.S. (2004), *Jazyk i znanie: na puti poluchenija znaniy o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: on the way to gain knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in understanding the world], Moscow, Russia. (In Russian)

Polikarpov, A.M. (2013), *Sintaksicheskaya polifunktionalnost: monografiya* [Syntactics polifunctionality], Northern Arctic Federal University, Arkhangelsk, Russia: (In Russian)

Polikarpov, A.M. (2012), The role of meaning-forming and pragmatic operators in the topology of orally generated speech, *Problemy lingvisticheskikh issledovanij teorii perevoda. Mezhvuzovskij sbornik statej* [Problems of linguistic research in translation theory.

Interuniversity collection of articles], Northern Arctic Federal University, Arkhangelsk, Russia, 81-94. (In Russian)

Polikarpov, A.M. (2012), Semiotics of orally generated speech and translation. Word, utterance, text in cognitive, pragmatic and cultural aspects, *Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii* [Materials of the VI International Scientific Conference], Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, 281-285 (In Russian)

Rarenko, M.B. (2011), The main concepts of translation studies between Russian and English languages: Terminology dictionary. Moscow: INION RAN. 250. (In Russian)

Sdobnikov, V.V. and Petrova O.V. (2007), *Teoriya perevoda* [Translation theory], AST Vostok-Zapad, Moscow, Russia. (In Russian)

Sukhareva, E.E., Chernikova N.S. (2014), Problems of translation of medical discourse in the context of the community interpreting, *Linguistics and intercultural communication*, 4, Voronezh, Russia, 115-120. (In Russian)

Syrovatkin, S.N. (1978), *Teoriya perevoda v aspekte funktsional'noj lingvosemiotiki* [Translation theory in the aspect of functional linguosemiotics], Kalinin State University, Kaliningrad, Russia. (In Russian)

Tomilova, D.N. (2017), Linguasemiotic properties of the complex sentences with content clauses in German media discourse, Abstract of Ph.D. dissertation, Northern Arctic Federal University, Arkhangelsk, Russia. (In Russian)

Baker, M. (2009), *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*, Routledge, London, New York.

Del-Pozo-Triviño, M. (2020), Teaching police to work effectively with interpreters: Design and delivery of a training course, *Benjamins Translation Library*, 151, 189-208. DOI: 10.1075/btl.151.08del

Driesen, C.J., Drummond G. (2011), The "Tandem" method training interpreters to work at national courts, *Forum*, 4 (2), 139 -156.

Förordning [On the authorisation of interpreters and translators up to and including SFS], (1985), available at: <https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/forordning-1985613-om-auktorisering-av-tolkare-sfs-1985-613/> (Accessed 18.01.2018) (In Swedish)

The Swedish Code of Administrative procedure (1971), available at:

http://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/forvaltningsprocesslag-1971291_sfs-1971-291/ (Accessed 18.01.2018)

Giambruno, C. (2014), *Assessing legal interpreter quality through testing and certification: the qualitas project*. The University of Alacante.

Hale, S.B. (2004), *Discourse of Court Interpreting: Discourse Practices of the Law, the Witness, and the Interpreter*, John Benjamins Publ. Company, Philadelphia, USA.

Kainz C., Prunc E., Schögler R. (2011), *Modelling the Field of Community Interpreting: Questions of Methodology in research and training*, Lit Verlag, Wien; Berlin.

Kammarkollegiets tolkföreskrifter KAMFS (2016), available at: <https://www.kammarkollegiet.se/sites/default/files/Kammarkollegiets%20tolkf%C3%B6reskrifter%202017.pdf> / (Accessed 18.01.2018)

Lindkvist, A. (2001), *Ordlista för tolkar: Svenska-Ryska* [Dictionary of interpreters: Swedish-Russian], Kristianstad, Fritzes. (In Swedish)

LIT Search: Project for a Pilot Database of Legal Interpreters and Translators (2016), KU Leuven. EULITA.

Mayor, M.J.B. and Triviño, M.P. (2015), Legal interpreting in Spain at a turning point, *Monografias de Traducción e Interpretación*, 7, 9-40.

Ozolins, U. (2010), Factors that determine the provision of Public Service interpreting: comparative perspectives on government motivation and language service implementation, *The Journal of Specialised Translation*, 14, 194–215.

Reflection Forum on Multilingualism and Interpreter Training: Final Report. (2009), European Commission.

Guidelines for interpretative use in court (2017), available at: <http://rattstolkarna.se/files/nov-2017domstolsverketriktlinjerfrtolkanvndningidomstol.pdf> / (Accessed 18.01.2018) (In Swedish)

Rivelis, E. (1998), *Svensk-rysk uppslagsordbok: Juridik* [Swedish-Russian dictionary: law], Förvaltning. Ekonomi, Interword, Stockholm. (In Swedish)

Roberts, R.P. (2002), *Community interpreting: A profession in search of its identity*, Teaching Translation and Interpreting 4: Building

bridges, *Benjamins Translation Library*, 42, 157–175.

Rättegångsbalk (1942), *The Swedish Code of Judicial Procedure*, available at: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svenskforfattningssamling/rattegangsbalk-1942740_sfs-1942-740/ (Accessed 18.01.2018) (In Swedish)

Shackman, J. (1984), *The Right to be Understood: A Handbook on Working With, Employing and Training Community Interpreters*, National Extension College Trust Ltd.

Tolkkunskap (2009), Fritzes, 3:e uppl. (In Swedish)

Wadensjö C. (1998), *Interpreting as Interaction*, Longman.

Valero, Garcés C., Martin, A. (2008), *Crossing Borders in Community Interpreting, Definitions and Dilemmas*. Benjamins Translation Library, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, 76.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Поликарпов Александр Михайлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и прикладной лингвистики Северного Арктического Федерального Университета, директор Научно-образовательного центра «Интегративное переводоведение приарктического пространства».

Alexander M. Polikarpov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Applied Linguistics and Translation Studies, Director of the Centre for Integrative Translation Studies of the Subarctic Region, Northern Arctic Federal University.

Французова Алина Дмитриевна, аспирант кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного Арктического Федерального Университета.

Alina D. Frantsuzova, Post-graduate Student, Department of Applied Linguistics and Translation Studies, Northern Arctic Federal University.

УДК 811.111:81'373.72

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-7

Федуленкова Т. Н.

**Одномерные модели фразеологии
современного международного делового языка**

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
ул. Горького, 87, г. Владимир, 600026, Россия

E-mail: fedulenkova@list.ru

ORCID iD: 0000-0002-5039-5827

*Статья поступила 23 ноября 2020 г.; принята 18 декабря 2020 г.;
опубликована 30 декабря 2020 г.*

Аннотация. Работа посвящена изучению структуры устойчивых и воспроизводимых языковых единиц современного международного делового языка, которые находятся на грани двух семиотических полей, а именно: терминологического поля языка экономики, менеджмента, банковского дела, аудита, с одной стороны, и фразеологического поля английского делового языка, или языка бизнеса в широком смысле слова, с другой стороны.

Объект исследования включает в себя свыше двухсот терминологических единиц фразеологического характера, отбор которых был осуществлен методом сплошной выборки из современного толкового англоязычного словаря деловой терминологии, изданного под редакцией Дж. Фридмана. При отборе языкового материала для исследования применялся также метод фразеологической идентификации А. В. Кунина в целях уточнения лингвистического статуса устойчивого терминологического словосочетания и определения принадлежности его к фразеологии. Кроме того, в исследовании применялись и другие методы фразеологического анализа: метод анализа словарных дефиниций для выяснения семантики ФЕ-термина и метод контекстуального анализа для уточнения его значения.

Предмет данного исследования – способ объединения компонентов в избранных для анализа ФЕ-терминах в одномерные, или грамматические, модели. Цель исследования – определение номенклатуры выявленных моделей и их описание.

В результате исследования были выявлены три наиболее распространенные одномерные субстантивные модели, объединяющие изучаемые термины фразеологического характера. Были выявлены такие отличительные черты терминов этой группы, как отсутствие вариантности компонентного состава и сохранение вторым компонентом собственного исходного значения в случае частичного переосмысления прототипа термина.

Ключевые слова: Терминология; Фразеология; ФЕ-термины; Одномерные модели; Компонент; Фразеологическая идентификация

Информация для цитирования: Федуленкова Т. Н. Одномерные модели фразеологии современного международного делового языка // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, №4. С. 70-83. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-7

A.G. and N.G. Stoletovs Vladimir State University
87 Gorky St., Vladimir, 600026, Russian Federation
E-mail: fedulenkova@list.ru
ORCID iD: 0000-0002-5039-5827

Received 23 November 2020; accepted 18 December 2020; published 30 December 2020

Abstract. The paper is devoted to the study of the structure of stable and reproducible language units of modern international business language, which are on the verge of the two semiotic fields, namely: the terminological field of the language of economics, management, banking, audit, on the one hand, and the phraseological field of the English business language, or the language of management in the broad sense of the word, on the other hand.

The object of the study includes more than two hundred terminological units of a phraseological nature, the selection of which was carried out by the method of continuous sampling from the modern interpretive English-language dictionary of business terminology, published under the editorship of J. Friedman. When selecting language material for the study, the method of phraseological identification of A. V. Kunin was also used in order to clarify the linguistic status of a stable terminological phrase and determine its belonging to phraseology. In addition, other methods of phraseological analysis were employed in the study: the method of analyzing dictionary definitions to clarify the semantics of the PU-term and the method of contextual analysis to clarify its meaning.

The subject of the study is the way of combining components in PU-terms selected for the analysis into one-dimensional, or grammatical, models. The purpose of the study is to determine the nomenclature of the identified models and describe them.

As a result of the study, the three most common one-dimensional substantive models were identified, combining the phraseological terms studied. Some distinctive features of the terms of this group were revealed, such as the lack of variability of the component composition and the preservation by the second component of its original meaning in case of a partial meaning transference of the term prototype.

Key words: Terminology; Phraseology; PU-terms; One-dimensional models; Component; Phraseological identification

How to cite: Fedulenkova, T. N. (2020). One-dimensional phraseology models of modern international business language. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.6 (4), 70-83, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-7

Введение

Освещение аспектов деловой фразеологии современного английского языка проводилось довольно интенсивно в последние годы XX века (Gläser, 1995: 33; Fedoulenkova, 2002: 247). Тем не менее, проблемы собственно деловой терминологии на этом фоне не звучали так ярко (Пыж, 2009: 86).

Наше внимание привлекла именно та сфера деловой фразеологии, которая с одной стороны, принадлежит к области терминологии, и, с другой стороны, языковые единицы которой состоят более, чем из одного слова и построены на

нашем фоне не звучали так ярко (Пыж, 2009: 86).
Наше внимание привлекла именно та сфера деловой фразеологии, которая с одной стороны, принадлежит к области терминологии, и, с другой стороны, языковые единицы которой состоят более, чем из одного слова и построены на

переосмыслении компонентного состава, когда значение всего устойчивого и воспроизводимого сочетания слов в целом не складывается из суммы значений его отдельных компонентов, то есть, по сути своей, эти «не-однословные термины являются полноценными фразеологическими единицами» (Fedulenkova, 2015: 229). Следовательно, объектом нашего исследования были избраны термины деловой сферы современного английского языка, которые одновременно являются фразеологизмами. В целях экономии такие языковые единицы обозначаем в своей работе как «ФЕ-термины», выборка которых была произведена из толкового словаря деловой терминологии Дж. Фридмана *Dictionary of business terms* (Friedman, 2000) и составила свыше двух сотен языковых единиц. Основой отбора языкового материала для анализа послужила концепция фразеологической идентификации, предложенная выдающимся советским фразеологом А. В. Куниным (Кунин, 1964) и успешно апробированная учениками его школы и последователями (Сидякова, 2003; Naciscione, 2001; Федуленкова, 2012).

Предметом нашего исследования является характер соединения компонентов в избранных ФЕ-терминах, то есть характер их одномерных, или грамматических, моделей (Федуленкова, 2015). Важной характеристикой одномерного моделирования фразеологических единиц считаем тип зависимости компонентов ФЕ – понятие, введенное в метаязык лингвистики А. В. Куниным и активно воплощенное в практику фразеологического анализа его последователями (Кунин, 1972: 90; Федуленкова, 2012: 64–76). Ввиду большого объема собранного языкового материала в данном случае ограничиваемся изучением структуры только двухкомпонентных ФЕ-терминов.

Цель работы – установление наиболее распространенных одномерных моделей ФЕ-терминов в системе современного английского языка.

Наряду с методом фразеологической идентификации в работе применялись такие методы исследования, как метод фразеологического анализа (Кунин, 1996: 36), метод анализа дефиниций и метод контекстуального анализа (Комарова, 2018: 564–589).

Исследовательская часть

Прагматико-коммуникативная востребованность делового языка в современном мире требует изучения структуры деловой терминологии фразеологического характера как наиболее сложного участка терминологического поля языка в целом.

Компонентно-структурный анализ деловой терминологии фразеологического характера, извлеченной из названного словаря, позволил выявить следующие наиболее распространенные структурные модели изучаемых ФЕ-терминов:

Модель 1. N + N. Рассматриваемая структура представляет собой одномерную двухкомпонентную субстантивно-субстантивную модель, которая объединяет фразеологические единицы из сферы деловой терминологии, то есть ФЕ-термины, с константной зависимостью компонентов:

(а) *absorption rate* (букв. уровень поглощения) – estimate of the expected annual sales or new occupancy of a particular type of land use; for example, the demand for new homes in a market area is estimated to be 500 per year; developer Abel's new subdivision, when completed, is expected to capture 10% of the market; therefore Abel's subdivision has an expected absorption rate of 50 homes per year (10% of 500 = 50) (с. 2) – нормативная ставка накладных расходов, оценки ожидаемых годовых продаж или новой заполняемости конкретного вида землепользования; например, спрос на новые дома в рыночной зоне оценивается в 500 домов в год; ожидается, что новое подразделение застройщика Абея, будучи завершенным, захватит 10% рынка; поэтому подразделение Абея имеет

ожидаемый уровень поглощения 50 домов в год (10% от 500 и 50);

(б) **bridge loan** (букв. бридж кредит) – short-term loan, also called *swing loan*, made in anticipation of intermediate-term or long-term financing (с. 71) – краткосрочный кредит, также называемый свинг-кредитом, выданный в ожидании среднесрочного или долгосрочного финансирования;

(в) **cash cow** (букв. дойная корова) – business that generates a continuing flow of cash, such a business usually has well-established brand names whose familiarity stimulates repeated buying of the products; stocks that are *cash cows* have dependable dividends (с. 91) – доходная компания – бизнес, который генерирует непрерывный поток денежных средств; такой бизнес обычно имеет устоявшиеся торговые марки, знакомство с которыми стимулирует повторную покупку продуктов; акции, которые являются «дойными коровами», имеют надежные дивиденды;

(г) **bear market** (букв. медвежий рынок) – prolonged period of falling prices; a bear market in stocks is usually brought on by the anticipation of declining economic activity, and a bear market in bonds is caused by rising interest rates (с. 55) – рынок с продолжительным периодом падения цен; такой рынок акций обычно вызывается ожиданием снижения экономической активности, а рынок облигаций – повышением процентных ставок;

(д) **black box** (букв. черный ящик) – in computers, slang for CENTRAL PROCESSING UNIT; also any device that provides answers to complex problems without explaining the solution (с. 59) – системный блок в электронных вычислительных машинах, сленг для центрального процессора; также любое устройство, которое дает ответы на сложные проблемы без объяснения решения.

Приведем иллюстрации контекстуального использования ФЕ-терминов

данной модели из Британского национального корпуса:

(a) *Explain why it is necessary to use estimates in determining an **absorption rate**. Answer guide: There are two main reasons why estimates are used in determining absorption rates. Firstly, some overhead costs are only known some months after they have been incurred. For example, telephone charges are normally billed to customers every quarter in retrospect. Therefore a firm would have to wait three months before they could determine this charge which is not timely for management purposes. Secondly, a number of overhead costs are seasonal, e.g. heating and lighting costs.* (BNC) – Объясните, почему необходимо использовать оценки при определении скорости поглощения. Руководство по ответу: Есть две основные причины, по которым оценки используются при определении скорости поглощения. Во-первых, некоторые накладные расходы известны только через несколько месяцев после их возникновения. Например, плата за телефон обычно взимается с клиентов каждый квартал в ретроспективе. Поэтому фирме придется подождать три месяца, прежде чем они смогут определить этот сбор, который не является своевременным для целей управления. Во-вторых, ряд накладных расходов носит сезонный характер, например, расходы на отопление и освещение.

(б) *Mr. Garcia has said the IMF has become more flexible, particularly in accepting that any economic programme for Peru would require 'concessional' financing in view of the country's depressed economy and political problems. But the agreement has been interpreted here as a bid to stave off a likely request that Peru leave the Fund because of its violation of the rules. Closer collaboration with the IMF, and fresh money, will almost certainly have to await a new government, due in March. It will also require willingness by creditors to advance a **bridge loan** to enable Peru to clear its account with the Fund. It has the largest*

arrears of 10 countries which have been declared 'ineligible' for further Fund loans. (BNC) – Г-н Гарсия заявил, что МВФ стал более «гибким», особенно принимая тот факт, что любая экономическая программа для Перу потребует «льготного» финансирования ввиду депрессивной экономики страны и политических проблем. Но соглашение было истолковано здесь как попытка предотвратить возможную просьбу о том, чтобы Перу покинуло Фонд из-за нарушения правил. Более тесное сотрудничество с МВФ и новые деньги почти наверняка можно будет ожидать от нового состава правительства, которое сформируется в марте. Это также потребует от кредиторов готовности выдать промежуточный кредит, чтобы позволить Перу очистить свой счет в Фонде. Он имеет самую большую задолженность из 10 стран, которые были объявлены не имеющими права на получение дополнительных займов Фонда.

(в) *Anybody who pretends they can buck these trends is under an illusion. You can only affect them peripherally. The momentum is there and it's like trying to change the course of a battleship. The important thing is to recognise that it is happening and take the relevant action. It can take up to ten years to readjust to this new market situation. By then the product will have reverted to being a reasonable business again – but not in a glamorous way as in the first phase. It becomes a **cash cow** business in that you generate a lot of money from existing assets, with minimum investment. The repercussions of such a turbulent period are not all disadvantageous, however.* (BNC) – Любопытно, кто думает, что может противостоять этим тенденциям, находится в иллюзии. Вы можете влиять на них только на периферии. Импульс есть, и это похоже на попытку изменить курс линкора. Важно признать, что это происходит, и принять соответствующие меры. Чтобы приспособиться к этой новой ситуации на рынке, может потребоваться до десяти лет.

К тому времени продукт снова превратится в разумный бизнес, но не таким эффективным, как на первом этапе. Это становится бизнесом «дойной коровы», поскольку вы зарабатываете много денег на существующих активах при минимальных инвестициях. Однако не все последствия такого турбулентного периода невыгодны.

(г) *The company's prospects are looking brilliant right now. The share price has only gone down because the market is generally down. Obviously the market is having an off day, and this is a marvellous opportunity for you to double your stake. You'll get shares today for far less than you paid for your present stake, and for astronomically less than their true value. What we're doing is called averaging out. The overall price you have paid for your shares is now. This is how the professionals make money in a **bear market**, you know. So now you've got... shares in... I'll ring you in the next account period, and I expect I'll have some very good news for you!* (BNC) – Перспективы компании прямо сейчас выглядят блестяще. Цена акций снизилась только потому, что рынок, как правило, падает. Очевидно, на рынке выходной, и это прекрасная возможность для вас удвоить свою ставку. Сегодня вы получите акции гораздо дешевле, чем заплатили за свою нынешнюю ставку. То, что мы делаем, называется усреднением. Общая сумма, которую вы заплатили за свои акции, – это сумма, оплаченная сейчас. Вот как профессионалы зарабатывают деньги на медвежьем рынке, вы знаете. Так что теперь у вас есть акции. Я позвоню вам в следующий отчетный период и полагаю, что у меня будут для вас очень хорошие новости!

(д) *Trials for the signalling system have been accelerated as BR examines the feasibility of introducing it on the entire 11,000-mile network. So far, BR has put into effect 19 of the 71 measures. Twenty-two others are being implemented, and plans are in hand for a further nine. BR has already*

begun the installation of aircraft-type 'black box' data recorders on new Network SouthEast trains, and is examining whether to make them a standard fitting in all trains. It is also speeding up the installation of cab radios linked to signal boxes, and is adopting major changes in management practice to ensure that the safety measures are properly implemented. (BNC) – Испытания систем сигнализации были ускорены, так как БР изучает возможность внедрения ее во всей сети протяженностью 11 000 миль. К настоящему времени БР ввел в действие 19 из 71 мер. Двадцать две другие находятся в стадии реализации, еще девять находятся в планах. Компания БР уже приступила к установке регистраторов данного типа «черный ящик» на новых поездах сети SouthEast и изучает вопрос об их установке на все поезда. Это также ускорит установку радиоприемников в кабине, связанных с сигнальными ящиками, и повлечет серьезные изменения в практике управления, чтобы гарантировать, что меры безопасности осуществляются должным образом.

Для ФЕ-терминов данной структурной модели характерно (а) как полное переосмысление компонентного состава: *confidence game* (букв. конфиденциальная игра) – *знач.* афера, схема, по которой мошенник завоевывает доверие своей жертвы, а затем обманывает его на деньгах, пользуясь его доверием; *halo effect* (букв. эффект хеллоу) – *знач.* положительное или отрицательное мнение о человеке, основанное на впечатлении, полученном в результате работы в одной области; *glass ceiling* (букв. стеклянный потолок) – *знач.* термин, описывающий дискриминацию, с которой часто сталкиваются женщины и меньшинства, пытаясь продвинуться до уровня высшего руководства организации; (б) так и частичное переосмысление, при котором сохраняется первоначальное значение первого или реже – второго компонента устойчивого терминологического словосочетания: *capital flight* (букв. полет

капитала) – *знач.* отток капитала, перемещение больших сумм денег из одной страны в другую, чтобы избежать политической или экономической суматохи или стремиться к более высокой норме прибыли; *decision tree* (букв. дерево решения) – *знач.* диаграмма решений, которая иллюстрирует все возможные последствия различных решений на разных этапах принятия решения; *comfort letter* (букв. письмо комфорта) – *знач.* письмо от одной из сторон юридического соглашения о том, что определенные действия, которые явно не предусмотрены соглашением, будут или не будут предприняты.

Модель 2. Adj + N. Рассматриваемая структура представляет собой одномерную двухкомпонентную адъективно-субстантивную модель, которая объединяет ФЕ-термины, с константной зависимостью компонентов:

(а) *automatic stay* (букв. автоматическая остановка) – the hold that a bankruptcy petition puts on all actions against a debtor, including sending demands for payment, filing a lawsuit, and repossession or foreclosure actions (с. 44) – постановление о том, что заявление о банкротстве возбуждает все действия против должника, включая отправку требований об оплате, подачу иска, а также действия о возврате или взыскании;

(б) *thin market* (букв. слабый рынок) – stock market situation where there are few bids to buy and few offers to sell; a thin market may apply to an entire class of securities or commodities futures such as small over-the-counter stocks or the platinum market or it may refer to a particular stock, whether exchange listed or over the counter; prices in thin markets generally are more volatile than in markets with great liquidity (с. 693) – вялый рынок – ситуация на фондовом рынке, когда есть мало заявок на покупку и мало предложений на продажу; вялый рынок может относиться ко всему классу ценных бумаг или товаров в будущем, например, к небольшим

внебиржевым акциям или платиновому рынку или к конкретным акциям, будь то биржевые или внебиржевые; цены на вялых рынках обычно более изменчивы, чем на рынках с большой ликвидностью;

(в) *free lunch* (букв. бесплатный ланч) – expression meaning something good available at no cost; the full expression is ‘there’s no such thing as a free lunch’ (с. 276) – выражение означает что-то хорошее, доступное бесплатно; полное выражение: «бесплатный сыр бывает только в мышеловке»;

(г) *frozen account* (букв. замороженный счет) – bank account from which funds may not be withdrawn until a LIEN is satisfied and a court order is received freeing the balance; a bank account may also be frozen by court order in a dispute over the ownership of property (с. 278) – банковский счет, с которого нельзя снимать средства до тех пор, пока залог не будет удовлетворен и не получено распоряжение суда, освобождающее баланс; банковский счет также может быть заблокирован по решению суда в споре о владении имуществом;

(д) *easy money* (букв. легкие деньги) – state of the national money supply when the Federal reserve system allows ample funds to build in the banking system, thereby lowering interest rates and making loans easier to get; *easy money* policies tend to encourage economic growth and, eventually, inflation (с. 210) – «дешевые деньги», состояние национальной денежной массы, когда Федеральная система резервов позволяет накопить достаточные средства в банковской системе, тем самым снижая процентные ставки и облегчая получение кредитов; политика легких денег, как правило, стимулирует экономический рост и, в конечном итоге, инфляцию.

Приведем иллюстрации контекстуального использования ФЕ-терминов данной модели из Британского национального корпуса:

(a) *The bankrupt may be required to submit accounts for the previous three years*

*and to provide additional information as may be required by the official receiver (rr 6.64-6.66). <...> Restriction on proceedings and remedies: After the making of a bankruptcy order, no creditor of the bankrupt in respect of a provable debt may commence any legal action against the bankrupt without the leave of the court (s 285(3)) and the court may also stay any action against the bankrupt pending in any court (s 285(1)). The bankruptcy order does not act as an **automatic stay** of all proceedings against the bankrupt. (BNC) – Банкроту может потребоваться представить счета за предыдущие три года и предоставить дополнительную информацию, которая может потребоваться официальному получателю (6,64-6,66 руб.). <...> Ограничение на процедуры и средства правовой защиты: После вынесения приказа о банкротстве ни один кредитор в отношении доказуемой задолженности не может начать какие-либо судебные иски против банкрота без разрешения суда (ст. 285 (3)) и суд может также приостановить любое действие против банкрота в любом суде (s 285 (1)). Распоряжение о банкротстве не является автоматическим приостановлением всех процедур против банкротства.*

(б) *The terms of the contracts should be precise enough for there to be an understandable relationship between the contract and the underlying physical. There should generally be convergence between exchange and physical prices as the contract moves towards expiry. There must be procedures for determining the market price for a contract at regular intervals, even in a **thin market**. The exchange has a continuing obligation to monitor markets and to identify and address potential abuses. If the exchange suspects that a trade has been effected for improper purposes it must investigate this. <...> Front running Breaches of these and similar standards may directly disadvantage a particular customer. (BNC) – Условия контрактов должны быть достаточно точными, чтобы существовала понятная связь между контрактом и базовым*

физическим документом. Как правило, должна быть конвергенция между биржевыми и физическими ценами, поскольку контракт движется к истечению срока действия. Должны быть процедуры для определения рыночной цены контракта через равные промежутки времени, даже на слабом рынке. Биржа по-прежнему обязана следить за рынками, выявлять и устранять возможные злоупотребления. Если биржа подозревает, что сделка была совершена в ненадлежащих целях, она должна расследовать это. <...> Несоблюдение этих и аналогичных стандартов может привести к неблагоприятным последствиям для конкретного клиента.

(в) *If our inflation fears are right, industry may pay for the cheaper pound through a tighter money policy and higher interest rates in years to come. Even if we are being too pessimistic, the loss of policy credibility implied by the pound's departure from the ERM is likely to see longer rates raised in line with increased currency and inflation risk premia. That may be a 'price worth paying' to relieve recession, but if economics tells us anything it is that there is no such thing as a free lunch.* (BNC) – Если наши опасения относительно инфляции верны, промышленность может заплатить за более дешевый фунт посредством более жесткой денежной политики и более высоких процентных ставок в ближайшие годы. Даже если мы слишком пессимистичны, потеря доверия к политике, обусловленная уходом фунта из МВО, может привести к повышению ставок в более длительном периоде в соответствии с повышением премии за валютный и инфляционный риск. Это может быть «ценой, которую стоит заплатить», чтобы уменьшить рецессию, но, если экономика говорит нам о чем-то, это означает, что такого понятия, как бесплатный обед, не существует.

(г) *The question may be raised as to what the position would be if the trust borrowed monies and the settlor simply gave*

a bank guarantee for the repayment of the borrowings by the trust. In the Wachtel case the settlor guaranteed the overdraft of the trust and was required to deposit with the bank a sum sufficient to cover the overdraft. The release of the monies in that frozen account occurred when the trust used monies to repay the loan it took from the bank. If there is no such frozen account the author is of the view that the legislation would still be offended. This is because as and when the trust repayed the loan which the settlor had guaranteed the settlor would benefit from being released from his guarantee obligations which he gave bounteously in the first place. (BNC) – Может возникнуть вопрос о том, какова будет позиция, если траст заимствовал деньги, а учредитель просто предоставил банковскую гарантию для погашения заемных средств трастом. В случае Вотчел учредитель гарантировал овердрафт траста и должен был внести в банк сумму, достаточную для покрытия овердрафта. Вывод денежных средств на этом замороженном аккаунте произошел, когда траст использовал денежные средства для погашения кредита, который он взял у банка. Если такого замороженного аккаунта нет, автор считает, что законодательство все равно будет нарушено. Это связано с тем, что, как только и когда траст погасил ссуду, которую учредитель гарантировал, он получит выгоду от освобождения от своих гарантийных обязательств, которые он дал в первую очередь безоговорочно.

(д) *McMillan was stopped in the eighth round because his left arm had been viciously dislocated from its shoulder socket – but at the time our Colin was hanging on for grim life. The protests flew thick and fast that McMillan should have been allowed to keep his crown <...>. But Hodgkinson had seen more than enough. If their domestic showdown does ever take place, he reckons: «I have to say it would be easy money for me». The World Boxing Organisation yesterday installed McMillan as the mandatory challenger to Palacio because of*

the unusual circumstances surrounding the defeat, which keeps the Hoko show-down still a possibility. McMillan was kept in hospital overnight as a precaution and was in a great deal of pain with his dislocated shoulder, plus the cuts and bruises he had to suffer. (BNC) — Макмиллан был остановлен в восьмом раунде, потому что его левая рука была жестоко вывихнута в плече – но в то время наш Колин держался за жизнь. Настоятельные протесты требовали позволить сохранить Макмиллану свой титул, <...>. Но Ходкинсон видел более, чем достаточно. Если их противостояние когда-нибудь состоится, прикидывал он: «Я должен сказать, что это были бы легкие деньги для меня». Всемирная боксерская организация вчера постановила, что Макмиллан является обязательным претендентом на Паласио из-за «необычных обстоятельств», окружающих поражение, что делает возможность боя «Хоко» по-прежнему возможной. В качестве меры предосторожности Макмиллана оставили в больнице на ночь, так как он чувствовал себя плохо от вывиха плеча, а также от порезов и ушибов, которые он получил.

Для ФЕ-терминов данной структурной модели характерно (а) как полное переосмысление компонентного состава: *American plan* (букв. американский план) – знач. полный пансион, договоренность с гостиницей, в соответствии с которой с делового человека взимается плата, включающая стоимость проживания, питания и услуг; *blue collar* (букв. голубой воротник) – знач. рабочий на производстве, работник, выполняющий работу, для которой часто требуется рабочая форма, которая может быть синего цвета; *white knight* (букв. белый рыцарь) – знач. дружественный инвестор, который делает новое (улучшенное) предложение о поглощении компании, чтобы спасти ее от контроля нежелательного участника; (б) так и частичное переосмысление, при котором, как правило, сохраняется первоначальное

значение второго компонента устойчивого терминологического словосочетания: *holding period* (букв. удерживающий период) – знач. период времени, в течение которого инвестиции находятся в собственности или ожидается их поступление; *life cycle* (букв. жизненный цикл) – знач. цикл развития, движение фирмы или ее продукта через этапы развития, роста, расширения, зрелости, насыщения и упадка; *soft market* (букв. мягкий рынок) – знач. слабый рынок, рынок, на котором спрос сократился или предложение росло быстрее, чем спрос, и на котором продажи по разумным ценам стали более трудными; рынок покупателей.

Модель 3. Ncomp + N. Рассматриваемая структура представляет собой одномерную двухкомпонентную сложно-субстантивную модель, которая объединяет ФЕ-термины с константной зависимостью компонентов, где первый компонент ФЕ-термина представляет собой составное существительное. Приведем примеры из анализируемого словаря:

(а) *background investigation* (букв. предварительное расследование) – process of examining a job applicant's past to determine how well his or her experience and skills match those required for the position (с. 46) – процесс изучения прошлого соискателя, чтобы определить, насколько хорошо его или ее опыт и навыки соответствуют тем, которые требуются для должности;

(б) *eurodollar bond* (букв. евродолларовая облигация) – bond that pays interest and principal in eurodollars (с. 230) – облигация, которая выплачивает проценты и основную сумму в евродолларах;

(в) *landmark decision* (букв. ориентировочное решение) – case that sets an important precedent (с. 373) – дело, которое устанавливает важный прецедент;

(г) *warehouse receipt* (букв. складская расписка) – document listing goods or

commodities kept for safekeeping in a warehouse; the receipt can be used to transfer ownership of that commodity, instead of having to deliver the physical commodity (с. 741) – документ с указанием товаров, хранящихся для безопасности на складе; квитанция может использоваться для передачи права собственности на этот товар вместо необходимости доставки физического товара;

(д) *windfall profit* (букв. принесенная ветром прибыль) – profit that occurs suddenly as a result of an event not controlled by the person or company profiting from it (с. 747) – прибыль, возникающая внезапно в результате события, не контролируемого человеком или компанией.

Приведем иллюстрации контекстуального использования ФЕ-терминов данной модели из Британского национального корпуса:

(a) *The committees have produced a considerable amount of valuable information which must assist M.P.s in their general task of scrutiny. The subjects studied have been wide ranging. They have not shied away from sensitive areas. In general it is felt that investigations into specific problems have been more valuable than wide ranging background investigations. The reports have attracted considerable publicity although only a tiny proportion of the reports have been debated in the House. Clearly where a committee can issue a quick and reasoned comment on a topical subject it has the greatest impact. Committees are beginning to time their reports to correspond with appropriate business, such as legislation or a planned debate and this ensures greater coverage of their report.* (BNC) – Комитеты собрали значительный объем ценной информации, которая должна помочь членам парламента решить проблему. Изучаемые предметы были весьма разнообразны. В целом считается, что расследования конкретных проблем были более ценными, чем широкомасштабные фоновые расследования. Эти доклады привлекли значительное внимание

общественности, хотя лишь незначительная часть докладов была представлена в Палату. Очевидно, что там, где комитет может быстро и аргументированно высказать свое мнение по актуальному вопросу, он оказывает наибольшее влияние. Комитеты начинают приурочивать свои доклады к соответствующим мероприятиям, таким как принятие законодательства или запланированное заседание, это обеспечивает более широкий охват доклада.

(б) *Besides these general points, market professionals suggest that holders of dollar eurobonds fall into five categories, namely: (i) UK money managers managing funds for US captive insurance companies, whose tax liabilities are not known in advance and who therefore have a preference for euro-issues. These form a stable investor base; (ii) Swiss investors, generally buying Eurodollar bonds on a US\$ currency view; (iii) domestic US investors, especially of US corporate name issuers; (iv) Japanese domestic investors, especially of equity-warrant bonds of Japanese issuers; (v) central banks and supranationals.* (BNC) – Помимо этих общих моментов, специалисты рынка предполагают, что держатели долларовых еврооблигаций делятся на пять категорий, а именно: (I) денежные менеджеры Великобритании, управляющие средствами для кэптивных страховых компаний США, чьи налоговые обязательства не известны заранее и которые, следовательно, предпочитают выпуск евро. Они формируют стабильную базу инвесторов; (II) швейцарские инвесторы, обычно покупающие облигации Евродоллара в валюте США; (III) внутренние инвесторы в США, особенно эмитенты фирменных наименований в США; (IV) японские внутренние инвесторы, особенно облигации японских эмитентов с ордером на акции; (V) центральные банки и наднациональные учреждения.

(в) *There is no general legal duty to cooperate with the police to assist their investigations. It may, however, be difficult to draw a line between acts and omissions for these purposes. In Stunt v. Bolton a man refused to hand over to the police the keys of a car which was causing an obstruction of the highway. He was adjudged guilty of the offence of obstruction. A refusal to answer police questions is plainly not an offence under section 51(3). In Rice v. Connolly, the landmark decision establishing that this is the law, it was said that this was so because a refusal to answer questions was not wilful, an expression that their Lordships interpreted to mean without lawful excuse.* (BNC) – Нет никакой общей юридической обязанности сотрудничать с полицией для содействия их расследованию. Однако, возможно, будет трудно провести границу между действиями и бездействием в этих целях. В деле «каскадер против Болтона» мужчина отказался передать полиции ключи от машины, которая создавала помехи на шоссе. Он был признан виновным в совершении преступления воспрепятствования осуществлению правосудия. Отказ отвечать на вопросы полиции явно не является преступлением по статье 51 (3). В деле Райс против Коннолли, знаменательном решении, устанавливающим, что это закон, было сказано, что это было так, потому что отказ отвечать на вопросы не был «умышленным», выражение, которое их Светлости интерпретировали как «без законного оправдания».

(г) *English merchant banks continued to buy the lion's share of the world's sterling documentary drafts during the remainder of the 19th century. English central banking policy was a major contributor to the development of this, the first worldwide, sterling denominated, documentary draft and bill of lading market. The Bank of England adopted a policy of encouraging self-liquidating commercial loans. A transaction that conveyed title to readily marketable staples by endorsement of the bill of lading or*

warehouse receipt to the commercial, and subsequently to the central banker was encouraged. A similar official encouragement became apparent in United States central banking policy in the middle of the 19th century. (BNC) – Английские торговые банки продолжали скупать львиную долю мировых документарных векселей в фунтах стерлингов в течение оставшейся части XIX века. Английская политика Центрального банка внесла значительный вклад в развитие этого первого в мире рынка документарных векселей и коносаментов, деноминированных в фунтах стерлингов. Банк Англии проводил политику поощрения «самоликвидирующихся» коммерческих кредитов. Поощрялась сделка, которая передавала право собственности на легко продаваемые основные продукты путем индоссамента коносамента или складской квитанции коммерческому лицу, а затем центральному банкиру. Аналогичное официальное поощрение проявилось и в политике Центрального банка Соединенных Штатов в середине XIX века.

(д) *It was held that this loss should be recoverable from the shipowners because they should reasonably have contemplated that the delay would have resulted in a loss. The ship-owners knew there was a commodity market at the destination and that prices would be liable to fluctuate so that any delay could lead to a diminution of the value of the cargo. Unfortunately this does not appear to work the other way; the ship-owners would not be entitled to any share in a windfall profit if the market value of the cargo increased dramatically and was sold for much more than if it had arrived on time.* (BNC) – Было решено, что эта потеря должна быть возмещена судовладельцами, поскольку они должны были разумно предполагать, что задержка приведет к убыткам. Судовладельцы знали, что в пункте назначения есть товарный рынок и что цены могут колебаться, так что любая задержка может привести к снижению стоимости груза. К сожалению, это, по-

видимому, не работает в обратном направлении; судовладельцы не имели бы права на какую-либо долю в сверхприбыли, если бы рыночная стоимость груза резко возросла и он был продан гораздо дороже, чем если бы он прибыл вовремя.

Для ФЕ-терминов данной структурной модели характерно (а) как полное переосмысление компонентного состава: *grandfather clause* (букв. дедушкина оговорка) – *знач.* условия договора или нового закона, по которому его действие не будет иметь обратной силы, *front-end load* (букв. груз переднего края) – *знач.* разовый комиссионный сбор за покупку), (б) так и частичное переосмысление, при котором сохраняется первоначальное значение второго компонента устойчивого терминологического словосочетания: *sweetheart deal* (букв. любовная сделка) – *знач.* соглашение между профсоюзом и работодателем, которое особенно выгодно последнему (часто на основе взяток или обещании не сокращать рабочие места), *sunshine law* (букв. закон солнечного света) – *знач.* закон штата или федеральный закон, также называемый законом об открытом обсуждении всех государственных вопросов, который требует, чтобы большинство заседаний регулирующих органов было публичным, а большая часть их решений и записей была раскрыта; *framework agreement* (букв. рамочное соглашение) – соглашение о разновидности регулярных товарообменных операций, когда ряд поставок разных подразделений корпорации могут компенсироваться крупными разовыми покупками с поддержанием в течение определенного срока фиксированного соотношения между ними по общей сумме.

Результаты и выводы

Работа представляет собой итог изучения семи с половиной тысяч словарных статей избранного словаря делового английского языка. Из данного языкового массива посредством метода

фразеологической идентификации произведена выборка двух сотен терминов делового языка, которые имеют фразеологический характер.

Посредством анализа полученной выборки установлено, что свыше 97% исследуемого объема языкового материала составляют ФЕ-термины субстантивного класса. Наиболее распространенными моделями, объединяющими изучаемые ФЕ-термины, являются следующие одномерные модели:

1) модель N + N – одномерная двухкомпонентная субстантивно-субстантивная модель, которая объединяет ФЕ-термины, с константной зависимостью компонентов;

2) модель Adj + N – одномерная двухкомпонентная адъективно-субстантивная модель, которая объединяет ФЕ-термины, с константной зависимостью компонентов;

3) модель N_{comp} + N – одномерная двухкомпонентная сложно-субстантивная модель, которая объединяет ФЕ-термины с константной зависимостью компонентов, где первый компонент ФЕ-термина представляет собой составное существительное.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что для изучаемого участка деловой терминологии современного английского языка вариантность не характерна. В случае частичного переосмысления ФЕ-термина второй компонент, как правило, сохраняет свое первоначальное значение.

Важность данной работы состоит в пополнении банка данных для составления «типологического паспорта» (идея В. Д. Аракина) фразеологии языка (Аракин, 1983: 35). Перспектива данной работы состоит в изучении синонимии ФЕ-терминологии.

Список литературы

Аракин, В. Д. Структурная типология русского и некоторых германских языков (единицы сопоставительно-типологического

анализа языков): автореф. дис. ...д-ра филол. наук в форме науч. докл. М., 1983. 38 с.

Комарова, З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. М.: ФЛИНТА, Наука, 2018. 820 с.

Кунин, А. В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1964. 1229 с.

Кунин, А. В. Фразеология современного английского языка: опыт систематизированного описания. М.: ИМО, 1972. 288 с.

Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., Дубна: Феникс, 1996. 381 с.

Пыж, Ю. М., Федуленикова Т. Н., Иванов А. В., Куприна Т. В. Фразеология и терминология: Грани пересечения: Монография // Идиоматика в сфере английской юридической терминологии / Архангельск: Поморский ун-т. 2009. С. 86–95.

Сидякова, Н. М. Компаративная фразеологическая единица и сложное слово // Проблемы межкультурной коммуникации в современном образовательном пространстве: Материалы международ. науч.-практ. конф. Тобольск. 2003. С. 70–72.

Федуленикова, Т. Н. Одномерные и двумерные модели в английской, немецкой и шведской фразеологии: монография. Архангельск: САФУ, 2015. 216 с.

Федуленикова, Т. Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков: курс лекций. М.: Изд. дом Академии Естествознания, 2012. 220 с.

BNC = British National Corpus, Retrieved from <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>.

Fedulenkova, T. Identification and acquisition of multi-word terms in Business English domains // EUROPHRAS 2015: Computerised and Corpus-based Approaches to Phraseology: Monolingual and Multilingual Perspectives / G.P. Pastor, M.B. Castro, R. Gutierrez (Eds.). Malaga. 2015. Pp. 229–301.

Fedoulenkova, T. Idioms in Business English: Ways to Cross-cultural Awareness // Linguistics Insights: Studies in Language and Communication. Vol. 2: Domain-specific English / Giuseppina Cortese & Philip Riley (Eds.). Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt-am-Mein, New York, Oxford, Wien: Peter Lang. 2002. Pp. 247–269.

Friedman, J. P. Dictionary of business terms: [More than 7,500 clear definitions of key terms used throughout the business world]. Hauppauge (N. Y.): Barron's, Cop., 2000. 767 p.

Gläser, R. Relations between Phraseology and Terminology in English for Special Purposes // Linguistic Features and Genre Profiles of Scientific English / Rosemarie Gläser (Ed.). Frankfurt-am-Mein, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien: Peter Lang GmbH. 1995. Pp. 33–57.

Naciscione, A. Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics. Riga: Latvian Academy of Culture, 2001. 283 p.

Naciscione A. Translation of Terminology: Why Kill the Metaphor? // Proceedings of the Third Riga Symposium on Pragmatic Aspects of Translation. Riga: University of Latvia. 2003. Pp. 102–115.

References

Arakin, V. D. (1983), Structural typology of Russian and some Germanic languages (units of comparative typological analysis of languages). Abstract of D. Dc. Dissertation, Moscow, Russia. (*In Russian*)

Komarova, Z. I. (2018), *Metodologiya, metod, metodika i tehnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Methodology, method, techniques and technology of scientific research in linguistics], FLINTA, Nauka, Moscow, Russia. (*In Russian*)

Kunin, A. V. (1964), Basic concepts of the English phraseology as a linguistic discipline and creation of the English-Russian phraseological dictionary, D. Sc. Thesis, Moscow, Russia. (*In Russian*)

Kunin, A. V. (1972), *Frazeologija sovremennogo anglijskogo jazyka: opyt sistematizirovannogo opisania* [The phraseology of modern English: experience of systematized description], IMO, Moscow, Russia. (*In Russian*)

Kunin, A. V. (1996), *Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo jazyka* [A course on phraseology of Modern English], Feniks, Dubna; Vysshaya Shkola, Moscow, Russia. (*In Russian*)

Pyzh, Yu. M., Fedulenkova T. N., Ivanov A. V., Kuprina T. V. (2009), Idiomatics in the field of English legal terminology, *Frazeologiya i terminologiya: Grani peresecheniya: Monografiya*, Russia, 86–95. (*In Russian*)

Sidyakova, N. M. (2003), Comparative phraseological unit and complex word, *Problemy mezhkul'turnoj kommunikatsii v sovremennom*

obrazovatel'nom prostranstve: materialy mezhdunarod. nauch.-prakt. konf [Problems of intercultural communication in the modern educational space], Tobolsk, Russia, 70–72. (In Russian)

Fedulenkova, T. N. (2015), *Odnomernye i dvumernye modeli v anglijskoj, nemetskoj i shvedskoj frazeologii: monografiya* [One-dimensional and two-dimensional models in English, German and Swedish phraseology: monograph], SAFU, Arkhangelsk, Russia. (In Russian)

Fedulenkova, T. N. (2012), *Sopostavitel'naya frazeologiya anglijskogo, nemetskogo i shvedskogo yazykov* [Comparative phraseology of English, German and Swedish], Publishing House of the Academy of Natural Sciences, Moscow, Russia. (In Russian)

BNC = *British National Corpus*, available at <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (Accessed 10 October 2020).

Fedulenkova, T. (2015), Identification and acquisition of multi-word terms in Business English domains, *EUROPHRAS 2015: Computerised and Corpus-based Approaches to Phraseology: Monolingual and Multilingual Perspectives*, Malaga, 229–301.

Fedoulenkova, T. (2002), Idioms in Business English: Ways to Cross-cultural Awareness, *Linguistics Insights: Studies in Language and Communication*, Peter Lang GmbH, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt-am-Mein, New York, Oxford, Wien, 2, 247–269.

Friedman, J. P. (2000), *Dictionary of business terms*: [More than 7,500 clear definitions of key terms used throughout the business world, 3th ed. Barron's, Cop, Hauppauge (N. Y.).

Gläser, R. (1995), Relations between Phraseology and Terminology in English for Special Purposes, in Rosemarie Gläser (ed.) *Linguistic Features and Genre Profiles of Scientific English*, Peter Lang GmbH, Frankfurt-am-Mein, Berlin, Bern, New York, Paris, Wien, 33–57.

Naciscione, A. (2001), *Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics*, Latvian Academy of Culture, Riga.

Naciscione, A. Translation of Terminology: Why Kill the Metaphor? *Proceedings of the Third Riga Symposium on Pragmatic Aspects of Translation*, University of Latvia, Riga, 102–115.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, член Российского Профессорского Собрания.

Tatiana N. Fedulenkova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Correspondent Member of RANH, Member of Russian Professorial Board.

РАЗДЕЛ III. ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ SECTION III. FOREIGN LITERATURE

УДК [821.111–1(411):(73)] “18”

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-8

Велилаева Л. Р.

Роберт Бернс в творчестве шотландских
поэтов-эмигрантов США XIX в.

Крымский инженерно-педагогический университет
пер. Учебный, 8, г. Симферополь, Республика Крым, 295015, Россия
E-mail: lilivelilaeva@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-6491-8633

Статья поступила 26 ноября 2020 г.; принята 22 декабря 2020 г.;
опубликована 30 декабря 2020 г.

Аннотация. В статье анализируется образ Роберта Бернса в шотландской эмиграционной поэзии США XIX в. в контексте восприятия знаковых литературных персоналий в творчестве писателей Шотландии и шотландских поэтов-эмигрантов. **Актуальность.** Предпринята попытка определения критериев выбора символических фигур и художественных составляющих данных образов, которые будут актуальны для других национальных литератур. **Методы исследования.** Для выявления специфики изображения Р. Бернса у шотландцев в Шотландии и шотландцев-американцев проведен жанрологический и компаративный анализ на разных уровнях: социокультурном, биографическом и поэтологическом. **Результаты исследования.** Социокультурный уровень фиксирует неоднозначность восприятия творчества как Р. Бернса в Шотландии, так и шотландских поэтов-эмигрантов в Америке. Хотя образ Р. Бернса в США XIX в. уже был знакомым и узнаваемым, к нему нередко обращаются видные политические деятели. Биографический уровень обнаруживает схожесть биографий Р. Бернса и поэтов-эмигрантов, а поэтологический уровень – схожесть их творчества в двух исследованных аспектах: антропонимическом и жанрово-стилевым. **Выводы.** Художественный образ Р. Бернса в творчестве шотландских поэтов-эмигрантов: 1) обладает устойчивыми признаками (безусловная позитивная оценочность, лаудативность); 2) превращается из образа национального поэта в мифогенную личность, основу которой составляет шотландская традиционность и фольклорность. Именно эти признаки стали актуальными для США XIX в. – государства, формирующего свою национальную идентичность. **Ключевые слова:** Шотландия; США; XIX в.; Эмиграция; Поэтика; Поэт; Р. Бернс.

Информация для цитирования: Велилаева Л. Р. Роберт Бернс в творчестве шотландских поэтов-эмигрантов США XIX в. // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, №4. С. 84-91. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-8

Lilia R. Velilaeva

Robert Burns in the creative works of Scottish poets-emigrants of the USA of the XIX century

Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University
8 Uchebnaya St., Simferopol, Republic of Crimea, 295015, Russia
E-mail: lilivelilaeva@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0002-6491-8633

Received 26 November 2020; accepted 22 December 2020; published 30 December 2020

Abstract. The article analyzes the image of Robert Burns in Scottish émigré poetry in the United States in the 19th century in the context of the perception of iconic literary personalities in the work of Scottish writers and Scottish émigré poets. An attempt was made to determine the criteria for the selection of symbolic figures and artistic components of these images, which will be relevant to other national literatures. In order to identify the specificity of R. Burns' portrayal by the Scottish in Scotland and the Scottish-Americans the genrological and comparative analysis on different levels was conducted: socio-cultural, biographical and poetic. Sociocultural level fixes the ambiguity of creative works perception both of Robert Burns' in Scotland and Scottish émigré poets in the USA. Although the image of R. Burns was already familiar and recognizable in the nineteenth-century United States, he is often referred to by prominent political figures. The biographical level reveals the similarity between the biographies of R. Burns and the émigré poets, while the poetological level reveals the similarity between their works in the two studied aspects: anthroponymic and genre-style. The artistic image of R. Burns in the works of Scottish émigré poets 1) has stable features (unconditional positive evaluation, laudativeness); 2) turns from the image of a national poet into a mythogenic personality, the basis of which is Scottish traditionalism and folklore. It is these features that became relevant for the nineteenth-century United States, a state forming its national identity.

Keywords: Scotland; USA; XIX century; emigration; poetics; poet, R. Burns

How to cite: Velilaeva, L. R. (2020). Robert Burns in the creative works of Scottish poets-emigrants of the USA of the XIX century. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.6 (4), 84-91, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-8

Введение

Среди образов шотландских писателей, философов, общественных и церковных деятелей образ Роберта Бернса занимает в творчестве шотландских поэтов-эмигрантов центральное место. Эта ситуация общеизвестна, однако до сих пор не обращалось внимания на ее парадоксальность. В метрополии (т.е. в самой Шотландии) наличие фигуры поэта-национального гения, поэта-национального героя, поэта-«отца нации» является нормой. В эмиграции, где все

окружение поэта-эмигранта принадлежит другой культуре, другой литературе, такое положение не является привычным. Данные функции связаны с отмеченностью самой фигуры поэта, его особым положением.

Сама поэзия считалась «языком богов», ритуальной речью, используемой в ритуальных ситуациях. Главным действующим лицом ритуальной ситуации являлся вождь ритуала – жрец или шаман. Позднее его функции в значительной степени перенял поэт (Новикова, 2007:

127). Именно поэтому в каждой национальной культуре имеются такие «поэты-символы», поэты-«отцы нации», которые становятся выразителями общенациональных мироощущений и надежд. В шотландской национальной культуре, достаточно традиционалистской, даже в XVIII в. поэт продолжал выполнять роль судьи, советчика, наставника. Он оставался обладателем «вещего языка», и с его помощью выполнял функции летописца своего края, изблечителя и воспевателя соотечественников (Новикова, 2007: 134). Таким образом, фигура «первого национального поэта» актуальна лишь для тех культур и стран, где еще жив мифопоэтический менталитет, традиция относится к поэту как к носителю и регулятору высших ценностей данного народа и данной культуры.

При такой установке у исследователя возникает ряд вопросов. Действительно ли центральной фигурой у шотландцев на чужбине стал именно Роберт Бернс? Типично ли это явление только для шотландской эмиграции, или для любой эмиграции в США, или для эмиграции вообще?

В частности, всякая эмиграция меняет литературный ракурс мировидения. Она расставляет другие акценты, т.к. условия пребывания в эмиграции являются для писателей-эмигрантов нестандартными и даже экстремальными. Т.о. актуальным становится вопрос: способен ли существовать в эмиграционном контексте поэт-символ, поэт-воплощение характера всей нации или подобный тип персонажа вообще не применим к эмиграционной литературе и может существовать только в литературе метрополиейной?

Кроме указанной выше парадоксальности, до сих пор не вполне прокомментирована контентная и стилевая специфика образа Роберта Бернса в творчестве шотландских поэтов в целом, поэтов-эмигрантов в особенности. Поскольку материалом нашего изучения

служит, прежде всего, поэзия шотландских эмигрантов XIX в., то первым предстоит ответить на вопрос: одинаково ли было восприятие РБ как социального и литературного явления в метрополии (Шотландии) и в эмиграции (США)? Соответственно, в предлагаемой статье будет рассмотрена совокупность стихов, посвященных Бернсу, в обоих дискурсах. Что же касается XIX века, – он был выбран как период, когда шотландская эмиграция и в США, и в Канаде достигла максимальных количественных показателей.

Новизна и актуальность: Предлагаемое исследование затрагивает проблему восприятия авторитетных литературных фигур в творчестве эмиграции и метрополии с двух сторон: 1) определения критериев выбора таких символических фигур и 2) художественных составляющих этих образов. Предположительно – наш подход актуален для любой национальной эмиграции.

Цель работы – выявить особенности функционирования образа Роберта Бернса в текстах «бернсовского цикла» шотландских поэтов-эмигрантов США XIX века. Данная цель предполагает решение следующих **задач**: 1) проанализировать содержательную и эстетическую систему в шотландском метрополиейном и американском эмиграционном контекстах разных уровней: социокультурном, биографическом, поэтологическом; 2) определить черты сходства и различий; 3) выявить доминанты в каждом из контекстов.

Материалы и методы исследования

Проанализирован корпус текстов 28 авторов, состоящий из 110 произведений в оригинале и в новейших русских переводах проф. М.А. Новиковой. При проведении исследования применены методы компаративного анализа, жанрологического анализа, сравнительно-типологического и историко-биографического методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Творчество Р. Бернса уже рассматривалось в отечественном литературоведении неоднократно (Н. Алеева (Алеева, 1876), Е.Н. Елистратова (Елистратова, 1957), Д.Н. Жаткин (2015), Б.И. Колесников (Колесников, 1967), Ю.Д. Левин (Левин, 1981), П.М. Топер (Топер, 1998) и др.). В зарубежном литературоведении оно также не раз становилось объектом специальных научных разысканий (Д. Фергюсон (Ferguson, 1939), Т. Кроуфорд (Crawford, 1940), Дж. Кинсли (Kinsley, 1971), К. Виттинг (Witting, 1958), Дж. Керафес (Carruthers, 2009), Дж. Скоблов (Skoblow, 2001) и др.). В то же время весь этот массив литературно-критических и собственно литературоведческих работ даже не затрагивал трактовки образа Бернса в шотландской эмиграционной поэзии XIX века и не сопоставлял эти трактовки с тем же образом в Шотландии. Между тем такой ракурс мог бы по-новому осветить не только фигуру Бернса, но и узловые проблемы литературоведческой эмиграционности.

Для понимания специфики изображения Р. Бернса у шотландцев в Шотландии и шотландцев-американцев важно прояснить черты сходства и различия на разных уровнях.

Социокультурный уровень. Р. Бернс в Шотландии, так же как и шотландские поэты-эмигранты, не сразу вошел в литературный контекст как своей эпохи, так и шотландской литературы в целом. Шотландия конца XVIII-XIX вв. уже начинает искать других ценностей: материальных, т.к. уровень жизни страны оставался низким, а экономическое положение – по-прежнему неустойчивым. Такая реальность плохо коррелировала с доминантными мотивами бернсовской поэзии: мотивами свободы и патриотизма.

Шотландские поэты-эмигранты также смогли стать значимой литературой ни для Шотландии, ни для США, несмотря

на свой самобытный стиль и незаурядный контент их поэзии.

Отдельно следует прокомментировать оценку творчества Роберта Бернса в США. Фигура Бернса для американского общества (литературного, в том числе) была в XIX в. не новой. Авраам Линкольн, в январе 1865 г. посетивший собрание Бернсовского клуба в г. Вашингтон, произнес тост, восхваляя Р. Бернса и как личность, и как поэта (Crawford, 1997: 136). Американские поэты (Р.В. Эмерсон, Дж.Р. Лоуэлл, О.В. Холмс, Дж. Г. Уитгьер, У. Уитмен) также трактуют Р. Бернса как одного из самых знаковых деятелей Великобритании. У. Уитмен называет его самым выдающимся среди поэтов Великобритании, подчеркивая, что стихи его очень близки и понятны американцам (Whitman, 1886: 427-435).

В повседневной жизни шотландских эмигрантов творчество Р. Бернса было тесно связано с деятельностью различных сообществ: Бернсовских клубов (Burns Clubs), Каледонских клубов (Caledonian Clubs), Сообщества Св. Андрея (St. Andrew's Society), Орден шотландских кланов (Order of Scottish Clans), Орден сыновей Шотландии (Order of Sons of Scotland) (Ross, 1899: 114) и др. Организации эти были широко распространены на территории США. Их главным занятием сделались популяризация шотландской истории, культуры и литературы.

Биографический уровень. Р. Бернс, как и большинство шотландских поэтов-эмигрантов, были выходцами из сельской местности. Однако их происхождение не помешало им получить хорошее образование (в большой степени благодаря самообразованию). Это во многом определило тематико-мотивный аспект их стихотворений, с одной стороны, специфику «своей» национальной аудитории, с другой.

Именно благодаря своему сельскому происхождению и Р. Бернс, и поэты-эмигранты хорошо знали низовые

шотландские традиции, народную культуру и фольклор, свободно изъяснялись на родном скотсе. После объединения Англии с Шотландией (1707) в городской среде начали активно насаждаться английский язык, английская культура и английские традиции. Для сельского населения связь со всем шотландским оставалась насущной. Шотландцы-селяне по-прежнему жили своим многовековым укладом и решительно сопротивлялись англизации.

Поэтологический уровень.

Антропонимический аспект. Образ Роберта Бернса является наиболее популярным в поэтических текстах шотландских эмигрантов. Имя Роберта Бернса упоминается в 14 текстах из 110 проанализированных стихотворений. Упоминание Роберта Бернса фиксируют названия и/ сильные текстовые позиции (начало, рефрены, конец) 8 текстов. Примерами могут послужить стихотворения Дж. Кеннеди «To the Shade of Burns», в переводе «К тени Бёрнса»; Дж. Мэсси «Praise to the Bard, whose mighty hand...», в переводе «Роберт Бёрнс»; П. МакФерсона «Scotia's Bard», в переводе «Шотландский бард» и Scotland, в переводе «Шотландия»; В. Эндерсона «There's nae land like old Scotland», в переводе «Чья Родина краше?..»; Х. МакКаллоха «Dinna forget», в переводе «Не забывайте» и др.

Жанрово-стилевой аспект. Львиную долю стихотворений Роберта Бернса поэты-эмигранты относят к жанру песни (sangs, lays) потому что сам поэт часто обращался именно к шотландским фольклорным песням и балладам, заимствуя оттуда сюжеты и мотивы. Однако заимствование это шло не только на узко-текстовом уровне, а и на уровне историко-типологическом. Именно благодаря Р. Бернсу шотландцы (и не только они) хорошо знали свой фольклор. А сквозь призму фольклора формировалась шотландская картина

мира, усваивалась «шотландскость» как социокультурное качество.

Впрочем, жанровый репертуар Р. Бернса был шире, чем только песенная традиция. Поэт обращался к жанрам оды, послания, стихотворного посвящения. Для поэтов-его последователей было особенно важно не ограничиваться 1-2 самыми ходовыми жанрами, но изобразить «шотландского барда» во всём многообразии национальной традиции.

Постепенно мотив бессмертия поэта вырастает до его – почти религиозной – беатификации и канонизации: «<...> Of Scotia's bard we are ever proud; / Our homage true to the inmost core. /Till life is ended and in our shroud / With joy exultant when the day returns, / We'll meet to honour immortal Burns.» (Ross, 1897: 39-41). У Бернса, как у святого, появляется свой праздник (Burns' Night), ставший международным. Высказывается уверенность, что с Бернсом шотландцы обязательно встретятся в раю. Бернс делается синонимом национальной памяти: «<...> Who taught the lords of lofty domes / That worth may dwell in lowly homes / And noble patriot pride, / And points the great Creator's plan / Till man's humanity to man / Shall stem oppression's tide. <...>» (Ross, 1889: 214-215).

Жанр послания актуализирует иную тематику: тему дружбы. Дружба охватывает разные стороны и уровни бытия: от общих школьных проказ до участия в традиционных – национальных или региональных – трудах и досугах. Наконец, дружба становится первой ступенью к чувству патриотизма и национального единства – чувствам, которых так не хватало в эмиграции. «<...> And we whose childhood's home was thine, / What joy thy memory brings! / To us thou seem'st as more divine / Than earth-created things. / For all youth's fairy scenes and glee, / Loves, hopes and fancies fain, / In Poesy's art illumed by thee, / Come back to us again <...>» (Kennedy, 1920: 66-67). При этом Бернс делается центральной фигурой в кругу расширяющихся «зон ценностей»:

двор – дом – школа – родное село – церковь – родной край – небесный рай. Песни Бернса превращаются в «певчие проповеди», а проповеди – в «Божьи песни». Сам же поэт объединяет функции народного певца и народного проповедника. («singing preacher, Burns» (Ross, 1987: 178)).

Так, наряду с универсальными характеристиками, появляются те, которые особенно злободневны для эмиграционного контекста. Шотландцы-эмигранты лично ощутили, что они живут в государстве многонациональном, притом молодом. Такое специфическое общество нуждается не только в экспериментах, инновациях, но и в культурных традициях, которые объединяют всех граждан. Именно такую консолидирующую функцию выполнял для шотландцев и других эмигрантов образ Роберта Бернса: «And though from many lands they came, / To brotherhood they've grown, / By thee their pulses throb the same, / Their hearts are all thy own.» (Kennedy, 1920: 66).

Бёрнс функционировал в поэзии шотландских эмигрантов XIX века не просто как чисто литературный образец. Он действовал в инокультурном (американском) и канадском контексте как ««могучая» (mighty) мифогенная и этногенная личность. Он в полной мере является для шотландцев мифопоэтическим культурным героем. Для шотландцев диаспоры он стал вполне сопоставим с аналогичными фигурами шотландского Средневековья и Ренессанса, позднее – Романтизма: от поэта-предсказателя Томаса Лермонта (между 1220-1297 гг.), через ясновидца Вильяма Дунбара (?1460-?1520) и выходца из англо-шотландского пограничья Вильяма Шекспира (1564-1616), вплоть до всеевропейского романтического кумира, шотландца по матери Джорджа Гордона Байрона. Такая трактовка образа национального поэта в XIX веке и для Старого, и для Нового Света содержала бесспорный элемент новизны. Тем самым

шотландские эмигранты вносили свою долю новаторства в историю не только шотландской, но и американской литературы XIX века» (Велилаева, 2019).

Выводы

1. Р. Бернс и шотландские поэты эмигранты имели схожие биографии и предпочтения в жанрово-стилевом и тематико-мотивном аспектах.

2. Образ Роберта Бернса в творчестве шотландских поэтов эмигрантом имеет ряд устойчивых признаков, характеризующихся безусловной позитивной оценочностью и лаудативностью.

3. Новаторством шотландских поэтов-эмигрантов для литературоведческой эмиграционистики является создание образа национального поэта как мифогенной личности. Мифогенный образ Роберта Бернса, апеллирующий к шотландской традиционности и фольклорности, становится актуальным для США XIX в.

4. Предлагаемый в статье подход представляется возможным применять к исследованию проблемы восприятия авторитетных литературных фигур в творчестве эмиграции и метрополии любой национальной литературы.

Список литературы

Алеева Н. [Утина Н. И.]. Роберт Бернс (Шотландский народный поэт) // Дело. 1876. № 5. Отд. I. С. 257–292; № 6. Отд. I. С. 179-234.

Велилаева Л. Р. Эмиграционный и метрополийный дискурсы шотландской поэзии XIX века: монография. Симферополь: ИП Хотеева Л.В., 2019. 172 с.

Елистратова А.А. Роберт Бернс: Критико-биографический очерк. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 160 с.

Жаткин Д.Н. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 5 (61). С. 280-284.

Жаткин Д.Н. У истоков русской рецепции поэзии Роберта Бернса // Известия высших

учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 3 (35). С. 104–118.

Колесников Б.И. Роберт Бернс. Москва: Просвещение, 1967. 240 с.

Левин Ю.Д. Бернс Роберт // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В.А.Мануйлов. М.: Сов. энциклопедия, 1981. С. 57.

Новикова М.А., Велилаева Л.Р. Писательская биография как интержанр и интертекст переводной антологии/хрестоматии (к постановке проблемы) // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход / Материалы II Всероссийской научно-практич. конференции. Симферополь: ИТ «АРИАЛ». 2018. С. 414–419.

Топер П.М. Перевод и литература: творческая личность переводчика // Вопросы литературы. 1998. Вып.6. С. 178-199. URL: <https://voplit.ru/article/perevod-i-literatura-tvorcheskaya-lichnost-perevodchika/>

Шотландии кровавая луна: Антология шотландской поэзии (с XIII-го века до века XX-го) / М.А. Новикова (сост., пер., комм.). Симферополь: СОНАТ; Крымский Архив, 2007. 320 с.

Anderson W. There's nae land like old Scotland // Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. New York: Walter W. Reid, Publishers. Pp. 354-355.

Carruthers G. Scottish literature. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 228 p.

Carruthers G. The Edinburgh Companion to Robert Burns. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 198 p.

Crawford Th. Burns: A study of the Poems and Songs. California: Stanford University Press, 1960. 420 p.

Ferguson D. Pride and Passion. Robert Burns 1759-1796. New York: Oxford University Press, 1939. 330 p.

Kennedy J. The Scottish and American poems of James Kennedy. New York: J.S. Ogilvie Publishing Co., 1920. 247 p.

Kinsley J. Burns: Poems and Songs. New York: Oxford University Press, 1971. 800 p.

Lindsay M. History of Scottish literature. London: Robert Hale, 1977. 512 p.

Ross J.D. A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices. New York: Walter W. Reid, Publishers, 1897. 377 p.

Robert Burns and cultural authority / Ed. by R. Crawford. Iowa: University of Iowa Press, 1997. Pp. 136.

Ross J.D. Scottish Poets in America with biographical and critical notices. – New York: Pagan&Ross, Publishers, 1889. Pp. 214-215.

Ross J.D. The Burns Almanac. New York: Walter W. Reid, 1899. P. 114.

Scott, T. The Penguin book of Scottish Verse. Intro. and ed. T. Scott. London: Penguin, 1976. 519 p.

Skoblow J. Dooble Tongue: Scots, Burns, Contradiction. Newark: University of Delaware Press, 2001. 268 p.

Smith, J.C. Some Characteristics of Scots Literature. Oxford: Horace Hart, 1912. 12 p.

The Edinburgh History of Scottish Literature. Enlightenment, Britain and Empire / ed. by Brown I., Clancy O., Manning S. Edinburgh University Press, 2007. In 3 vol. Vol. 2. 390 p.

The History of Scottish Literature / ed. by R. D. S. Jack; general ed. Cairns Craig. Aberdeen: Aberdeen University Press, 1989. Vol. 1: Origins to 1660. 322 p.

The poets and poetry of Scotland: from the earliest to the present time, comprising characteristic selections from the works of the more noteworthy Scottish poets; with biographical and critical notices / ed. by J.G. Wilson. New York: Harper & brothers, 1876. In 2 vol. Vol. 2. 560 p.

Whitman W. Robert Burns as a Poet and a Person. The North American Review. Vol. 143, No. 360 (Nov., 1886). Pp. 427-435.

Wittig K. The Scottish Tradition in Literature. Edinburgh and London: Oliver and Boyd, 1958. 360 p.

References

Aleeva, N. [Utina, N. I.] (1987), Robert Burns (Scottish folk poet), *Delo*, 5, 257–292; 6, 179–234. (*In Russian*)

Velilaeva, L.R. (2019), *Jemigracionnyj i metropolijnyj diskursy shotlandskoj poezii XIX veka: monografija* [Emigrational and metropolitan discourses of Scottish poetry of the XIXth century], I.P. Khoteeva, Simferopol, Russia. (*In Russian*)

Elistratova, A.A. (1960), *Robert Berns: Kritiko-biograficheskij ocherk* [Robert Burns: a short biographical sketch], Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, Moscow, Russia. (*In Russian*)

Zhatkin, D.N. (2008), Robert Burns in early Russian translations (problem statement), *Tambov University Review. Series: Humanities*, 5, 280-284. (In Russian)

Zhatkin, D.N. (2015), At the sources of Russian reception of Robert Burns' poetry, *University Proceedings Volga Region, Humanities*, 3(35), 104–118. (In Russian)

Kolesnikov, B.I. (1967), *Robert Burns*, Prosveshhenie, Moscow, Russia. (In Russian)

Levin, Ju. (1981), *Burns Robert*, Sov. entsiklopedija, Moscow, Russia. (In Russian)

Novikova, M.A., Velilaeva, L.R. (2018), Writer's biography as intergender and intertext (problem statement), *Materialy II Vserossijskoj nauchno-praktich. Konferencii, Perevodcheskij diskurs: mezhdistsiplinarnyj podkhod* [Translation discourse: an interdisciplinary approach], Simferopol, Russia, 414–419. (In Russian)

Topey, P.M. (1998), Translation and literature: creative personality of the translator, *Voprosy literatury*, 6, 178-199, available at: <https://voplit.ru/article/perevod-i-literatura-tvorcheskaya-lichnost-perevodchika/> (Accessed 10 September 2020). (In Russian)

Scotland's bloody moon: An Anthology of Scottish poetry (from the XIIIth till the XIXth c.) (2007), SONAT, Krymskij Arkhiv, Simferopol, Russia. (In Russian)

Anderson, W. (1897), There's nae land like old Scotland in Ross J.D. (ed.), *A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices*, Walter W. Reid, Publishers, New York, 354-355.

Carruthers, G. (2009), *Scottish literature*, Edinburgh University Press, Edinburgh.

Carruthers, G. (2009), *The Edinburgh Companion to Robert Burns*, Edinburgh University Press, Edinburgh.

Crawford, Th. (1960), *Burns: A study of the Poems and Songs*, Stanford University Press, California.

Ferguson, D. (1939), *Pride and Passion, Robert Burns 1759-1796*, Oxford University Press, New York.

Kennedy, J. (1920), *The Scottish and American poems of James Kennedy*, J.S. Ogilvie Publishing Co., New York.

Kinsley, J. (1971), *Burns: Poems and Songs*, Oxford University Press, New York.

Lindsay, M. (1977), *History of Scottish literature*, Robert Hale, London.

Ross J.D. (1897), *A cluster of poets Scottish and American, with biographical and critical notices*. New York: Walter W. Reid, Publishers, 33-215.

Robert Burns and cultural authority (1997), in R. Crawford (ed.), University of Iowa Press, Iowa.

Ross, J.D. (1889), *Scottish Poets in America with biographical and critical notices*, Pagan&Ross, Publishers, New York, 214-215.

Ross, J.D. (1899), *The Burns Almanac*, Walter W. Reid, New York, 114.

Scott, T. (1976), *The Penguin book of Scottish Verse*, Penguin, London.

Skoblow, J. (2001), *Dooble Tongue: Scots, Burns, Contradiction*, University of Delaware Press, Newark.

Smith, J.C. (1912), *Some Characteristics of Scots Literature*, Oxford: Horace Hart.

The Edinburgh History of Scottish Literature. Enlightenment, Britain and Empire (2007), in Brown I., Clancy O., Manning S. (ed.), Edinburgh University Press.

The History of Scottish Literature (1989), in R.D.S. Jack, Cairns Craig (ed.). Aberdeen: Aberdeen University Press.

The poets and poetry of Scotland: from the earliest to the present time, comprising characteristic selections from the works of the more noteworthy Scottish poets; with biographical and critical notices (1876), in J.G. Wilson (ed.), New York: Harper & brothers.

Whitman, W. Robert Burns as a Poet and a Person, *The North American Review*, 143 (360), 427-435.

Wittig, K. (1958), *The Scottish Tradition in Literature*, Edinburgh and London: Oliver and Boyd.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Велилаева Лилия Раимовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Крымского инженерно-педагогического университета.

Lilia R. Velilaeva, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of English Philology, Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University.

РАЗДЕЛ IV. ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА
SECTION IV. APPLIED LINGUISTICS

УДК 81-23

DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-9

Иксарова М. В.

Опыт локализации официальных веб-сайтов китайских компаний на примере бренда LENOVO (联想)

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская набережная, д. 7–9, 1999034, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: mary.ixarowa@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0003-2764-3893

*Статья поступила 2 декабря 2020 г.; принята 24 декабря 2020 г.;
опубликована 30 декабря 2020 г.*

Аннотация. В данной статье рассматривается определение «локализации» с точки зрения пересечения различных дисциплин, а также проводится параллель с понятием «перевод», выделяются отличительные особенности данных понятий. Объектом исследования является лингвокультурологический аспект «локализации», а предметом – тактики, используемые брендом в процессе «локализации». В качестве материала для исследования служат официальные веб-сайты компании Lenovo (联想) на русском, английском и китайском языках. На базе сравнительно-описательного метода выявлены и проанализированы стратегии продвижения бренда, и сформулированы особенности процесса «локализации». С учётом полученных результатов исследовательской работы выделяются ключевые тенденции продвижения бренда, а также объясняются различия в выборе стратегий «локализации». Результаты исследования будут релевантны не только для предпринимателей, но и для тех, чья деятельность связана с китайской лингвокультурой.

Ключевые слова: Перевод; Локализация; Адаптация; Продвижение бренда; Маркетинговый Перевод; Стратегии продвижения

Информация для цитирования: Иксарова М. В. Опыт локализации официальных веб-сайтов китайских компаний на примере бренда LENOVO (联想) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2020. Т.6, №4. С. 92-105. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-9

Mariia V. Iksarova

Experience in localizing official websites of Chinese companies on the example of the brand LENOVO (联想)

St. Petersburg State University
7-9 Universitetskaya Emb., 1999034, St. Petersburg, Russia
E-mail: mary.ixarowa@yandex.ru
ORCID iD: 0000-0003-2764-3893

Received 2 December 2020; accepted 24 December 2020; published 30 December 2020

Abstract: The article examines the definition of localization from the point of view of the intersection of various disciplines, and also draws a parallel with the concept of translation, highlights the distinctive features of these concepts. The object of the research is the linguocultural aspect of localization, and the subject is the tactics used by the brand in the process of localization. The research material is the official websites of Lenovo (联想) in Russian, English and Chinese. On the basis of the comparative-descriptive method, strategies for brand promotion are identified and analyzed, and the features of the localization process are revealed. Based on the available research results, the key trends in brand promotion are highlighted, and the differences in the choice of localization strategies are explained. The research results will be useful for entrepreneurs whose activities are tied to work with the Chinese linguistic culture.

Keywords: Localization; Translation; Adaptation; Brand promotion; Marketing translation; Promotion strategies

How to cite: Iksarova, M. V. (2020). Experience in localizing official websites of Chinese companies on the example of the brand LENOVO (联想). *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, V.6 (4), 92-105, DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-9

Введение (Introduction)

Преимущественно стоит отметить актуальность вопроса «локализации», которая может быть определена наличием определенных несоответствий у представителей отличных языковых групп, а, следовательно, и необходимостью исследования этнической исключительности целевой аудитории при выходе компании на новые рынки. Особую значимость данный вопрос приобретает на современном этапе экономического развития, когда продвижение продукта реализуется в условиях непрерывно развивающейся глобализации.

Следует также отметить факт того, что на данном этапе не существует единой трактовки «локализации», поскольку данное явление возникло сравнительно недавно и рассматривалось с точки зрения пересечения различных дисциплин. Следовательно, каждый исследователь привносил свое видение и толкование данного явления, тем самым расширяя его.

В узком смысле «локализацию» можно рассматривать как «адекватную адаптацию продукта, контента, или услуг к конкретно взятой культуре таким образом,

чтобы это выглядело как целенаправленное создание продукта для конкретной целевой аудитории» (GALA, 2019). Р.В. Коллинс представил «локализацию» как процесс, который оказывает влияние на анализ и адаптацию компьютерных приложений, интернет-софта и компьютерных игр к требованиям других государств, что и обуславливает их последующий успех и популярность у целевой аудитории (Collins, 2002: 74). Е. В. Чистова отмечает, что языковая «локализация» – это перевод и «культурная адаптация продукта к особенностям конкретного региона, страны или группы населения», где под продуктом подразумевается любого рода услуга или товар (Чистова, 2019: 963).

Некоторые исследователи рассматривают «локализацию» как высокоуровневый перевод, однако, это не совсем верное суждение, поскольку перевод – «это процесс обработки и вербализации текста, ведущий от текста на исходном языке к эквивалентному – по мере возможности – тексту на языке перевода и предполагающий содержательное и стилистическое осмысление оригинала» (Wills, 1977: 72).

Однако в отличие от перевода, где грамматический и орфографический регламент изменяется в зависимости от страны или региона (оперирование одним языком, но отличными его языковыми нормами), процесс «локализации» включает в себя работу и с другими составляющими: выбор определенной цветовой палитры, работа со всеми графическими компонентами (логотипы, фотографии, символы и т.п.), видео и аудио-составляющие, техническая «локализация», адаптация формата даты и времени и многое другое вплоть до полного пересмотра названия компании или продукта. Е. В. Чистова также отмечает, что «локализация» предполагает «тщательное и всестороннее изучение целевой культуры, в целях осуществления адекватной адаптации продукта к потребностям отдельных рынков» (Чистова, 2019: 964). Из вышеперечисленного можно сделать вывод, что «локализация» в сопоставлении с переводом – это более сложный и комплексный процесс, который включает в себя перевод текстового содержимого, однако, не эквивалентен термину «перевод».

Основная часть (Main part)

Перед началом изучения содержимого веб-сайта компании следует подробно проанализировать само её название, транслитерация которого отличается от исходной версии пиньиня: 联想(liánxiǎng) – Lenovo – Леново. На данном примере отчетливо

видна «локализация» названия компании при выходе на мировой рынок, которая была произведена по причине наличия нетипичных для европейского речевого аппарата звуков. Полученные версии «Lenovo» и «Леново» являются более благозвучными и подходящими для представителей целевой аудитории. Сами создатели компании объясняют значения названия следующим образом: «Изначально название компании звучало как “Legend” (Легенда), однако, поскольку данное наименование было крайне распространено среди имеющихся торговых марок, в частности на Западе, поэтому позднее оно было изменено на “Lenovo”, где “-novo” переводится с латинского как “новый”, а часть “Le-” была оставлена от предыдущего названия» (Todd Crowell).

Начиная анализ веб-сайта компании, стоит отметить факт того, что англоязычная и русскоязычные версии сайтов в целом похожи: используются одинаковые фотографии, баннеры, рекламные кампании, однако они выстроены в разном порядке: в американской версии сначала идет слайдер изображений «Transform», затем «COVID-19» и «Smarter», а русскоязычная версия открывается рекламным баннером «О нас» (содержимое которой идентично с американской «Transform»), затем следует «COVID-19» и «Партнерство».

Рис. 1. Содержимое веб-сайтов компании lenovo (联想)

Fig.1. Content of the Lenovo websites (联想)

Рис. 2. Слайдер-изображений российской и американской версий веб-сайта компании Lenovo (联想)

Fig. 2. Slider-images of the Russian and American versions of the Lenovo website (联想)

Рис. 3. Слайдер-изображений китайской версии веб-сайта компании Lenovo (联想)
Fig. 3. Image slider of the Chinese version of the Lenovo website (联想)

Стоит отметить, что главная страница китайской версии сайта отличается от англоязычной и русскоязычной: присутствует 9 флеш-заставок, но все они связаны с демонстрацией новых продуктов, также отсутствует флеш-заставки с информацией о COVID-19.

В целом контент сайта по своей структуре не отличается: гиперссылки, рекламные кампании продуктов, баннеры,

логотип расположен в левом верхнем углу сайта, однако, размер топ-бар меню в китайскоязычной версии немного больше, и в нем отсутствует информация о COVID-19, в отличие от двух других версий, также стоит отметить, что несмотря на возможность записи названия компании буквами русского алфавита, оно представлено на латинице:

Рис. 4. Сравнение топ-баров веб-сайтов компании Lenovo (联想)
Fig. 4. Comparison of top bars of Lenovo websites (联想)

Цветовое решение всех трех версий отличается: в китайской версии веб-сайта преобладают красный, желтый, черный цвета, очень яркая версия сайта; в англоязычной и русскоязычной версиях сайта преобладают синий, голубой, серый, и пастельные тона. На контрасте с китайскоязычной, эти две версии выглядят более спокойными и неброскими.

Информация о компании во всех трех версиях указана во футере, проблем с поиском корпоративной культуры не возникает: «关于联系», «О LENOVO» и «ABOUT LENOVO» соответственно. Также стоит отметить, что содержимое одной из иконок на сайте Lenovo в российской и американской версиях сайта представлено различными материалами меню.

Рис. 5. Меню веб-сайта компании Lenovo
Fig. 5. Lenovo Web Site Menu

В российской версии веб-сайта в меню «Культура» содержится подробная информация о компании, однако, в американской версии под той же иконкой, но

уже с названием «Sustainability» скрывается информация, связанная с привлечением к социальной ответственности своих клиентов:

Рис. 6. Блок информации о социальной ответственности на американской версии веб-сайта компании Lenovo

Fig. 6. Social Responsibility Information Block on the American version of the Lenovo website

Подобная информация отсутствует в русскоязычной версии сайта. Это связано с тем, что на данный момент в США крайне популярно движение Eco-friendly – это идеология, главной идеей которой является стремление сохранить планету и её живых обитателей от вымирания и разрушения, а также отказаться от нерационального потребления её ресурсов.

Говоря об оформлении, также следует отметить, что в китайскоязычной версии преобладают иллюстрации людей, а в русскоязычной и американской представлены реальные фотографии, в том числе и с участием руководителя компании – Ян Юаньцина. Также присутствует отдельный блок

«Наши Руководители» и «Our Leaders» соответственно, в котором представлены все менеджеры компании (количество китайских представителей превалирует). Сочетание с подобными лексемами как «наши» и «ours» «не типично для российской и американской лингвокультур...это свидетельствует о том, что внимание направлено не на каждого человека в отдельности, а на всю структуру в целом, поэтому компании стараются «актуализировать концепт семьи»; посредством “приравнивания” подчеркивается единство всех членов общества, а соответственно, коллективное разрешение всех возникающих проблем» (Чистова, 2019: 965).

Во футере указаны адаптированные для каждого региона форма времени и контакты для связи: для Китая это «400-990-8888转4» и «周一至周日», для Америки представлен отдельный раздел «Custom service» с несколькими контактными данными, зависящими от возникшей проблемы, например раздел «Need help placing an order?», «Sales: 1-855-253-6686option #2» и «Chat hours: Monday – Friday: 8am-Midnight EST, Saturday – Sunday: 9am-9pm EST». Для России контактные данные

представлены во вкладке «Ресурсы», где есть опция «Свяжитесь с нами», там представлен «Телефон технической поддержки: Персональные компьютеры, планшеты, серверы (режим работы – пн.-пт.: 09:00 – 18:00 (МСК): +7 (499)-705-62-04». Также существует опция: «Вы также можете найти ответ на интересующий вас вопрос на форуме Lenovo».

На ряде примеров рассмотрим то, как проявляется «локализация» на языковом уровне.

Таблица 1. Текст об информации компании: «О Lenovo»
Table 1. Company Information "About Lenovo"

中文	English	Русский
在联想，我们将前瞻性思维融入到每一件事情中，通过向我们的用户提供具有突破性创新的产品和服务，让他们不仅能够轻松高效地完成工作，也能实现更加便捷有趣的生活方式。正因如此，全球知名的波士顿咨询公司才会将联想誉为世界上最具创意的企业之一。	At Lenovo, innovation isn't just what we do, it's part of our DNA. It doesn't just make us who we are, it flows through everything we do—from the smartphone in your pocket and light bulbs in your smart home to the servers in your data center. And beyond.	Мы не просто внедряем инновации — они у нас в крови. Инновации не просто сделали нас теми, кто мы есть, они лежат в основе всего, что мы создаем — от смартфон в вашем кармане лампочки в умном доме до сервера в нашем дата-центре. И даже больше.

(Официальный сайт Lenovo; Lenovo Official US site; 联想官网)

Комментарий: если говорить о китайской версии, то есть ряд моментов, которые являются прямым следствием повышения процента ВВП в Китае и поднятия уровня жизни: «具有突破性创新的产品和服务» – «стремительное создание продуктов и сервисных услуг», «让他们不仅能够轻松高效地完成工作» – «позволить не только легко и эффективно выполнять работу», «更加便捷有趣的生活方式» – «более быстрый и увлекательный образ жизни» – отражение желания тратить время не на покупки, а на более важные в жизни вещи – прямое следствие быстрого и напряженного темпа жизни современных китайцев и их желание оптимизации и упрощения обыденных процессов.

Говоря об англоязычной адаптации нужно понимать, что американцы – деяте-

ли по своему психологическому отношению к жизни, они «выделяют себя из жизненного потока, пытаются направлять развитие событий, развивают планы и обдумывают способы их воплощения в действительность, получая удовольствие от активного участия в жизни», что и отражается в «локализации»: «инновации – часть нашего ДНК, проходящая сквозь все, что мы делаем» (Андреева, 2008).

Русскоязычная версия выглядит калькированной с английского языка, однако, с учетом применения ряда переводческих трансформаций, например, конкретизация отдельных слов в переводе: «it's part of our **DNA**», где вместо ДНК используется более характерный для русского менталитета фразеологизм «они у нас в крови».

Таблица 2. Текст миссии компании Lenovo (联想)

Table 2. The mission of the Lenovo company (联想)

中文	English	Русский
<p>联想的使命：致力于创造改变世界的技术、产品和服务，帮助每一个人拥抱更加充实有趣的生活。</p> <p>我们深知科技的世界永不止步。我们将对事业的热情，融入到创新的科技中，打造出高品质的产品与服务。</p>	<p>We are dedicated to transforming our customers' experience with technology – and how it, and they, interact with the world around us. We call this Intelligent Transformation. We are setting the stage for what's possible with technology shaped by Augmented Intelligence, capable of enhancing and elevating human capability.</p>	<p>Наша миссия – преобразовать клиентский опыт взаимодействия с передовыми технологиями и их совместного взаимодействия с окружающим миром. Мы называем это интеллектуальным преобразованием и создаем базу для реализации всего, что станет возможным с помощью технологий дополненного интеллекта (AI), которые направлены на расширение и усиление человеческих возможностей.</p>

(Официальный сайт Lenovo; Lenovo Official US site; 联想官网)

Комментарий: в течение неопределенного количества времени, во всем мире существовал так называемый феномен «Made in China», имеющий под собой негативную коннотацию, охватывающий круг продуктов низкого качества (масс-маркет). Китайский слоган «致力于创造改变世界的技术» – «посвятить себя созданию технологий, которые изменят мир» – прямое следствие переориентации китайских производителей с количества производимых товаров на их качество, стремление к созданию необычных и прорывных технологий, которые способны изменить стереотипное представление о китайских продуктах на мировой арене. Продолжением этого является и цитата «永不止步» – «никогда не останавливайся» – невероятное стремление к совершенствованию не только продукции, но и более благоприятной частной жизни, судьбы всей страны и мира в целом, основываясь на прошлых промахах, на базе коллективистских тенденций, отраженных во фразе «帮助每一个人拥抱更加充实有趣的生活» – «помочь каждому не просто существовать, а жить богатой и увлекательной жизнью» – забота не о конкретном человеке, а о всем обществе в целом.

Говоря об англоязычной версии, стоит упомянуть, что американцам присуща «ментальность активного деятеля, осознающего свою важность, уверенного в себе, которую зачастую называют самонадеянностью, окрашивает взгляд американца на мир в его повседневной жизни. Инстинктивно он подходит к задаче с позиции, как ее можно выполнить» (Андреева; цит. по: Сторти, 2004), это полностью объясняет выбор стратегии перевода: «стремление объединить опыт клиентов и изобретаемых технологий», «мы называем это 'осмысленные перемены'», «мы создаем условия, позволяющие повышать человеческие возможности» – акцент на значимости производимой деятельности, а также уверенности в ее важности и необходимости для дальнейшего прогресса.

Говоря о русскоязычной версии, следует отметить наличие лингвистической ошибки в тексте миссии компании: «технологий дополненного интеллекта (AI)», где, во-первых, на русскоязычный рынок транслируется аббревиатура AI (Augmented Intelligence), которая будет знакомой лишь для специалистов, связанных со сферой ИКТ, то есть не для широкого круга людей.

Таблица 3. Корпоративная информация компании Huawei (华为)

Table 3. Huawei corporate information (华为)

中文	English	Русский
联想的企业文化植根于多元视角和主人翁的精神，我们不断探索让企业蓬勃发展的方法，始终致力于为用户提供最好的产品和服务，并期待经由我们的努力，将世界变得更加美好、充满乐趣！	<p>A company where all add value, and where all belong.</p> <p>Our unique:</p> <p>Lenovo culture underpins everything we do. While we were born in the East, we are now a truly global workforce. Our diversity helps us re-think, reimagine, and reinvent faster. And our culture builds on our similarities and flourishes in the way difference makes us better.</p>	<p>Компания, в которой каждый сотрудник вносит свой вклад и является неотъемлемой частью всей команды.</p> <p>В основе всего, что мы делаем, лежат принципы нашей уникальной культуры We Are Lenovo. Основанная на Востоке, сегодня компания Lenovo состоит из представительств по всему миру и представляет собой глобальную силу. Наше культурно-этническое многообразие помогает нам переосмысливать привычные вещи и изобретать что-то новое. Наша культура основывается на наших сходствах и различиях, которые помогают нам становиться лучше.</p>

(Официальный сайт Lenovo; Lenovo Official US site; 联想官网)

Комментарий: выход на международную арену означает знакомство с новыми точками зрения и позициями – это напрямую отражается в языке: «多元视角» – «множественные точки зрения», «под разным углом зрения», а также отражение тенденции стремительного и непрерывного развития, подкрепленное желанием достижения лучшей жизни: «我们不断探索让企业蓬勃发展的方法» – «непрерывный поиск путей для стремительного развития предприятий». Также прослеживается тенденция, не так давно появившаяся в Китае, согласно которой покупатель – человек высшего статуса (одни из наиболее популярный метафор на эту тему: «顾客就是上帝», дословно можно перевести как «клиент – это Бог», а более литературно – «клиент всегда прав»; а также «衣食父母» – «клиент – поилец и кормилец»), поэтому задачей компании и ее сотрудников является максимально быстро и качественно удовлетворить его потребности, что отражается в языке и корпоративной культуре: «始终致力于为用户提供最好的产品和服务»

– «всегда стремиться предоставлять пользователям лучшие продукты и услуги».

В англоязычной версии, прежде всего, сделан акцент на уникальность, значимость и важность каждого сотрудника – индивидуалистские тенденции, присущие американцам: «A company where all add value, and where all belong» – «компания, в которой каждый сотрудник представляет ценность и является ее неотъемлемой частью». В последующем тексте проявляются тенденции исключительности: «Our unique» – «наше отличие», «Our diversity» – «наша многоплановость», «And our culture builds on our similarities and flourishes in the way difference makes us better» – «наша культура основана на том, что различия способствуют общему процветанию компании» – важность исключительности каждого сотрудника.

В русскоязычной версии присутствует ошибка лингвистического характера: непереуведенная с английского языка фраза «We Are Lenovo» в тексте корпоративной культуры компании. Также следует отметить коллективистские ориентиры компа-

нии, основанные на общности и единстве русского народа: «Компания, в которой каждый сотрудник вносит свой вклад и

является неотъемлемой частью всей команды».

Таблица 4. Информация о команде компании Huawei (华为)

Table 4. Information about the Huawei team (华为)

中文	English	Русский
<p>加入我们，让成功永不止步</p> <p>当你加入联想，你将面对一群来自世界各地，勇于创新的人，并成为他们当中的一份子。不论你在哪个部门，是人力资源、新业务还是研发工程，你的团队都将鼓励并帮助你展现你的才智和潜力，全心全意的完成工作。</p>	<p>At Lenovo, our people share a common aspiration to be the very best. Whether serving our customers, working together as a team, or contributing to the community, we are working to build a unique company – one that delivers unparalleled products created and supported by people who represent a wealth of cultures and experiences.</p> <p>Our strength lies in this diversity. And every day, on every project, we are creating a new language for inclusion and respect for others. We are dedicated to fostering an environment that encourages entrepreneurship and ownership – a workplace where people’s talents can be challenged, and their efforts recognized and rewarded.</p>	<p>Каждый сотрудник Lenovo стремится стать лучшим. Будь то взаимодействие с клиентами, совместная работа в команде или помощь сообществу – любой аспект нашей деятельности всегда связан с работой над созданием уникальной компании, которая предлагает лучшие продукты, созданные и поддерживаемые людьми, опирающимися на все богатство культур и обладающими серьезным опытом.</p> <p>В этом многообразии наша сила. И каждый день, в рамках каждого проекта, мы создаем новый язык для взаимодействия с другими и проявления уважения к ним. Мы формируем среду, где поощряют предпринимательство и ответственность, среду, где талантливые сотрудники получают интересные задачи и их усилия будут оценены и вознаграждены.</p>

(Официальный сайт Lenovo; Lenovo Official US site; 联想官网)

Комментарий: в китайской версии отчетливо прослеживается идея непрерывного развития: «让成功永不止步» – «никогда не останавливайся на достигнутом» (дословный перевод: «пусть успех никогда не прекратится») – стремление постоянного совершенствования. Также отражена идея сплоченного, дружного коллектива, который «всегда придет тебе на помощь не зависимо от того, в каком отделе компании ты работаешь, команда всегда ободрит тебя и поможет реализовать не только твой потенциал, но и скрытые способности, таланты и знания, от всего сердца и всеми

возможными способами поможет закончить твою работу успешно» – коллективистские идеи.

Анализируя англоязычную версию можно сделать вывод, что несмотря на индивидуализм и желание быть лучше окружающих, глобальные цели американцы все же предпочитают добиваться коллективно: «a common aspiration to be the very best» – «общее стремление быть самым лучшим», в этой же фразе отчетливо прослеживается возвращаемый с детства дух соперничества: «to be the very best» – «быть самым лучшим». Также отчетливо прослеживает-

ся тенденция исключительности и важности каждого, даже совсем отличного человека в общей культуре: «**a wealth of cultures and experiences**» – «богатство культур и опыта», «**our strength lies in this diversity**» – «наша сила заключается в этом разнообразии». Также отражена тенденция награды за усердную и кропотливую работу – благосклонность высших сил за приложенное упорство, диктуемое религией: «**efforts recognized and rewarded**» – «усилия будут признаны и вознаграждены».

Русскоязычная версия выглядит калькированной с английского языка, с учетом применения переводческих трансформаций: «**Our strength lies in this diversity**» – «В этом многообразии наша сила», «**Whether serving our customers, working together as a team, or contributing to the community**» – «Будь то взаимодействие с клиентами, совместная работа в команде или помощь сообществу», «**And every day, on every project, we are creating a new language for inclusion and respect for others**» – «И каждый день, в рамках каждого проекта, мы создаем новый язык для взаимодействия с другими и проявления уважения к ним» (Lenovo Official US site, 2020).

Материалы и методы исследования (Materials and Methods)

Материалом исследования послужило содержимое официального сайта компании Lenovo (联想), а также рекламные кампании данного бренда.

В качестве методов использовались: метод контролируемого отбора данных, сравнительно-сопоставительный метод, метод контент-анализа, метод синтеза и обобщения, метод компонентного анализа, метод семантического описания, а также мультимодального дискурс-анализа.

Результаты исследования и их обсуждение (Results and Discussion)

Таким образом, анализируя вышеизложенные материалы, можно выделить следующие тактики продвижения компании Lenovo (联想) в рассматриваемых странах. В Китае это:

- стремление к оптимизации и упрощению обыденных рутинных процессов, экономия времени с целью выделить его для более значимых вещей – прямое следствие повышения процента ВВП Китая и увеличения уровня жизни в стране;

- трансляция идей переориентации с количества на качество и создания прорывных технологий, способных изменить стереотипное представление о китайских продуктах на международном рынке;

- стремление к развитию и совершенствованию, которое способно привести к преобразованию и улучшению жизни во всей стране;

- забота о своих клиентах и всем обществе в целом, путем предоставления только лучших продуктов и услуг;

- актуализация концепта семьи: единство всех членов компании, взаимопомощь и взаимное развитие;

Среди тактик продвижения компании Lenovo (联想) в Америке можно выделить следующие особенности:

- стремлению к созданию инновационных продуктов, совершению прогресса, а также создание условий для благоприятного развития всего общества;

- уникальность и значимость не только всей компании, но и каждого сотрудника, работающего в ней;

- стремление быть лучшей версией себя, в том числе и на международной арене;

- акцентирование внимания на культурно-этническом многообразии сотрудников и клиентов компании, разнообразие которого способствует развитию и изобретению новых технологий;

Среди тактик продвижения компании Lenovo (联想) в России можно выделить ряд отличительных черт:

- заметное калькирование текста с английского языка, с учетом применения ряда переводческих трансформаций;

- постоянное стремление к созданию инновационных продуктов и совершенствованию, которые лежат в основе

деятельности компании, а также внедрение этих новшеств;

- стремление к установлению прозрачных отношений с окружающим миром;
- трансляция идеи культурно-этнического многообразия, которое помогает переосмысливать привычные вещи и изобретать инновационные продукты;
- акцент на уникальности сотрудников и всей компании, которая предлагает лучшие продукты, а также предоставляет пространство для реализации потенциала всех работников.

Также стоит отметить использование латинских аббревиатур и предложений на русскоязычном веб-сайте: (AI) (Augmented Intelligence), что не является окончательно корректным, поскольку подобная запись без контекста и перевода на русский язык будет понятна лишь для специалистов, чья деятельность связана с ИКТ (информационно-коммуникационные технологии), то есть понятна лишь узкому кругу людей. Предложение «We Are Lenovo» тоже будет понятно лишь людям, владеющим английским языком, что не совсем корректно с точки зрения «локализации».

Заключение (Conclusion)

Резюмируя вышесказанное, стоит отметить ряд отличительных особенностей

«локализации» веб-сайтов компании Lenovo (联想):

1. Версии веб-сайтов визуально похожи между собой, что свидетельствует о том, что при «локализации» была соблюдена предшествующая ей ступень – ступень интернационализации сайта – избавление исходной версии от всех региональных черт.

2. При адаптации веб-сайта были допущены лингвистические ошибки: непереуведенное с английского языка предложение «We Are Lenovo», которое, несмотря на свою простоту, будет понятно лишь людям, владеющим английским языком, а не русским, что является не совсем корректным с точки зрения «локализации».

3. Основываясь на проанализированной информации, можно выделить схему реализации «локализации» веб-сайта китайской компании:

4. Создание отдельного раздела на сайте, присущего лишь американской версии веб-сайта компании, напрямую связанного с идеологическим течением «Eco-friendly» (его главной идеей является защита окружающей среды, природных ресурсов, а также многообразия флоры и фауны нашей планеты), которое на данный момент крайне популярно в Америке и странах Западной Европы.

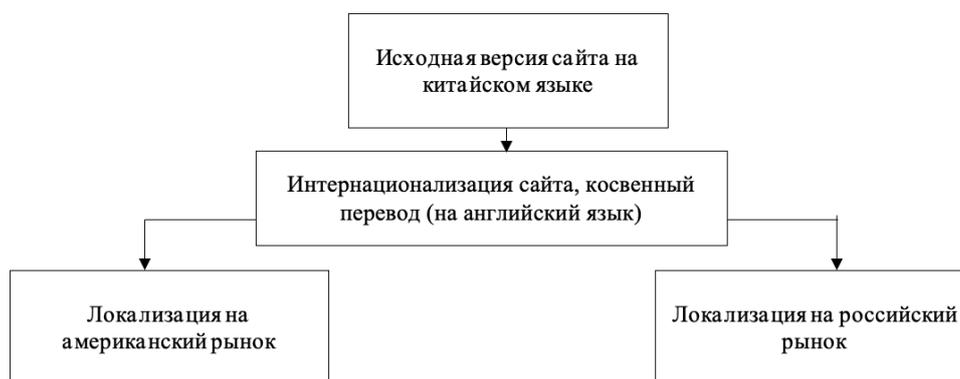

Рис. 7. Выведенная схема осуществления «локализации» исходной версии веб-сайта компании Lenovo (联想)

Fig: 7. Derived localization scheme of the original version of the Lenovo website (联想)

Список литературы

- Андреева И.В. Русские и американцы: отношение к работе, достижениям, успеху // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. Вып. 3. С. 1–17.
- Доброницкая А.В. Особенности временных ориентаций // Молодой ученый. 2017. URL <https://moluch.ru/archive/142/40012/> (дата обращения: 11.06.2019).
- Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. Шк., 1990. 253 с.
- Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме: монография. Красноярск: ГОУ ВПО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева», 2006. 393 с.
- Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме: монография. Красноярск: ГОУ ВПО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева», 2006. 393 с.
- Куликова Л.В. Коммуникация. Стиль. Интеркультура: прагмалингвистические и культурно-антропологические подходы к межкультурному общению: учеб. пособие. Красноярск: СФУ, 2011. 268 с.
- Куликова Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур: монография. Красноярск: РИО КГПУ. 2004. 196 с.
- Медведева Е.В. Рекламный текст как переводческая проблема // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. Вып.4. URL: <https://kurs.znate.ru/docs/index-202263.html> (дата обращения: 05.06.2020)
- Сабирова Л.А. Роль политического фактора в формировании и развитии характера русского человека // Современные исследования социальных проблем. 2011. Вып. 4. 83 с.
- Сдобников В.В. Новые тенденции в переводеведении // Казанский вестник молодых учёных. 2018. Вып. 4. С. 72–79. URL: <https://clck.ru/P9274> (дата обращения: 28.11.2020)
- Сухарева Е. Е. Шурлина О.В. Локализация сайта как форма межкультурной коммуникации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. Вып. 1. С. 166–169. URL: <https://clck.ru/P92XN> (дата обращения: 28.11.2020)
- Чистова Е. В. Когнитивные техники транскреации брендируемого контента: научное издание // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 37. С. 963–967.
- Чистова Е.В. Эколингвистические проблемы перевода в эпоху глобализации и глокализации // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. Вып. 1. С. 269–281.
- Официальный сайт Lenovo. 2020. URL: <https://www.lenovo.com/ru/ru/about/> (дата обращения: 05.06.2020).
- 联想官网. 2020. URL: <https://brand.lenovo.com.cn/about/introduction.html>
- Collins R.W. Software Localization for Internet Software: Issues and Methods // IEEE Software. 2002. 19 (2). Pp. 74–80.
- Cronin M. Translation and Globalization. London: Routledge, 2003. 298 p.
- Esselink B. A practical guide to localization. John Benjamins Publishing, 2000. 498 p.
- Globalization and Localisation Association. 2019. URL: <https://www.gala-global.org> (дата обращения: 05.06.2020).
- Lenovo Official US site. 2020. URL: <https://www.lenovo.com/us/en/about> (дата обращения: 05.06.2020).
- Localization, 2018. URL: <https://clck.ru/P93QY> (дата обращения: 12.11.2019).
- Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture (Theory, Culture & Society Series). London: SAGE Publications. Great Britain: The Cromwell Press Ltd. Broughton Gifford, Melksham, Wiltshire, 1992. 224 p.
- Thomas W. *Comparing Tools Used in Software Localization*. 2002. URL: <https://clck.ru/P93i6> (Accessed 10 November 2020).
- Todd C. Ever heard of Lenovo, Haier, CNOOC? You will. 2005. URL: <https://www.csmonitor.com/2005/0630/p13s02-stct.html> (Accessed 16 May 2020).
- Trompenaars F. Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business, 1993. URL: <https://clck.ru/P93pQ> (Accessed 20 November 2019).
- Wills W. Übersetzungswissenschaft: Probleme und Methoden. Stuttgart, 1977. 324 с.
- 联想官网, 2020. URL: <https://brand.lenovo.com.cn/about/introduction.html>

王薇薇, «语言与跨文化交际», 硕士论文, 北京市, 首都师范大学, 2003. 57页. (Ван Вэйвэй, «Язык и межкультурная коммуникация»).

References

Andreeva, I.V. (2009), Russians and Americans: Attitude to Work, Achievements, Success, *Humanitarian Research in Eastern Siberia and the Far East*, 1–17. (In Russian)

Dobronitskaya, A.V. (2017), Features of temporal orientations, *Young Scientist LLC*, 8 (142), 260-262, available at: <https://moluch.ru/archive/142/40012> (Accessed 11 June 2019). (In Russian)

Komissarov, V.N. (1990), *Teorija perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Translation theory (linguistic aspects)], Higher. School of Economy, Moscow, Russia. (In Russian)

Kulikova, L.V. (2006), *Kommunikativnyj stil' v mezhkul'turnoj paradigme: monografija* [Communicative style in the intercultural paradigm: monograph], GOU VPO Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva", Krasnoyarsk, Russia. (In Russian)

Kulikova, L.V. (2011), *Kommunikatsija. Stil'. Interkul'tura: pragmalingvisticheskie i kul'turno-antropologicheskie podkhody k mezhkul'turnomu obshheniju* [Communication. Style. Interculture: pragmalinguistic and cultural-anthropological approaches to intercultural communication], Krasnoyarsk: Siberian Federal University. (In Russian)

Kulikova, L.V. (2004), *Mezhkul'turnaja kommunikatsija: teoreticheskie i prikladnye aspekty. Na materiale russkoj i nemetskoj lingvokul'tur* [Intercultural communication: theoretical and applied aspects. On the material of Russian and German linguocultures], RIO KGPU, Krasnoyarsk, Russia. (In Russian)

Medvedeva, E.V. (2003), Advertising text as a translation problem, *Journal of Moscow University. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, available at: <https://kurs.znate.ru/docs/index-202263.html> (Accessed 05 June 2020). (In Russian)

Sabirova, L.A. (2011), The role of the political factor in the formation and development of the character of the Russian person, *Modern Studies of Social Issues*, 4, available at:

<https://clck.ru/P8zzL> (Accessed 28 November 2020). (In Russian)

Sdobnikov, V.V. (2018), New trends in translation studies, *Kazan bulletin of young scientists*, 4, 72–79, available at: <https://clck.ru/P9274> (Accessed 28 November 2020). (In Russian)

Sukhareva, E.E. and Shurlina, O.V. (2013), Site localization as a form of intercultural communication, *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 1, 166-169, available at: <https://clck.ru/P92XN> (Accessed 28 November 2020). (In Russian)

Chistova, E.V. (2015), Cognitive techniques of branded content transcreation: scientific publication, *Cognitive studies of language*, 963-967 (In Russian)

Chistova, E.V. (2015), Ecolinguistic problems of translation in the era of globalization and glocalization, *Ecology of language and communicative practice*, 269–281. (In Russian)

Lenovo Official website (2020), URL: <https://www.lenovo.com/ru/ru/about/> (Accessed 05 June 2020).

Collins, R.W. (2002), *Software Localization for Internet Software: Issues and Methods*, IEEE Software, 19 (2), 74–80.

Cronin, M. (2003), *Translation and Globalization*. London: Routledge.

Esselink, B. (2000), *A practical guide to localization*. John Benjamins Publishing.

Globalization and Localisation Association (2019), available at: <https://www.gala-global.org> (Accessed 05 June 2020).

Lenovo Official US site (2020), URL: <https://www.lenovo.com/us/en/about> (Accessed 05 June 2020).

Localization, available at: <https://clck.ru/P93QY> (Accessed 12 November 2019).

Robertson, R. (1992), *Globalization: Social Theory and Global Culture (Theory, Culture & Society Series)*, London: SAGE Publications. Great Britain: The Cromwell Press Ltd. Broughton Gifford, Melksham, Wiltshire.

Thomas, W. (2002), *Comparing Tools Used in Software Localization*, available at: <https://clck.ru/P93i6> (Accessed 10 November 2020).

Todd, C. (2005), *Ever heard of Lenovo, Haier, CNOOC? You will*, available at: <https://www.csmonitor.com/2005/0630/p13s02-stct.html> (Accessed 16 May 2020).

Trompenaars, F. (1993), *Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business*, available at <https://clck.ru/P93pQ>. (Accessed 20 November 2019).

Wills, W. (1977), *Übersetzungswissenschaft: Probleme und Methoden*, Stuttgart.

联想官网(2020), URL:
<https://brand.lenovo.com.cn/about/introduction.html>

王薇薇 (2000), "语言与跨文化交际", 硕士论文, 北京市, 首都师范大学. 57 页 (Wang Weiwei (2000), "Language and Intercultural Communication").

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Об авторе

Иксарова Мария Витальевна, магистр востоковедения и африканистики СПбГУ, Россия.

The author

Mariia V. Iksarova, Master of Oriental and African Studies, St. Petersburg State University, Russia.